

Кэтрин Марч

ШЕИХ

Гордая, независимая берберская принцесса стала пленницей молодого красавца шейха, но не покорила его воле. Однако она не смогла противиться колдовству изысканных ласк и неге сладострастия, которые познала в объятиях своего врага. Она освобождается из плена, но ее сердце остаётся пленным. И когда настал момент выбора, она готова рискнуть жизнью. Чтобы спасти того, кто стал ее проклятием... и ее единственной любовью.

Марокко, 1673 г

Шейх Джамал Абд — Табит сбежал по сходням своего судна «Грабитель», название которого полностью оправдывал его пиратский промысел, и обвел взглядом величественную гряду холмов, кольцом окружавшую Танжерскую гавань. Он был рад снова оказаться дома после долгого, протяженностью в целый год, путешествия в Англию, где жила его мать. Однако радовался Джамал недолго: едва он ступил на берег, его окружили солдаты султана Мулая Исмаила.

— Что это значит? — невозмутимо осведомился шейх, и в голосе его явственно зазвучали властные нотки.

Те, кто хорошо его знал, в такие моменты старались держаться подальше, поскольку за ледяным спокойствием Джамала обычно скрывался закипающий гнев.

— Я арестован?

Высокий человек, чья кожа блестела, как полированное черное дерево выступил вперед.

— Нет, шейх Джамал, ты не арестован. Наш повелитель, великий султан Мулай Исмаил, требует тебя к себе, и немедленно.

Джамал раздраженно взглянул на чернокожего начальника стражи, с которым был давно знаком. Армия Исмаила насчитывала более пятидесяти тысяч негров-рабов, плененных во время походов в африканские земли, и солдаты эти отличались силой, умением сражаться и фанатичной преданностью султану.

— Послушай, Хасдай, после долгого плавания я почувствовал под ногами твердую землю. Кроме того, мне надо проследить за разгрузкой корабля. Неужели это так срочно?

— Ты вернулся с добычей? — спросил Хасдай.

— И столь богатой, что даже султан будет доволен. Мне повстречались три испанских галеона — два у берегов Португалии и один в Гибралтарском проливе. Их трюмы были полны сокровищ, львиную долю которых я, как обычно, отправлю нашему великому правителю.

— Мне приказано без промедления доставить тебя в Мекнес. Пока ты плавал, здесь произошло немало событий.

Джамал подумал о своем прекрасном дворце из белого мрамора, стоявшего к западу от Мекнеса в цветущем оазисе, названном за свою первозданную красоту Эдемом. Вспомнил он и зеленые сады, и озеро, чьи прозрачные голубые воды сверкают на солнце подобно мириадам бриллиантов и юных наложниц, с нетерпением ожидавших его возвращения... В нем снова зашевелился гнев.

— Передай султану, что я приеду в Мекнес, как только смогу.

— Ты поедешь сейчас.

Хасдай был непреклонен. Он прекрасно знал, что, если не справится с поручением султана, ему придется расстаться с жизнью. Исмаил, человек вспыльчивый и жестокий, вообще не терпел ослушания, а что до нерадивых рабов, то их ждал страшный конец.

Джамал отлично понимал, что ему все равно придется уступить, а раз так, то лучше сделать это сейчас, пока еще можно выйти из положения, не теряя достоинства.

— Воля султана для меня закон, — вздохнул он. — Дай мне время переодеться и отдать необходимые распоряжения.

Не дожидаясь ответа, Джамал развернулся на каблуках и вернулся на корабль. Гарун, его шкипер и доверенное лицо, встретил своего капитана на юте.

— Вы чем-то расстроены, господин? — озабоченно спросил он.

Черные брови Джамала сдвинулись, между ними залегла глубокая складка.

— Мне приказано немедленно явиться в Мекнес. Ты знаешь, как следует поступить с нашей добычей. Проследи, чтобы доля султана была без промедления отправлена караваном вслед за мной, а моя — в Эдем. Остатки распредели среди команды, отправляйся со вторым караваном и жди моего возвращения. Если мне что-то понадобится, я дам тебе знать.

— Как скажете, господин... — с низким поклоном ответил Гарун.

Двадцать минут спустя Джамал присоединился к Хасдаю и его людям. Свою европейскую одежду — плотно облегающие штаны, льняную сорочку и камзол шейх сменил на джеллабу, широкие шаровары и рубаху со шнуровкой у горла. Его густые черные, слегка вьющиеся волосы скрыл белый тюрбан.

— Султан желает подарить тебе коня, — сказал Хасдай, и один из его солдат вывел вперед гнедого арабского скакуна. — Его зовут Касым, и он оправдывает это имя. Жеребец с норовом, но султан уверен, что ты с ним сладишь.

Джамал в немом восхищении взирал на благородное животное. Это был воистину царский подарок. Видимо то, о чем султан собирался просить шейха, было крайне для него важно, иначе он, знаток и ценитель лошадей, ни за что не расстался бы со столь совершенным творением Аллаха. На Касыме красовалось великолепное кожаное седло, а уздечка была изукрашена сверкающими драгоценными камнями.

Джамал легко взлетел в седло; жеребец захрапел, мотнул головой и встал на дыбы, но умелая рука опытного наездника тут же осадила его. Сделав еще две-три тщетные попытки избавиться от седока, конь сдался и больше не своевольничал, но его строптивное поведение встревожило других лошадей и солдатам пришлось их успокаивать.

Джамал между тем ударил Касыма каблуками по бокам и унесся вперед, оставив Хасдая и его людей в облаке пыли. Многие из них давно знали шейха и уважали его за дерзкий нрав, презрение к опасности, гордость и беспощадность к врагам. К этому, конечно, следовало добавить верность и кристальную честность — качества, с лихвой искупавшие многие его недостатки.

По-прежнему опережая отряд Хасдая, Джамал въехал в славный город Мекнес, где и находился дворец султана. Миновав тройные укрепленные ворота, он оказался в старом городе Медине, узкие кривые улочки которого вели в самое сердце крепости. В глазах шейха зарябило от ярких красок всевозможных товаров, в уши ударил знакомый гул восточного базара, а в ноздри — аппетитные запахи готовящейся здесь же пищи. Окрестности оглашались звуками барабанов, тамбуринов и флейт создавая ни с чем не сравнимую атмосферу праздника, веселья и благоденствия. Шустрые обезьянки прыгали по пестрым балдахинам шатров и под дружный хохот зевали воровали фрукты у разомлевших от жары купцов. О Аллах, как же он скучал по всему этому, пока был в плавании!

Сквозь гигантские, изукрашенные затейливой резьбой ворота Баб-Бердаин они въехали на территорию дворца, миновали искрящиеся мозаикой мечети, цветущие сады, подземную тюрьму, где пленные христиане, не видя солнечного света, обтесывали каменные глыбы для фортификационных сооружений и остановились перед аркой, служившей одним из входов в покои султана.

— Сюда, шейх, — сказал Хасдай и повел Джамала длинным коридором через

просторные комнаты и залы, мимо застывших на часах стражей и просителей, ожидавших своей очереди, чтобы лицезреть великого владыку.

Джамал много раз бывал во дворце и сразу понял, что его ведут на половину султана, а не в Зал Совета, где вершились все государственные дела. Каблуки его сапог громко цокали по мраморному полу, но эхо тонуло в сонной атмосфере роскошных покоев, и лишь глаза личных стражников султана — полуголых чернокожих гигантов, замерших, подобно эбеновым статуям, у входа в святая святых дворца, — пытливо всматривались в нарушителя спокойствия.

Мулай Исмаил, невысокий коренастый человек с резкими чертами лица и густой черной бородой, возлежал на подушках в окружении красавиц. Его многочисленные жены и наложницы, доставленные в гарем со всех концов света, не знали себе равных. Каждая была уникальна по-своему. Цвет их кожи включал все оттенки, от молочно-белого до маслянисто-черного. Но молодой шейх, казалось, их даже не заметил — его взгляд был обращен к султану.

— А, шейх Джамал, наконец-то пожаловал! — сказал Мулай Исмаил и сделал ему знак приблизиться.

Джамал подошел, приветствуя владыку, как того требовал нерушимый придворный этикет, и спросил:

— Почему меня оторвали от дел, даже не удостоив объяснений? Мне пришлось оставить разгрузку корабля и поспешить сюда. Что за срочность?

«Мальчишка! — возмущенно подумал Исмаил. — О Аллах, если бы я так не нуждался в тебе, ты бы на своей шкуре узнал, что значит прекословить владыке!» Но Джамал, помимо прочего, был могущественным шейхом, унаследовавшим этот титул от отца, верного слуги ислама и султана, и Исмаил ценил его как очень полезного союзника, преданного вере и престолу, хотя в жилах молодого шейха и текла часть христианской крови. Подвиги Джамала на море приносили казне огромный доход, а в золоте султан нуждался сейчас как никогда. О пиратских рейдах «Грабителя» и отваге его капитана ходили легенды. Какие бы вольности ни позволял себе Джамал в его лояльности Исмаилу сомневаться не приходилось.

— Я с нетерпением ждал твоего возвращения, — мрачно сказал султан. — Ты нужен мне. Берберский кади Юсуф Абу Селим хочет обобрать меня до нитки. Его воины нападают на все караваны, идущие в Мекнес и обратно, а затем скрываются от моей армии в Рифских горах. Если эти грабежи не прекратить, моя казна иссякнет.

— Берберы всегда были костью в горле каждого султана и халифа с тех пор, как арабы завоевали их страну, — ответил Джамал. — Мекнес ведь тоже когда-то принадлежал им. Город назван в честь мекнасса, великого берберского племени, его основавшего. Они хотят вернуть себе эти земли. Мой отец погиб, сражаясь за тебя с берберами.

Султан торжественно склонил голову, отдавая дань памяти павшему воину.

— Пусть принесут напитки, это поможет без спешки разобраться с нашим делом, — распорядился он и, обращаясь к женщинам, добавил: — Оставьте нас.

Те бесшумно выскользнули из комнаты, украдкой бросая взгляды на красавца шейха.

Мгновенно, так же неслышно, появился слуга с подносом медового печенья и двумя пиалами ароматного мятного чая; он поставил его у ног владыки и, пятась удалился.

Исмаил поднес свою пиалу к губам, сделал глоток, удовлетворенно кивнул и спросил:

— Как поживает твоя мать?

— Она в добром здравии, но все еще скучает по отцу.

— Она по-прежнему так же красива, как была когда-то?

— С возрастом она стала еще краше. Но вряд ли ты позвал меня сюда, чтобы говорить о моей матери.

— Нет, конечно. Насколько мне известно, ты не испытываешь нежных чувств к берберам, вот я и решил попросить тебя помочь мне с ними расправиться. Сделай мне подарок: поймай этого кади Юсуфа и приволоки его сюда, во дворец. Ты опытен и хитер, Джамал, ты именно тот, кто сможет приструнить самозванца. Берберы жиреют за мой счет, и я не намерен с этим мириться.

— Берберы воевали с тобой долгие годы, — покачал головой шейх. — Ты обложил их непомерной данью, вот они и возмещают свои убытки. Кроме того, они так и не расстались с мыслью вернуть себе Мекнес. К счастью, берберы разрозненны и нападают небольшими отрядами, но стоит им объединиться и нам несдобровать.

— Я вынужден тратить время и деньги на то, чтобы держать их подальше от границ, тогда как эти силы и средства нужны здесь — моему народу. Юсуф Абу Селим должен быть уничтожен. Без своего кади берберы не посмеют больше тревожить меня.

— Неужели это так срочно? — взмолился Джамал. — Я так давно не был дома! Мой дворец, мои наложницы...

— Твои женщины подождут, а я ждать не намерен, — резко оборвал его Исмаил. — Сделай это, и я щедро тебя награжу.

— Мне не нужны твои деньги, у меня и своих довольно, — возразил Джамал, — трюмы трех испанских галеонов, что я встретил в пути просто ломились от золота и серебра. Твоя доля прибудет в Мекнес караваном.

— Ага! — В черных глазках Исмаила блеснул хитрый огонек. — Богатый караван говоришь? Ты бы и сам не устоял перед соблазном сорвать такой куш, верно? Моя армия в твоём распоряжении, Джамал. Если не сможешь пленить Юсуфа, принеси мне его голову... или по крайней мере навсегда отбей у него охоту нападать на мои караваны!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Прекрасная, как полная луна на звездном небе, одетая по обычаю своего народа во все синее, Зара гордо восседала на спине поджарого бегового верблюда. Истинная дочь суровых Рифских гор, девушка являла собой великолепный образчик племени диких воинов пустыни, прозванных Синими Людями. Она обладала сердцем львицы, душой непримиримого борца за свободу и телом женщины, чья совершенная красота раскрылась, подобно волшебному цветку.

Стоя на вершине пологого склона между своим отцом, кади Юсуфом, и Саидом, его правой рукой, Зара пристально вглядывалась в караван, змеящийся далеко внизу по пыльной тропе; он уже перевалил через хребет и направлялся теперь прямо в стольный город Мекнес.

— Вот он, отец! — возбужденно прошептала Зара. — Тот самый караван, что везет султану награбленное пиратами добро. Все именно так, как донес наш шпион.

Юсуф, красивый сорокалетний мужчина с загорелым обветренным лицом, снисходительно улыбнулся нетерпению своей дочери. Она никогда не могла усидеть на месте. С тринадцати лет эта златовласая красавица сопровождала его повсюду, и теперь, когда ей исполнилось двадцать, была не менее отважна и умела в бою, чем закаленные воины, всю жизнь прошедшие в сражениях.

— Не торопись, дитя мое, — предостерег ее Юсуф. — Наш успех всегда зависел от того, сможем ли мы перехитрить врага. И поспешность здесь плохой союзник.

— Кади прав, — кивнул Саид. — Если наш шпион сказал правду и этот караван везет султану золото и серебро, то дело стоит того, чтобы подождать. Награбленные пиратами сокровища помогут нашему народу продолжить борьбу.

Зара с трудом заставила себя подчиниться. Даже ее верблюд, чувствуя нетерпение наездницы, нервно переступал ногами. Девушка опустила поводья, но взгляд ее был по-прежнему прикован к далекому каравану.

— Но мы готовы к бою, отец, — умоляюще произнесла она и, жестом указав на застывших позади них в молчаливом строю вооруженных до зубов людей в свободных синих одеждах, добавила: — Твои воины только ждут сигнала.

Саид вопросительно взглянул на Юсуфа, и тот едва заметно кивнул. Рука верного оруженосца кади взметнулась вверх, замерла на мгновение в воздухе и снова упала. В тот же миг вниз по склону наперерез беззащитному каравану начала скатываться лавина Синих Людей — от их свирепых воинственных криков кровь стыла в жилах, а от топота сотен верблюдов, казалось, дрожало само небо.

* * *

— Они пошли в атаку! — крикнул Хасдай, и его губы скривились в зловещей усмешке.

— По коням! — приказал Джамал и первым взлетел в седло.

Сотня отборных солдат султана тут же последовала его примеру, горя желанием поскорее встретиться с ненавистными берберами лицом к лицу.

Прекрасно знакомый с правилами рукопашного боя, Джамал подпустил Синих Людей как можно ближе к каравану и лишь затем дал сигнал к атаке. Сделай он это раньше, у берберов было бы время развернуть своих верблюдов и скрыться, а приказ султана этого не допускал: владыка жаждал смерти Юсуфа и полного уничтожения его банды.

* * *

Зару охватило возбуждение; кровь стучала в висках, ноздри, казалось, уже вдыхали запах победы. Подобные нападения редко заканчивались настоящим боем. Погонщики верблюдов были законченными трусами и ценили свою жалкую жизнь куда выше добра султана, а кучка солдат, что сопровождали караваны и должны были их защищать, бросали оружие и удирали сломя голову, едва завидев Синих Людей, вооруженных ятаганом, верхом на верблюдах. Зара с удовлетворением отметила, что этот караван охранялся даже хуже других: она насчитала всего шесть солдат.

Скакавший рядом с ней Юсуф внезапно резко дернул поводья и развернул своего верблюда.

— Назад, девочка моя, назад! — крикнул он, увидев то, что Зара, увлеченная предстоящей схваткой, еще не успела заметить.

Но его предупреждение запоздало: армия Джамала, почти вдвое превосходящая их числом, уже пошла в атаку.

Юсуф был не на шутку встревожен. Конечно, Зара сопровождала его во всех прошлых налетах на караваны, но все они были относительно безопасны, тогда как сегодняшний грозил обернуться настоящей бойней. Многие погибнут...

— Зара, быстрее назад! — снова крикнул он.

Стремительное развитие событий застало девушку врасплох. Она и опомниться не успела, как оба отряда сошлись в ожесточенной схватке. Зара слышала приказ отца, но не собиралась подчиняться ему. Как она может уехать, бросив его и Саида на произвол судьбы? Да за кого они ее принимают?

Она кипела от возмущения, когда увидела рослого всадника в белых развевающихся одеждах на черном, как ночь, коне, который скакал прямо к ее отцу. Тот отчаянно отбивался от наседавших врагов и не подозревал о новой опасности. На размышление времени не оставалось: если Зара не сумеет спасти отца, его ждет неминуемая смерть.

Она погнала своего верблюда наперерез всаднику и успела как раз вовремя, загородив собой отца и давая ему таким образом драгоценные мгновения, чтобы успеть обернуться и увидеть врага. Юсуф, оценил смелый поступок дочери, но был разгневан тем, что она послушалась его и оказалась в самом опасном месте. Страх за нее взял верх, и кади скрепя сердце приказал отступить. Нечасто берберским воинам доводилось оставлять поле боя, едва схватившись с врагом, но слово кади было законом, и они поспешили ретироваться к спасительным горам.

Джамал выругался сквозь зубы:

— Клянусь бородой Аллаха, мы не можем дать им уйти!

Зара двинулась вслед за отцом, с тыла ее прикрывал Саид. Они устремились к горам, под защиту надежных стен своей крепости. Сзади доносился дробный топот коней преследователей. Девушка оглянулась через плечо, и в ее жилах застыла кровь.

Чернокожий солдат, догнав Саида, полоснул ятаганом по задней ноге его верблюда; животное рухнуло с перерезанным сухожилием. Оглушенный падением, Саид еще не успел прийти в себя, когда солдат навалился на него. Схватка была ожесточенной, но недолгой. Словно сквозь кровавый туман Зара видела, как над головой ее жениха блеснула сталь, и Саид неподвижно распростерся на пике.

Девушка отказывалась верить своим глазам. Быть может, он только ранен? С криком отчаяния она развернула своего верблюда и поспешила назад — туда, где неподвижно застыло тело ее возлюбленного. Не доехав нескольких метров, Зара спешила, выхватила

свою кривую саблю и бросилась на чернокожего солдата.

Юсуф не ведал о случившемся; он полагал, что его дочь и Саид следуют за ним и его воинами к тайному месту сбора в горах. Сильные беговые верблюды уверенно уносили своих всадников вперед, тогда как копыта лошадей преследователей вязли в глубоком песке, и вскоре берберы оставили армию Джамала далеко позади.

Джамал видел, как один из Синих Людей пал от клинка Хасдая и как другой берберский воин, видимо, друг или родственник погибшего, развернул верблюда, жертвуя собственной безопасностью ради слабой надежды спасти раненого.

Шейх невольно восхитился отвагой этого человека и, приглядевшись, узнал в нем того самого стройного бербера, что помешал ему напасть на кади Юсуфа и выполнить приказ султана.

Заре показалось, что Саид еще дышит. Сильным ударом отбив клинок чернокожего солдата, она склонилась над своим суженым, глядя его окровавленное лицо и умоляя не умирать, а потом в приступе горя припала к нему, словно желая влить в него собственную жизнь, отогнать зловещую тень, уже коснувшуюся ледяным крылом милых черт. Солдат грубо выругался и занес свой ятаган над ее головой. Но Заре было уже все равно. Друг ее детства умирал, и она не могла бросить его одного, даже под угрозой смерти.

Джамал был невольно тронут подобным самоотречением. Он громко окликнул Хасдая, пытаясь остановить его, но тот, не в силах уже остановить летящий вниз тяжелый ятаган, все же успел в последний момент повернуть его плашмя и немного ослабить удар.

От удара по голове Зара, не успев даже понять, что произошло, провалилась в черную бездну беспомощности.

Джамал спешил к поверженному врагу. В его душе шевельнулось какое-то странное предчувствие, что эта встреча не случайна, что она предопределена свыше. По спине пробежал неприятный холодок. Впрочем, в лежащем навзничь юноше не было ничего необычного, разве что он был куда стройнее своих приземистых, крепко сбитых соплеменников и казался слишком хрупким для той отчаянной атаки, в которую бросился, спасая жизнь друга. Охваченный любопытством, Джамал опустился на колени рядом с потерявшим сознание бербером и довольно грубо перевернул его на спину.

— Клянусь Аллахом, да это же безусый юнец! — удивленно воскликнул он.

Лицо бербера было гладким и нежным, как у новорожденного младенца; изящно изогнутые брови цветом напоминали густой мед, а полные, чуть приоткрытые губы, казалось, звали к поцелуям, что уж совсем не соответствовало облику мужчины. Картину дополняли длинные ресницы, высокие скулы совершенной лепки, легкий румянец, мягкие линии шеи и выбившиеся кое-где из-под кефеи длинные шелковистые локоны того же медового тона, что и брови. Все это вселило в Джамала неожиданное подозрение, что синие одежды берберского воина скрывали собой женское тело.

Как и у многих берберов, перебравшихся в Африку из более северных земель, светлая кожа, белокурые волосы и тонкие черты лица Зары выдавали в ней наследие германских предков. Не в силах поверить, что женщина столь редкой красоты могла отравиться в разбойный налет вместе с кучкой грубых дикарей, Джамал решил убедиться, что зрение не подвело его; он запустил руку под складки синей ткани, и его пальцы сразу же сомкнулись вокруг нежной выпуклости, которая могла быть только девичьей грудью. Его ладонь осторожно продолжила эту восхитительную разведку и нащупала маленький твердый сосок... Джамал вождеденно зажмурился, представляя себе, как сладостно было бы

почувствовать вкус губ маленькой берберки.

Жарко...О, как же жарко!..Зара пришла в себя от разгоравшегося в ее теле жадного огня, который не имел ничего общего с раскальвающейся от боли головой. Не прошло и двух секунд, как она поняла, что ее самым возмутительным образом ощупывают. Глаза девушки широко распахнулись, и она увидела склонившегося над ней демонически красивого мужчину в белых одеждах; в его темных, расширившихся от желания зрачках, казалось, плясали языки того же пламени, что жгло ее тело.

— Убери свои грязные руки, убийца! — прошипела она сквозь стиснутые зубы.

— А, красавица очнулась, — усмехнулся Джамал. Под гневным взглядом глаз девушки его рука соскользнула с ее груди и как ни в чем ни бывало поправила задрвшуюся одежду. — Кто ты? С каких это пор Синие Люди берут с собой в набеги женщин? Им что, не хватает воинов?

Зара коснулась своей головы и застонала. Странно, но она действительно еще жива, иначе откуда эта боль? Девушка попыталась было встать, но сумела лишь немного приподняться на локтях. Ее взгляд упал на безжизненное тело возлюбленного, неестественно изогнувшееся на пропитанном кровью песке. Она снова потянулась к нему, но Джамал удержал ее.

— Он мертв.

— Я не верю тебе, ублюдок! Скотина! Верблюжье дерьмо! Саид слишком хорош, чтобы умереть так глупо, от руки какого-то никчемного раба!

Джамал нахмурился. Его мало трогало, что она думала о Хасдае, но ему, как ни странно, было небезразлично, кем являлся для нее этот Саид, которого она пыталась спасти, и почему даже мертвый он что-то значил для нее.

— Кто он? — недовольно спросил шейх.

— Мой жених. И ты убил его! — Она судорожно вцепилась в рукоять своей кривой сабли, что по-прежнему лежала рядом, но Джамал носком сапога придавил ее запястье к земле.

— Я многих убил на своем веку, но не его. К тому же он знал, что ему грозит в случае нападения на караван султана. Кто ты такая? Мужчины не берут с собой подруг, когда отправляются на войну. Женщинам не место рядом с солдатами.

— Арабским женщинам — возможно, но я берберка! — возмущенно фыркнула Зара. — Саид не смог бы помешать мне. Это под силу только кади, но отец слишком любит меня, чтобы возражать по пустякам!

Джамал с новым интересом взглянул на нее, потом улыбнулся, и улыбка его не предвещала ничего хорошего.

— Благодарение Аллаху, мне сегодня повезло. Выходит, я взял в плен дочь самого кади Юсуфа!

Зара слишком поздно поняла свою оплошность. Сказав Джамалу правду, она невольно поставила под удар не только себя, но и своего отца. Конечно же, узнав, что его дочь в плену, Юсуф поспежит ей на выручку, чем не преминут воспользоваться его враги. Отпираться было поздно: этот араб совсем не походил на дурака и не поверил бы ей, вздумай она солгать.

— Да, я принцесса Зара, дочь кади Юсуфа, гордо подтвердила девушка. — А ты кто такой?

Пораженный смелостью девушки, Джамал изумленно уставился на нее. Арабские

женщины никогда не показывались на людях с открытым лицом, да и вообще ни за что бы не позволили себе говорить с мужчиной столь вызывающе. Но берберки не подчинялись правилам поведения, установленным суровыми арабами для своих жен, дочерей и наложниц. Обретя дар речи, он наконец ответил:

— Я шейх Джамал, слуга Аллаха и верный вассал султана. А ты, принцесса Зара, моя пленница. Он взял ее за плечи и рывком поставил на ноги. Молодой шейх был высок, но стройная берберка оказалась ростом ему до подбородка. В отличие от низеньких и склонных к полноте арабов — оба этих качества плюс покорность весьма высоко ценились мужчинами — она никак не соответствовала бы традиционному представлению о красоте, если бы... если бы не ее лицо — одновременно нежное и строгое, удивительно выразительное и холодное. А какие глаза! Огромные, гневно сверкающие изумруды чистой воды! В том, что они умеют метать молнии, Джамал уже имел возможность убедиться, теперь он гадал, каковы они, когда в них светится любовь. Такими глазами берберская принцесса смотрела когда-то на Саида... Шейх ощутил нечто, подозрительно похожее на внезапный укол ревности, но тут же отогнал эту нелепую мысль.

Зара нетвердо держалась на ногах и с трудом сохраняла равновесие. Голова гудела так, что, казалось, вот-вот взорвется. Джамал сразу понял, что сама она не дойдет даже до лошади, и легко подхватил ее на руки.

Несмотря на страшную боль и головокружение, девушка отчаянно сопротивлялась.

— Нет! Ты не можешь оставить Саида на съедение диким зверям! Я не позволю!

Ее душили слезы. Стараясь сдержать их, Зара до крови кусала губы, но все было напрасно. Пережитые боль, горе и унижение настойчиво искали выхода и нашли его в потоке слез, хлынувших из ее прекрасных глаз. Самым ужасным для гордой девушки являлось то, что свидетелем ее минутной слабости стал этот высокомерный шейх, так странно смотревший на нее с той минуты, как узнал, кто она такая.

Красивый и отважный Саид всегда, сколько она себя помнила, был ей другом и защитником. Они давно бы уже поженились, но она все откладывала свадьбу, не желая расставаться со своей свободой став супругой Саида, она была бы вынуждена оставаться вместе с другими женщинами дома, и ее поездкам с отцом пришел бы конец.

Джамал ожидал от дерзкой принцессы чего угодно, только не слез. Но тут он вспомнил, что павший от руки Хасдая воин был ее женихом; его сердце смягчилось, и неожиданно для самого себя шейх сказал:

— Я прослежу, чтобы всех мертвых похоронили в общей могиле.

Заре хотелось оплакать Саида по обычаю своего народа, однако гордость не позволяла ей просить своего врага о милости. Но ничего, настанет день, когда ее соплеменники войдут в Мекнес победителями, и тогда она уж точно не забудет воздать по заслугам шейху Джамалу...

От мыслей о мести девушку отвлек Хасдай, явившийся с докладом о результатах погони. Поскольку других пленных видно не было, Зара догадалась, что всем, включая ее отца, удалось благополучно скрыться. Это подтвердили и слова Хасдая:

— Они сумели достичь гор раньше нас, господин. Юсуф сбежал.

— Не переживай, мой верный Хасдай, — улыбнулся Джамал, выразительно качнув на руках свою прелестную ношу. — День все же не прошел зря: караван султана цел, а дочь кади — моя пленница.

— Дочь Юсуфа! — ахнул чернокожий гигант и с любопытством взглянул на Зару. —

Что ж, султан будет доволен... Мы возвращаемся, господин?

— Да, назад в Мекнес. Оставь достаточно людей, чтобы подобрать раненых и похоронить мертвых.

— Позволь и мне остаться с ними! — позабыв о гордости, взмолилась девушка. — Я хочу попрощаться с Саидом!

Однако Джамал уже истратил весь запас милостей. Когда Хасдай усккал выполнять его распоряжение, он посадил Зару на своего коня и сам вскочил в седло позади нее. Держа в одной руке уздечку, а другой прижимая к себе юную пленницу, шейх тронул недовольного двойной ношей Касыма в обратный путь.

Даже сквозь одежду он чувствовал тепло стройного тела берберской принцессы, прикосновение ее бедер и ягодиц к своим ногам; видел перед собой грациозный наклон точеной головки, плавный изгиб шеи, а порой, когда налетавший ветерок трепал край кефеи девушки, — очаровательное розовое ушко, казавшееся на солнце полупрозрачным, будто сделанным из изысканного матового стекла.

Рука шейха еще крепче обвила стан пленницы, и она возмущенно выпрямилась, стараясь по возможности отодвинуться от своего врага и всем своим видом выражая крайнее презрение к нему. Ее реакция позабавила Джамала, но и заставила задуматься. Удастся ли сломить ее гордыню, подчинить своей воле? Он отнюдь не был в этом уверен, однако попытаться стоило. Зара была слишком дерзка и независима для женщины. Ее следует научить послушанию, преподать хороший урок покорности, дать понять, кто хозяин, а кто раб, обязанный с радостью исполнять любой каприз своего господина... Впрочем, что об этом думать? Все равно насладиться юным, свежим телом берберской принцессы предстоит не ему, а султану. Не без зависти Джамал мысленно пожелал ему преуспеть в этом.

Внезапно тело Зары обмякло и стало оседать под его рукой. Шейх решил, что она потеряла сознание. Не всякий мужчина сумел бы оправиться после такого удара по голове, а девчонка слишком горда, чтобы жаловаться на боль, слишком упряма, чтобы сказать правду... А ведь она может быть ранена куда серьезнее, чем кажется!

Эта мысль не на шутку встревожила Джамала, он крепко прижал к себе безвольное тело принцессы и пришпорил Касыма.

Когда Зара очнулась, они все еще были в пути, а рука Джамала по-прежнему крепко обвивала ее талию. Его прикосновение жгло, как раскаленное железо; в душе клокотали ненависть и возмущение. Аллах свидетель, она, не раздумывая, убила бы этого дикаря за все то, что он сегодня сотворил!

Девушка обернулась через плечо и процедила сквозь зубы:

— Убери руку, я и сама сумею удержаться на лошади, а бежать мне все равно некуда.

Джамал только усмехнулся в ответ и еще крепче стиснул ее; его ладонь снова скользнула вверх, подбираясь к груди принцессы.

— Сын ишака и гремучей змеи! Негодяй! Ты не имеешь права прикасаться ко мне! — Взорвалась Зара.

— Ошибаешься, дорогая, — невозмутимо отозвался Джамал, — я имею право на все, что мне вздумается. Ты — моя пленница, мой военный трофей, и для твоего же блага лучше не забывать об этом.

Однако эти слова шейха не соответствовали истине: формально принцесса Зара принадлежала не ему, а сутану.

Как поступит с нею Мулай Исмаил? Отправит в свой гарем? Но у него и так столько

женщин, что он не знает, что с ними делать. Султан коварен, возможно, он решит использовать девушку как наживку, чтобы заманить в ловушку ее отца.

В любом случае ей предстоит нелегкая жизнь во дворце владыки... Исмаил жесток и мстителен.

Зара украдкой разглядывала Джамала. Тот казался погруженным в свои раздумья и не замечал ее внезапного любопытства. Его волосы скрывал белый тюрбан, но, судя по бровям и ресницам, они были черными. Кожа имела бронзовый оттенок, однако Зара почему-то подумала, что это просто густой загар, а не ее природный цвет. Глаза сияли матовым антрацитовым светом — они были не просто темными, а угольно-черными, как беззвездная ночь в пустыне. Тонкий нос, чувственные губы, красиво очерченные брови...

При всей тонкости и изысканности черт его лицо казалось высеченным из камня; это было лицо человека волевого, привыкшего повелевать и не раз смотревшего в глаза опасности. Шейх излучал спокойную, уверенную силу, а в седле он держался так, словно родился в нем. Вопреки пылавшей в душе ненависти девушка почувствовала невольное уважение к нему и поняла, что, как бы она ни относилась к своему врагу, считаться с ним придется. Ей понадобится вся ее хитрость и смекалка, чтобы обмануть его бдительность, вернуться в родные горы... и, если на то будет воля Аллаха, отомстить.

* * *

Примерно через час их нагнал Хасдай с остальными людьми. Теперь они ехали чуть поодаль и пристально вглядывались в каждый куст, каждую кочку, словно опасаясь лазутчиков берберов, задумавших ответную атаку.

Между тем унылый пейзаж предгорий и бурых холмов сменился зарослями мимозы, оливковых и пробковых деревьев. Джамал изредка останавливал коня у обложенных камнями колодцев, чтобы наполнить бурдюк, и Зара жадно припадала к воде. За все время пути они лишь раз перекусили пригоршней оливок и козьим сыром.

Наконец, когда стало смеркаться и на землю легли длинные тени, Джамал решил устроить привал. Он быстро развел огонь, вскипятил воду, приготовил мятный чай, и они скромно поужинали, снова сыром и оливками. Затем шейх расстелил на земле толстое одеяло, лег и жестом указал Заре на место рядом с собой.

Несмотря на дневной зной, ночи стояли холодные. Измученная девушка с тоской подумала о теплом одеяле, но она не доверяла Джамалу и боялась, что он задумал что-то недоброе.

— Ну же, Зара, ложись скорее, — не допускающим возражений тоном приказал шейх. Я очень устал, а это единственный способ быть уверенным, что ты не сбежишь, когда я засну.

— Мне противно твое прикосновение, — ответила принцесса, и ее передернуло. — С меня довольно и того, что весь день, пока мы ехали, я терпела эту пытку.

— Тебе больше понравится быть связанной по рукам и ногам и спать на холодной земле?

— Так по крайней мере мне не придется вздрагивать от омерзения всякий раз, когда меня касаются твои руки.

Джамал угрожающе прищурился:

— А когда до тебя дотрагивался Саид, ты тоже испытывала отвращение?

От такой наглости у Зары даже дыхание перехватило.

— Да как ты смеешь сравнивать себя с Саидом?! — возмутилась она. — Но если тебе так уж хочется знать, это было восхитительно!

— Я знаю, что берберские женщины не отягощены строгой моралью, — нахмурился Джамал, — у нас же другие законы. Любой араб скорее убьет свою жену в первую же брачную ночь, если поймет, что ее девственностью уже наслаждался кто-то другой, чем станет жить в позоре. Перед сколькими мужчинами ты раздвигала свои очаровательные ножки, принцесса Зара?

— Не тебе судить меня, повелитель ослов, — в тон ему ответила она. — Берберские женщины вольны любить того, кого им вздумается. А сколько у тебя наложниц, ублажающих по ночам твое похотливое тело? Сколькими рабынями-любовницами обзавелся ты? Ни одному мужчине не стать моим господином насильно. Дочери моего народа сами выбирают тех, с кем хотят разделить ложе.

Джамал только покачал головой. Он никогда еще не слышал, чтобы женщина высказывалась столь прямо и с такой страстью. Заяви ему нечто подобное одна из его наложниц, он, не задумываясь, примерно наказал бы ее. Но Зара не была его собственностью, по крайней мере, пока...

Слова берберской принцессы потрясли сами устои исламского учения. В арабском мире женщин учили быть послушными и покорными мужчинам. Аллах создал женщину лишь затем, чтобы она доставляла мужчине удовольствие и рожала ему детей. Ее домом был гарем, где ее не видел никто, кроме господина, а наиглавнейшей целью жизни — всячески этого господина ублажать.

И многие женщины, особенно наложницы, владели этим искусством в совершенстве. Все прочие их дела и заботы сводились в основном к еде и ко сну.

Разумеется, его мать была исключением, и Джамал это признавал. Вскоре, после того как отцу доставили юную пленницу-англичанку, он разогнал свой гарем и никогда больше не брал новых жен и наложниц. Его родители по-настоящему любили друг друга и ни в ком больше не нуждались. После смерти отца, павшего от руки берберов, мать могла ехать куда захочет. Так пожелал ее покойный муж. Леди Элоиза решила вернуться на родину в Англию, Джамал же предпочел остаться в родном Марокко, время от времени навещая мать.

При мысли о том, что ждет стоящую перед ним гордую принцессу, он внезапно почувствовал прилив жалости к ней, но это чувство, доселе ему неведомое, лишь смутило молодого шейха и усилило его раздражение.

— Так ты отказываешься лечь рядом со мной? — сухо спросил он.

— Да, — тряхнула головой Зара.

— Что ж, как хочешь... Эй, Хасдай! — почти не повышая голоса, позвал Джамал.

— Господин звал меня? — Чернокожий великан вырос как будто из-под земли. — Какие будут приказания?

— Принцесса Зара предпочитает спать на холодной земле, причем со связанными руками и ногами. Берберок, знаешь ли, посещают порой воистину странные желания... Ну так вот, будь добр, проследи, чтобы все было исполнено в точности.

— Слушаюсь и повинуюсь, шейх, — довольно осклабился Хасдай.

Он грубо схватил девушку за плечи, повалил ее на землю и крикнул, чтобы принесли веревку. Через минуту все было кончено: связанная, как жертвенная овца, Зара не могла даже ползти. Довольный своей работой Хасдай вопросительно взглянул на Джамала, ожидая дальнейших приказов.

— Отлично, Хасдай, — кивнул тот. — Теперь расставь караулы, и пусть солдаты устраиваются на ночлег... Удобно ли тебе, принцесса? — с легкой насмешкой спросил он.

Стоило Заре только пожаловаться, и ее тут же бы развязали. Джамал не был жесток по природе, и мучить людей не доставляло ему удовольствия.

— О да, — скрипнула зубами упрямая девушка, — как на пуховой перине. Даже стая голодных шакалов не могла бы лучше позаботиться о своей жертве.

— Тогда желаю тебе приятных сновидений, принцесса, — раздраженно буркнул Джамал и, закутавшись в одеяло, отвернулся от нее.

Зара попыталась устроиться поудобнее, но каждая песчинка, каждый едва заметный бугорок впивались в тело и причиняли боль, несмотря на плотную ткань ее одежды. А холод! О Аллах, он пронизывал до костей, сводил мышцы, вызывал дрожь во всем теле... Она с ненавистью посмотрела на Джамала, уютно устроившегося неподалеку, и от души пожелала ему сгореть в аду. Однако усталость вскоре взяла свое, и девушка забылась тяжелым сном.

Шейх проснулся среди ночи оттого, что у него замерзла спина. Не открывая глаз, он высвободил руку из-под одеяла и нащупал прижавшуюся к нему окоченевшую Зару. Его губы тронула улыбка. Какой бы гордой ни была берберская принцесса, она, как и все женщины, интуитивно стремилась к теплу. Он приподнял одеяло, привлек девушку к себе и крепко обнял ее.

* * *

Пробудившись ото сна, Зара сладко зевнула, нежась в благословенном тепле. Она хотела было потянуться, но тут же почувствовала, что не может двинуть ни рукой, ни ногой, и нахмурилась, вспомнив события прошлого дня. Саид мертв, а она пленница шейха Джамала. И что еще хуже, теперь она лежит рядом с ним, чувствует на своем плече его дыхание, а его руку — на своей талии.

Девушка резко отстранилась и невольно стянула одеяло со спящего шейха. Тот открыл глаза.

— Доброе утро, — сказал он. — Я что, проспал?

Быстрый взгляд по сторонам убедил его в том, что солдаты еще не вставали.

— Как я очутилась под твоим одеялом? — требовательно спросила Зара. — Я же отказалась делить его с тобой!

— Должно быть, ночью ты передумала, — улыбнулся Джамал.

— Нет! Ты — враг, и я плюю на тебя точно так же, как и на твоего султана!

Он быстро зажал ей рот ладонью; в его спокойном голосе звучала сталь:

— На твоем месте я не стал бы этого говорить. Султан не так терпелив, как я. За подобные слова расплачиваются головой. Твоя дерзость не принесет тебе ничего, кроме беды. Придержи свой ядовитый язычок, принцесса, иначе тебе никто не сможет помочь, даже я, понятно?

Зара напряглась. Она сразу поняла, что это не пустая угроза. Нет, она не боялась ни шейха, ни султана, но, чтобы иметь возможность бежать, надо было по меньшей мере остаться в живых.

Этот араб прав — впредь ей следует вести себя осторожней. Она кивнула в ответ, и он убрал руку.

— Вот так-то, лучше. — Джамал помог ей встать и развязал узлы. — Если тебе... хм... надо отойти, то вон там есть небольшая рощица.

Девушка снова кивнула и направилась к деревьям. Шейх двинулся следом.

— Ты куда? — остановившись, подозрительно спросила она.

— За тобой, куда же еще? Или ты предпочитаешь, чтобы тебя сопровождали солдаты

Хасдая?

— В этом нет необходимости.

Джамал с удовлетворением отметил, что его совет не пропал даром, и пленница старается сдерживать свой острый язычок.

— Я подожду здесь, — сказал он. — Но поторопись, иначе я отправлюсь тебя искать.

Что-то в его тоне не понравилось ей, и она послушно поспешила в заросли. Пока рядом Джамал со своими головорезами, о побеге нечего и думать, но и на лишние неприятности нарываться тоже не стоило. Пусть он думает, что запугал, сломил ее, быть может, тогда его бдительность притупится, и у нее появится шанс. Кроме того, рано или поздно ей на выручку придет отец со своими воинами. А уж если Аллах и им не даст удачи, она встретит свою долю со стоическим смирением.

— Пойдем быстрее, — сказал Джамал, когда девушка вернулась. — Моим людям не терпится, снова оказаться в городе, да самому мне давно пора домой. Я и так отсутствовал слишком долго... Если бы не приказ султана положить конец набегам твоего отца, я давно бы уже был у себя во дворце, наслаждаясь хорошей пищей и женскими ласками.

— Мне жаль твоих женщин, — презрительно бросила Зара.

— Но почему? — искренне удивился он.

— Разве они принадлежат себе? Их судьба вызывает жалость. Они обязаны исполнять все твои капризы, и ты пользуешься ими, как бездушными вещами. Разве не так?

Терпению Джамала настал предел. Кто она такая, в конце концов, чтобы поучать его, как надо, а как не надо ему обращаться с женщинами? Да и женщин-то у него в доме было не много: всего три наложницы да пожилая матрона, исполнявшая при них роль наставницы. Он слишком много времени проводил в море и не видел смысла в большом гареме. Женщинам надо уделять внимание, а если подолгу отсутствуешь, им от скуки может взбрести в голову все, что угодно....

— Я же предупреждал тебя, чтобы ты сначала думала и лишь потом говорила, — еле сдерживая гнев, сказал он. — Ты что, действительно не понимаешь, что можешь быть наказана за подобную дерзость? Мне кажется, иногда лучше промолчать, чем получить пару плетей.

— Я привыкла высказываться откровенно, — упрямо тряхнула головой Зара, — и вести себя соответственно, тем более с мужчинами.

— Неудивительно, что берберские женщины так распущены. Вам дают слишком много свободы, — пробормотал Джамал.

Когда они вернулись в лагерь, солдаты были уже в седлах, с нетерпением ожидая появления шейха и его пленницы. Джамал помог Заре взобраться на Касыма, сел сзади нее, и через несколько минут отряд двинулся в сторону Мекнеса.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Базар поразил Зару буйством красок, запахов и звуков. На главной торговой площади старого города было многолюдно — и стар, и млад толпились вокруг бесчисленных торговцев, факиров, гадалок и танцовщиц, повсюду с громкими криками сновали водоносы; от обилия пестрых шатров и палаток рябило в глазах.

Проведя всю свою жизнь в горах, Зара никогда не видела ничего подобного. Зрелище настолько захватило ее, что на мгновение она даже забыла о своей незавидной участи. Затем пронзительный крик муэдзина с минарета, многократным эхом разнесшийся по всему городу, заставил всех правоверных замереть, опуститься на колени и обратить лица в сторону святой Мекки. Солдаты Хасдая спешили и незамедлительно присоединились к ним. Только после молитвы отряд продолжил свой путь.

Роскошные сады султана с их затейливыми живыми орнаментами из цветов, искусно подобранных по тонам и оттенкам лепестков, заставили Зару замереть от восхищения. Воздух был напоен тонким ароматом, от которого кружилась голова; во все стороны разбегались чисто выметенные, посыпанные золотисто-розовым кварцевым песком дорожки с причудливо постриженными кустами и карликовыми деревцами по бокам.

У главных ворот дворца Джамал спустил Зару на землю, затем спешился сам. Мгновение спустя тяжелые дубовые створки бесшумно распахнулись, и на пороге возникли два рослых стража в полосатых шароварах, коротких рубахах и фесках. Зара ступила в прохладный полумрак мраморного вестибюля и... застыла, пораженная открывшимся ее взору великолепием. Джамал мягко, но решительно подтолкнул ее.

— Ты что, принцесса, никогда прежде не бывала во дворцах? — не без иронии спросил он.

— Нет, — покачала головой девушка, — но и я могла бы жить в такой же роскоши, если бы вы, арабы, не украли наши земли и города.

— Иди вперед, — усмехнулся Джамал. — Султана наверняка уже известили о нашем возвращении, и он ждет меня с докладом.

— Куда ты меня ведешь?

— В гарем. Там ты поешь, вымоешься и переоденешься, пока я буду беседовать с владыкой.

Зара словно окаменела:

— В гарем? Ты в своем уме? Ноги моей там не будет!

Едва она произнесла эти слова, как появился чернокожий раб невероятной толщины, в длинных шелковых одеждах и мягких кожаных туфлях с острыми загнутыми носами и низко поклонился Джамалу. На его широком лице с расплывшимися, будто смазанными, чертами застыла заискивающая улыбка.

— Меня зовут Асад, господин, я главный евнух. Я отведу рабыню в гарем и подготовлю ее к встрече с великим Мулаем Исмаилом.

Зара гордо вздернула подбородок:

— Этому не бывать!

Евнух растерянно хлопал глазами: он всякое повидал на своем веку — слезы, истерики, даже попытки побега и самоубийства, но с такой неслыханной дерзостью столкнулся впервые.

— Строптивых рабынь следует учить, господин, — покачал он головой. — Наш великий султан — человек крутого нрава, он не терпит прекословия.

— Асад прав, — кивнул Джамал. — Делай, что тебе говорят, и прикуси язык. Мулай Исмаил слишком зол на кади Юсуфа, чтобы терпеть выходки его дочери.

Понимая, что сейчас не время и не место бунтовать, Зара проглотила уже готовые сорваться резкие слова и сказала только:

— Мне казалось, что я твоя пленница.

Джамал заглянул в ее бездонные зеленые глаза и от души пожалел, что это не так.

— Нет, ты ошибаешься, — ответил он. Я взял тебя в плен от имени султана, по воле султана и для султана. Вскоре я покину дворец и удалюсь в свой оазис, где меня давно ждали, но ты останешься здесь, на милость нашего великого владыки. Я не волен распоряжаться твоей судьбой.

— Что ж, я не завидую султану, он еще обломает об меня зубы, — мрачно усмехнулась Зара и высокомерно добавила: — Но в любом случае я предпочитаю иметь дело с господином, а не со слугой... Веди меня, Асад, я готова следовать за тобой.

Джамал молча смотрел ей вслед. Эта упрямая маленькая гордячка и представить себе не могла, в какую беду попала. Исмаил так зол на Юсуфа, что за ее жизнь никто не даст и финиковой косточки. Единственный шанс спастись, да и то довольно эфемерный, — это сыграть роль наживки, но она скорее вскрыет себе вены, чем пойдет на такое... О Аллах, вразуми ее хотя бы помалкивать, иначе султан начнет с того, что прикажет отрезать ей язык. Такое уже случалось.

* * *

Гарем поразил Зару своим великолепием. Ничего подобного ей до сих пор видеть не доводилось: полы, покрытые толстыми коврами столь ярких окрасок, что от них рябило в глазах, стены, задрапированные шелком и атласом, диваны, обитые драгоценным бархатом... А женщины! О Аллах, сколько же здесь было женщин! Высокие и низенькие, стройные и коренастые, худые и толстые, но все удивительно красивые, одетые в тонкие разноцветные шелка.

Некоторые из них возлежали на диванах или на разбросанных по полу подушках, другие, обнажившись, плескались в большом мраморном бассейне. Повсюду сновали куда более скромно одетые служанки, разнося фрукты и напитки.

Асад кивнул полной матроне, расположившейся неподалеку от бассейна, и та поспешила им навстречу.

— Это Бадрия, — представил ее евнух, — она присматривает за женами владыки. Тебе следует вымыться и подкрепиться, прежде чем ты предстанешь перед ним.

Зара и Бадрия с любопытством и некоторой опаской посмотрели друг на друга. Первой заговорила матрона:

— На тебе одежда берберского воина!

— И я ношу ее по праву, — гордо ответила Зара. — Так одеваются те, кто умеет владеть оружием.

Бадрия бесцеремонно сорвала с головы Зары кефею и из-под нее хлынул золотистый поток волос, доходящих девушке почти до пояса. Пожилая женщина застыла в немом восхищении: сочетание зелени глаз, нежного тона кожи, а также медового оттенка волос и бровей было поразительным. Казалось, что это юное создание родилось прямо у нее на глазах, появившись из пучка солнечных лучей, проникавших в гарем сквозь резное каменное

ОКНО.

— Не знаю, чем уж ты там владеешь, но воин из тебя такой же, как из меня девственница, покачала головой Бадрия. — Я слишком долго живу на свете, чтобы верить во всякий вздор. Кто ты на самом деле?

— Я — принцесса Зара, дочь великого кади Юсуфа.

— Дочь главаря берберских бандитов?! — ахнула Бадрия. — Да смилостивится над нами Аллах!

Гарем был не так уж изолирован от внешнего мира, и она находилась в курсе того, что происходило за стенами дворца. Для этого существовала масса способов, например, подкупить кого-нибудь из евнухов или чернокожей стражи и заставить их разговориться.

— Я голодна, — с вызовом заявила Зара. Принеси мне поесть.

Бадрия удивленно вскинула брови — властный тон берберской принцессы никак не соответствовал ее нынешнему положению, однако смелость девушки пришлась ей по душе.

— Сначала ванна, затем еда, — отрезала она, сморщив нос, словно унюхала что-то омерзительное — от тебя пахнет потом и верблюжьим дерьмом. Снимай свои синие тряпки, я подберу тебе более достойный наряд.

Заре не хотелось расставаться с одеждой своего народа. Кроме того, сама мысль о том, чтобы хоть как-то, пусть даже внешне, уподобиться окружавшим ее женщинам, вызывала в ней отвращение.

— Я позволяю тебе вытряхнуть пыль из моей одежды, — упрямо ответила она, — но к султану я пойду в ней.

— Ты просто глупая маленькая дикарка! — возмутилась Бадрия. — Появиться перед владыкой в мужском наряде! Да ты в своем уме? Он будет страшно разгневан, уж можешь мне поверить. Если ты хочешь произвести на него хорошее впечатление...

— Я не хочу ни на кого производить никакого впечатления, — решительно мотнула головой Зара, перебив ее на полуслове. — По-моему, ты не поняла. Я — принцесса Зара дочь кади Юсуфа, и я отлично знаю, что меня ждет. И не прекословь мне, женщина. Я останусь в том, в чем была — в одежде моего народа. А теперь делай свое дело: вымой меня и накорми.

За долгие годы жизни в гареме Бадрия повидала всякое, но такого нелепого упрямства — никогда. Она пожала плечами. Что ж, как угодно. Если этой берберке совсем не дорога жизнь, это, в конце концов, ее личное дело. Бросить вызов султану все равно, что войти в клетку с разъяренным львом.

Зара позволила Бадрии раздеть себя, стараясь не обращать внимания на возгласы удивления и хихиканье остальных женщин; те же просто глазам своим не верили: под мышками и на лобке дикарки росли волосы!

— Что же за мужчины эти берберы, если они позволяют своим женщинам разгуливать в таком виде? — фыркнула Бадрия. — Но ничего, я лично прослежу за тем, чтобы к султану ты попала гладкой, как новорожденный младенец.

Зара знала, что в этом-то как раз мнения арабов и берберов не расходились. Последние тоже любили, когда тела их женщин чисты, умащены благовониями и лишены всякой растительности, но у девушки не было ни времени, ни желания приводить себя в порядок. Кроме того, еще ни один мужчина не видел ее обнаженной. Даже Саид. Ии так и не представилась возможность насладиться своей любовью в полной мере.

— Делай что хочешь, — безразличным тоном ответила Зара. — Я, правда, вижу в этом

только один смысл: никто не сможет сказать, что дочь кади Юсуфа встретила свою смерть грязной.

Ее отвели к бассейну. Там Бадрия натерла все тело Зары благовонным жидким мылом, затем взяла плоскую костяную пластину и соскребла ею с кожи девушки мыльную пену вместе с грязью. После этого она намазала ее руки, ноги, подмышки и лобок каким-то вязким бледно розовым веществом, которое быстро затвердело, образовав прочную эластичную пленку. Осторожно отогнув края этой пленки, Бадрия резким, но умелым движением содрала ее, и через минуту Зара уже с удовольствием плескалась в прохладной воде бассейна, почти счастливая от того, что снова чувствует себя чистой.

Вскоре, облачившись в просторную полупрозрачную пижаму, девушка приступила к трапезе, состоявшей из кускуса с бараниной, очищенных зеленых фиг, горячего хлеба и фруктов. Служанка то и дело подливала ей в пиалу ароматного мятного чая.

Силы принцессы быстро восстанавливались, и, когда пришло блаженное ощущение сытости, она уже снова была собой — гордой воительницей, готовой встретиться лицом к лицу хоть с дьяволом... хоть с самим шейхом Джамалом.

Джамала провели в Тронный зал, где Мулай Исмаил ожидал его доклада. Приветствовав султана так, как того требовал этикет, шейх замер в почтительном полупоклоне: владыка должен был заговорить первым.

— Надеюсь, удача сопутствовала тебе, — сказал наконец он. Это прозвучало скорее как утверждение, чем как вопрос: неудач своих военачальников Исмаил не терпел.

— Караван в целости и сохранности достигнет ворот Мекнеса завтра, еще до захода солнца, о владыка, — ровным голосом отвечивал Джамал. — Мы встретили берберов и обратили их в бегство. Часть отряда я оставил там, чтобы позаботиться о раненых, предать земле павших и защитить караван от возможных повторных атак.

— А этот шакал Юсуф? Ты привел его? Или хотя бы принес мне его голову?

— Юсуфу удалось спастись, о владыка.

Исмаил гневно стиснул золотые набалдашники на резных подлокотниках своего трона из черного дерева.

— Что я слышу?! Ты потерпел неудачу? Нет, не верю. Отказываюсь верить! Ты, шейх Джамал, отважный шейх Джамал, непобедимый шейх Джамал, упустил бандита! Ты хоть понимаешь, чем обернется для меня твоя преступная нерасторопность? Проклятый Юсуф теперь совсем обнаглеет и не даст прохода ни пешему, ни конному вблизи самых ворот моей столицы!

Ничуть не напуганный подобной отповедью, шейх терпеливо ждал, когда уляжется гнев Исмаила. Другие на его месте тряслись бы, как осиновый лист, но только не он. Султан слишком дорожил своей львиной долей в его пиратской добыче, чтобы справиться с ним.

— Надеюсь, ты даруешь мне свое прощение, о великий, когда узнаешь, какой подарок я привез тебе. Теперь Юсуф оставит в покое твои караваны и не посмеет покидать свои крепости в горах.

Не на шутку заинтригованный, Исмаил уставился на шейха.

— Что за игру ты затеял, Джамал? — тоном, не предвещающим ничего хорошего, осведомился он. — Я сыт по горло берберами и приказал тебе покончить с ними раз и навсегда, а ты толкуешь о каком-то подарке. Он должен быть воистину бесценным, чтобы я простил тебя. Так что же это?

— Дочь Юсуфа.

Лицо султана потемнело от гнева.

— Его дочь? Его дочь? Да ты, похоже, издеваешься надо мной? — Он сорвался на крик. — Накой мне дьявол его дочь? Что может значить какая-то девчонка для такого изувера, как Юсуф? Вот если бы ты привел мне его сына, то мог бы просить любую награду, хоть половину моего царства!

— Не спеши с выводами, великий султан, а выслушай меня до конца. У Юсуфа нет сыновей. Дочь свою он воспитал как воина, она носит мужскую одежду и сражается рядом с ним во время набегов. Юсуф души не чаёт в принцессе Заре, и она, о владыка, может стать могучим оружием в твоей борьбе против него.

Немного успокоившись, Мулай Исмаил задумался над словами Джамала. Если он прав, его подарку действительно нет цены. Наконец султан сказал:

— Я хочу взглянуть на эту воинственную принцессу, над которой якобы так трясется берберский кади, а потом уже решу, как ее использовать. Если она красива и достаточно умна, чтобы по достоинству оценить мою милость, я, быть может, и не стану торопиться выставлять ее в качестве приманки... А Юсуф пусть помучается! Эй, раб! — крикнул он одному из стражей. Скажи Асаду, чтобы привел эту девку сюда!

У Джамала от неприятного предчувствия сжалось сердце. Он знал, что этот момент рано или поздно наступит, но все равно оказался не готов к нему. Им овладел странный, непонятный ему самому страх — страх за Зару. Она не умела следить за своим языком, а султан не умел прощать дерзость, особенно женщине. Стоит этим двоим встретиться начнется такой фейерверк... Ему вдруг захотелось защитить ее, спасти от уготованной ей участи. Это желание было столь сильным, что шейх даже разозлился на себя. Чем он мог помочь несчастной? Только одним — молиться Аллаху, чтобы тот явил ей свою безграничную милость и лишил ее дара речи.

Едва Зара увидела Асада, она сразу поняла, что он явился за ней. Ей уже вернули ее синие одежды — тщательно вычищенные и надушенные, и она облачилась в них взамен ненавистного гаремного тряпья. Ничем не выражая своих чувств, девушка последовала за жирным евнухом в изукрашенный разноцветным мрамором и мозаикой холл, через который уже проходила несколько часов назад.

Асад провел ее прямо в Тронный зал, мимо застывших на часах могучих стражей с ятаганами в руках и короткими широкими кинжалами у пояса. Зара старалась ступать уверенно, не опуская гордо поднятой головы, но, оказавшись на пороге огромного зала, все же немного растерялась.

— Не заставляй султана ждать, — проворчал Асад и подтолкнул замешкавшуюся девушку вперед.

Очувтившись в зале, она сразу заметила Джамала. Их глаза встретились, и во взгляде шейха она прочла немое предостережение. Принцесса упрямо нахмурилась и твердым шагом двинулась вперед.

— Достаточно, стой, где стоишь, — остановил ее Исмаил, когда она поравнялась с Джамалом.

— Приветствуй своего султана! — прошипел ей на ухо тот, видя, что у нее и в мыслях нет пасть ниц перед владыкой.

— Я не кланяюсь тиранам, — решительно ответила Зара, хотя колени ее уже предательски дрожали.

Джамал не верил своим глазам. В своем ли она уме? Неужели не понимает, что играет с

огнем? Разве жизнь такая уж никчемная вещь, что ее совсем не стоит ценить? Шейх ясно видел, что султан начинает терять терпение, и сделал единственное, что мог, дабы предотвратить неминуемый взрыв: он схватил Зару за шею чуть ниже затылка, силой заставил девушку опуститься на колени, уткнувшись лбом в покрытый ковром пол, придавил сверху подошвой своего сапога.

— Кто эта недостойная, что посмела оскорбить меня в моем собственном дворце? — прогремел Исмаил. — Кто эта негодница, что одевается, как мужчина, и отказывается воздать почести своему господину? Отпусти эту берберскую змею, Джамал, я желаю говорить с ней.

Шейх снял ногу со спины Зары, та мгновенно вскочила, одарив его таким испепеляющим взглядом, что, казалось, на нем должна была вспыхнуть одежда. Затем она обратила свое бледное от ярости и унижения лицо к султану.

— Как твое имя, женщина? — резко спросил Мулай Исмаил.

— Я принцесса Зара, дочь Юсуфа Абу Селима, великого кади берберского народа, — гордо ответила она.

— Есть ли у тебя братья?

— Нет, все они умерли в младенчестве.

— Шейх Джамал сказал мне, что отец очень любит тебя. Также он сказал, что ты сражалась сегодня наравне с мужчинами. Это так?

— Шейх Джамал не солгал. Я с тринадцати лет сражаюсь рядом с отцом и владею оружием не хуже любого воина.

Вдруг в прищуренных глазках султана мелькнул лукавый огонек, и он окинул точеную фигурку стоявшей перед ним девушки взглядом опытного оценщика.

— Вот смотрю я на тебя и не могу понять, действительно ли ты женщина, или это просто обман зрения, — начал он. — Сними одежду, тогда все сразу станет ясно.

— Не думаю, что это доставит мне удовольствие, — спокойно ответила Зара.

— А мне не доставляет удовольствие терпеть твои оскорбления! — взорвался Исмаил. — С людей сдирают кожу живьем за куда меньшие дерзости! Или ты немедленно разденешься сама, или тебе в этом помогут. Выбирай!

— Делай, как он говорит, — быстро шепнул ей Джамал. — Твоя жизнь в его руках.

Зара даже не шелохнулась.

Видя, что уговаривать ее бесполезно, он снова решил вмешаться. Кефeya принцессы полетела на пол, и мужчины смогли полюбоваться потоком сияющих золотом волос. Казалось, их блеск рассеял полумрак Тронного зала. Джамал застыл на месте, не решаясь действовать дальше.

— Продолжай! — нетерпеливо гаркнул султан. За кефеей последовала синяя джеллаба; когда руки Джамала потянулись к завязкам широкой рубахи, Зара бросила на него отчаянный взгляд, но ничего не сказала, а только закусила губу. Шейх готов был провалиться на месте, ему не по душе пришло собственная роль, но отступить было уже поздно.

Рубаха скользнула вниз, обнажая прекрасное тело. На щеках девушки выступил легкий румянец. Впрочем, ничем другим она не выдала своих чувств, с ужасом ожидая продолжения. Когда же Джамал после едва заметного колебания решил не развязывать шнурок, поддерживающий ее шаровары, она вздохнула чуть свободнее.

— Итак, ты действительно женщина, — медленно проговорил Исмаил, буквально пожирая глазами ее высокую грудь. Наконец он не выдержал, встал с трона и подошел

ближе.

По тому, как вздрогнула и напряглась Зара, Джамал сразу понял, что сейчас произойдет непоправимое. Руки султана легли на обнаженные плечи девушки, затем скользнули вниз, к груди, и дальше к животу. Губы Исмаила скривились в гаденькой усмешке; его пальцы коснулись ткани шаровар и вдруг быстрым движением проникли под нее, стремясь забраться между ног. Шейх уже готов был вмешаться, чтобы как-нибудь отвлечь султана, но Зара, терпение которой лопнуло, избавила его от этого.

— Ах ты вонючий стручок! — Возмутилась она и плюнула в лицо Мулаю Исмаилу. — Сын свиньи и гиены! Верблюжье дерьмо! Немедленно убери свои грязные руки!

Султан со злобным рычанием отскочил от нее, затем развернулся и влепил такую пощечину, что девушку отбросило далеко в сторону.

— Убейте эту берберскую дьяволицу! — проревел он, вытирая лицо. — Дочери шакала незачем жить!

В то же мгновение два стража бросились вперед, подняли Зару и скрутили ей руки за спиной.

Джамал был в полном отчаянии. Он с самого начала опасался подобного оборота событий, но вопреки всему до последней секунды надеялся, что здравый смысл и страх смерти возьмут в Заре верх. Что делать? Мысли вихрем проносились у него в голове, а султан между тем продолжал:

— Ты не достойна ни жалости, ни снисхождения. Даже если бы я милостиво позволил твоему телу сначала подарить мне удовольствие и лишь потом расстаться с душой, то не уверен, что это бы мне понравилось. Я думал сорвать нежную розу, но вижу перед собой верблюжью колючку. Уже одним своим присутствием в моем дворце ты оскорбляешь его стены... Отрубите ей голову и выставьте ее на городской стене на всеобщее обозрение. Пусть каждый знает, что великий Мулай Исмаил наказывает дерзость, как государственную измену.

Стражи поволокли Зару прочь из Тронного зала.

— Пойдите! — воскликнул Джамал. — Ты совершаешь ошибку, о владыка. Смерть принцессы Зары может привести к кровопролитной войне. Сейчас берберские племена разрозненны, но этим убийством ты сам дашь Юсуфу повод объединить их под предлогом мести. Подумай, сколько берберов скрывается в Рифских и Атласских горах! Что будет, если они обретут единого вождя?

— Может, ты и прав, — неохотно признал султан и поднял руку.

Стражи остановились, повинувшись этому знаку.

— Прояви мудрость, повелитель, — воодушевленный успехом, продолжил Джамал, стараясь говорить взвешенно и убедительно, — не дай своему праведному гневу возобладать над разумом. Сохрани этой бешеной берберке жизнь. Содержи ее как рабыню и объяви во всеуслышание, что дальнейшая судьба принцессы Зары будет зависеть от покладистости кади Юсуфа. Так берберский вождь твердо усвоит: если он не прекратит свои набеги на караваны, его дочери не жить.

— Хм-м-м... — задумчиво протянул султан, теребя бороду. — Я понимаю, что ты имеешь в виду, но не желаю видеть эту девку в своем гареме. У нее тело ангела, но черная душа змеи. Она дерзка, непокорна, мстительна и начнет интриговать против меня, подбивая других женщин к непослушанию. Хорошей рабыни из нее не получится. — Внезапно его лицо озарилось: — Придумал! Я отдам ее самому неотесанному, самому грубому мужчине

из всех живущих в моем городе. Что скажешь, Джамал? Если мне не изменяет память, есть неподалеку от базарной площади негр кузнец, настоящий гигант. Он отлично ей подойдет...

Султан радостно потер руки и продолжил:

— Пока Зара жива, ее отец и носа не посмеет высунуть за пределы своей крепости в Рифских горах. С другой стороны, дерзкая принцесса будет сурово наказана, живя с мужланом.

— Ты хочешь отдать ее Абдулу? — ужаснулся Джамал. Он хорошо знал кузнеца — это было тупое, злобное животное. Гордая девушка с сильной волей, вроде Зары, не протянула бы с ним и недели.

— Прекрасный выбор, не правда ли? — хохотнул Исмаил.

— Лучше убей меня сразу! — крикнула Зара, не в силах больше молчать. — Я все равно не стану ничьей рабыней!

— Закрой рот, женщина, иначе твоя просьба будет удовлетворена, — почти весело ответил султан и, обращаясь к стражам, добавил: — Отведите ее к Абдулу и скажите, что это мой подарок ему.

— Стойте! — властным тоном остановил их Джамал. — У меня есть лучшее решение, повелитель. Отдай берберку мне. Я давно хотел завести еще одну рабыню.

Мулай Исмаил недовольно сдвинул брови.

— Да вразумит тебя Аллах, шейх Джамал! Зачем портить себе кровь, обламывая эту дикую кобылицу? Пусть ее приручит Абдул. Она даже его недостойна.

— Прежде чем на что-то соглашаться, Юсуф наверняка потребует доказательств того, что с его дочерью обращаются достойно. А ты уверен, что Абдул попросту не прибьет ее за дерзкий язык? Джамал покачал головой: — Я, например, нет. А скрыть это не удастся. У Юсуфа повсюду шпионы, и он будет знать истинное положение дел.

— Что ж, — пожал плечами Исмаил, — у принцессы роскошное тело. Может, ты и найдешь ей какое-нибудь применение. Мне лично не доставляет удовольствия уламывать строптивых девиц, но ты молод, твоя кровь еще не остыла. Однако... я отдам тебе девчонку лишь при условии, что ты заставишь ее дорого заплатить за этот плевок.

— Прикажи убить меня, и покончим с этим! — снова выкрикнула Зара, которую этот унижительный торг медленно сводил с ума.

Джамалу захотелось придушить ее: одно неосторожное слово могло поставить крест на всех его усилиях.

— Обещаю тебе, владыка, научить принцессу Зару смирению и покорности, какие бы наказания ни пришлось для этого применить, — торжественно ответил он. — Став моей рабыней, она будет либо повиноваться, либо расплачиваться за строптивость. А за нанесенное тебе оскорбление принцесса неопределенное время будет работать в стойлах в конюшне, чистить их вместе с другими рабами, спать на соломе и есть грубую пищу.

— Неплохое начало, Джамал, — улыбнулся султан. — Гордая принцесса скоро на собственной шкуре почувствует кто хозяин, а кто раб. А когда ты ее приручишь, она будет неплохо смотреться в твоей постели... Но я все равно тебе не завидую.

— Так, значит, она моя? — изо всех сил стараясь скрыть свою радость, спросил Джамал.

Султан был жесток и непостоянен в решениях, ему ничего не стоило взять да и передумать в самый последний момент.

— Я обещал наградить тебя за верную службу, шейх Джамал. Считаю эту женщину моим

подарком. Впрочем, если ты предпочитаешь золото, скажи, и я отдам ее Абдулу.

У Джамала возникло нехорошее предчувствие, что он зря связывается с этой неукротимой берберкой, но какой-то бес все время подталкивал его к ней, нашептывая то, во что пока трудно было поверить. Возможно, он слишком много на себя берет, пытаясь приручить дикарку, но так, по крайней мере, он спасает ей жизнь...

— Я выбираю женщину, владыка, — ответил Джамал, послав Заре взор, красноречивее всяких слов говоривший: «Откроешь рот — тебе конец».

— Она твоя, — махнул рукой султан. — И заberi ее поскорее отсюда, а то, если она проронит еще хоть звук, я могу и передумать. Жаль, что она так необходима для дела, а то... Ну да ладно, я все сказал.

Сжатая с обеих сторон дюжими стражами, Зара ответила Джамалу не менее выразительным взглядом. Рабыня при конюшне? Это еще не самое страшное. Она предпочитает спать на вонючей соломе, лишь бы только не в его постели! А вот когда обо всем узнает кади Юсуф и явится ее спасать, мы еще посмотрим, кому придется копаться в навозе!

Джамал поднял с пола рубаху и джеллабу и набросил их на плечи девушки.

— Мы немедленно отправляемся в Эдем, сказал он и, отстранив стражей, повел ее к выходу.

— В Эдем? — фыркнула Зара. — Скажи уж лучше — в ад! Я...

Но шейх не дал ей продолжить: схватив отчаянно брыкающуюся принцессу в охапку, он поспешил покинуть Тронный зал.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Джамал отнес Зару в укромный уголок сада, где стояла увитая диким виноградом мраморная беседка. Густая зелень надежно скрывала их от любопытных глаз слуг, стражи, просителей и прочей публики, которой кишел дворец.

Здесь шейх, наконец, отпустил девушку на мозаичный пол, и та сразу же вцепилась в свою одежду.

— Отвернись! — потребовала она.

— Почему? — искренне удивился Джамал. Я уже видел твою грудь и даже трогал ее. Можешь мне поверить, она восхитительна.

— Ты воспользовался тем, что я была без сознания! — гневно топнула принцесса. — Иначе я скорее убила бы себя, чем позволила тебе до меня дотронуться!

— А минуту назад, во дворце? — усмехнулся шейх. — Там ты тоже была без сознания, когда султан щупал тебя? Не надо громких слов, маленькая гордячка. Жизнь слишком ценная штука, чтобы бросаться ею. Ты хочешь жить точно так же, как и все, и пойдешь ради этого на любые жертвы. О, разумеется, ты так не считаешь! — скривил губы Джамал, видя, как глаза строптивой берберки вспыхнули зеленым огнем. — Твой отец слишком тебя избаловал, но пора братья за, ум. Теперь ты рабыня, моя рабыня, и не стоит об этом забывать. Не будь меня рядом, твоя очаровательная головка сейчас красовалась бы на шпиле одной из крепостных башен. Ты обязана мне жизнью, принцесса, так что изволь слушаться.

— Зачем мне такая жизнь? — глухо спросила она, и в ее глазах блеснули слезы. — Служить игрушкой в твоем гареме, быть бесправной рабыней, зависящей от любого каприза господина. Нет, это не по мне!

— Одевайся! — устало махнул рукой Джамал. Придет время, и ты на многое взглянешь по-другому. Поверь, жизнь в гареме куда приятнее, чем на конюшне.

Не прося больше шейха отвести взгляд, Зара повернулась к нему спиной и быстро натянула сначала рубаху, а затем джеллабу. Изгибы ее грациозного тела, изящные руки, гордая посадка головы и золотой ливень волос снова пробудили в Джамале то странное, пугающее своей еще нераскрывшейся до конца силой чувство, что он недавно пытался прогнать.

Несмотря на свою молодость, шейх был весьма искушен в делах любви. Не раз он доводил своих наложниц до полного изнеможения, получая от этого истинное удовольствие. Во время плаваний его корабль часто заходил в порты, где мужчины с деньгами могли найти отдых в объятиях самых опытных и развращенных шлюх. Он не гнушался ничем в поисках новых ощущений, оттачивая свое искусство на оселке порока, пока не приходило пресыщение. Но еще никогда не доводилось ему встречать женщину, способную одним поворотом головы или манерой откидывать волосы со лба вызывать в нем такое желание.

Он хотел ее.

Зара ясно видела, что происходит в душе Джамала: его глубокие выразительные глаза, словно зеркало, отражали владевшие им чувства. Встретясь они при других обстоятельствах он наверняка показался бы ей крайне привлекательным мужчиной. Молодой шейх разительно отличался от всех арабов, что ей приходилось встречать до сих пор. Они, как правило, носили густые черные бороды, что придавало им угрюмый вид, его же лицо было гладко выбрито и казалось очень подвижным и выразительным. Он явно был из тех мужчин,

один вид которых заставлял сердца многих девушек биться чаще... Многих других, но не ее.

Видя, что девушка исподтишка изучает его лицо, Джамал улыбнулся про себя. Пусть привыкает. Он отлично знал, что нравится женщинам, и всегда этим пользовался. Но сейчас ему почему-то не хотелось форсировать события. Это было настолько ему несвойственно, что он поневоле призадумался. В чем дело? Она, в конце концов, всего лишь его рабыня, подарок султана. При любых других обстоятельствах он бы, не задумываясь, сразу взял то, чего так страстно желал... О Аллах! Как этой маленькой дикой кошке удалось так глубоко запустить в его сердце, свои коготки? Когда она успела? Или дело не в этом? Быть может, ему просто не хочется поднимать шум здесь, в дворцовой беседке? Берберка, разумеется, начнет сопротивляться, поднимет крик, сбегутся слуги... и Мулай Исмаил сразу поймет, зачем он просил отдать ее ему. Нет, не здесь и не сейчас.

— Мы теряем время, — резко сказал Джамал. Мой дом в двух лигах к западу от Мекнеса. Пора в путь.

«Домой, скорей домой», — стучало в висках Джамала, пока он вел принцессу туда, где их ждали лошади. Ничего, скоро привычная обстановка успокоит его, а ласки юных наложниц избавят от наваждения по имени Зара.

* * *

Они ехали не меньше часа, прежде чем ландшафт начал сменяться зелеными рощами пальм и фиговых деревьев. Воздух был наполнен ароматом цветов.

Зара удивленно заморгала, полагая, что видит мираж, когда ее глазам внезапно предстало большое озеро, на берегу которого раскинулся волшебный по своей красоте оазис. Лишь когда они приблизились, настолько, что девушка различила плеск воды и шелест трепетавшей под ветром листвы, она поверила, что это не обман зрения, и стала в восторге озираться по сторонам.

Оазис был огромен, он охватывал полукольцом почти весь северный и большую часть южного берега голубовато-бирюзового озера, воды которого искрились на солнце подобно мириадам алмазов. Белоснежный дворец шейха Джамала вырос из самой гущи буйной зелени; его окружали неприступные стены, а в самом центре красовалась величественная мраморная башня с верхушкой в виде гигантской луковицы.

Всадники миновали изукрашенные тончайшей резьбой каменные ворота и оказались внутри просторного, мощного мраморными плитами двора, где к высоким стенам жалась приземистые строения — казармы солдат шейха, конюшни, жилища прислуги и прочие хозяйственные службы.

От аромата росших повсюду в изобилии гардений, камелий и дамасских роз кружилась голова. Одна увитая виноградом аркада вела к беломраморному дворцу, а другая выводила непосредственно в оазис, часть которого была превращена в роскошный парк.

— Добро пожаловать в Эдем, — объявил Джамал, останавливая коня.

Тут же как из-под земли рядом с ними выросли рабы в белых одеждах и низко склонились перед своим господином. Всадники спешили, и их лошадей мгновенно увели.

Из ближайшей казармы появился шкипер Джамала, Гарун и с широкой улыбкой приветствовал шейха.

— Все ли в порядке в Мекнесе? — спросил он. — Мне так и не удалось выяснить, что за поручение дал тебе султан. Если речь шла о войне, я должен был драться рядом с тобой.

— В моем распоряжении была, вся армия владыки, — ответил Джамал. — Султан приказал мне схватить берберского кади, неустанно грабящего его караваны. Мы устроили

засаду, но бандитам удалось ударить в горы. К сожалению, и на этот раз Юсуф избежал расплаты за свои преступления.

Взгляд Гаруна скользнул по фигурке Зары, и его густые черные брови удивленно поползли вверх:

— Ты привез нового раба? Он выглядит слишком слабым и вряд ли на что-нибудь сгодится.

— Ты ошибаешься, мой друг, — рассмеялся Джамал. — Он больше, чем кто бы то ни было, подходит для той роли, что я ему отвожу.

С этими словами шейх сорвал с головы Зары кефею, и из-под нее вырвалась золотистая волна волос.

— Ну, что ты теперь скажешь о моем новом рабе?

— Клянусь могилой пророка! — воскликнул ошеломленный Гарун. — Если все остальное в ней так же прекрасно, она станет жемчужиной твоего гарема. Но кто она?

— Я — Зара, дочь кади Юсуфа, а ты помолчи, ослиная задница! — взорвалась принцесса, не привыкшая, чтобы в ее присутствии о ней говорили в третьем лице.

— У нее острый язык, друг мой, — расхохотался Джамал, — так что смотри, не порежься.

Гарун не видел ничего смешного в том, что его обозвали ослиной задницей, и с обидой проговорил:

— Зачем тебе эта вздорная девчонка? Твои Лейла, Саха и Амар — настоящие сокровища. Они красивы и покладисты, а если и ссорятся, то только из-за того, кому первой доставить тебе удовольствие.

— Да я и сам не знаю, — к полному недоумению Гаруна, почти смущенно пробормотал Джамал. — Должно быть, мне просто не хотелось, чтобы ее прелестную головку отделили от тела. Она, видишь ли, имела глупость оскорбить султана, вот мне и пришлось вступиться. Тогда Исмаил пригрозил отдать ее Абдулу, своему кузнецу. Понятия не имею, что на меня нашло, но я уговорил владыку подарить ее мне.

— Весьма благородно с твоей стороны, — заметил Гарун, отводя взгляд: не в его привычках было обсуждать поступки господина. — А я и не знал, что ты решил расширить свой гарем. Проводить Зару на женскую половину?

— Принцессу Зару, — надменным тоном поправила она. Если эти мужланы всерьез решили сломить ее дух, то они лишь попусту тратили время.

— Нет, — сухо отозвался Джамал, — никакая ты уже не принцесса, а самая обыкновенная рабыня. Гарун, Зара будет работать на конюшне. Скажи Ахмеду, чтобы поставил ее убирать навоз.

Бедняга Гарун вообще перестал что-либо понимать. Женщин такой красоты не отправляют на конюшню. Кроме того, рискуя милостью султана, вступиться за какую-то строптивую дикарку лишь затем, чтобы послать ее убирать навоз... это было выше его разума.

— Извини, господин, — робко заметил он. — Ты не ошибся? Быть может, она окажется более... хм-м-м... полезной в твоей постели?

— Такова воля султана, — пожал плечами Джамал. — Повелитель желает, чтобы эту бунтарку научили послушанию и покорности. Он настаивает на наказании за нанесенное ему оскорбление. Как ты думаешь, что она сделала? Плюнула ему в лицо! Не пообещай я проучить ее как следует, Исмаил отдал бы ее Абдулу, а у этого зверя она не прожила бы и

дня. Пришлось убедить султана видеть в ней не просто невоспитанную маленькую дрянь, а заложницу спокойствия его королевства: пока она жива, Юсуф не посмеет нападать на караваны.

— Лучше смерть, чем такое унижение! — в отчаянии воскликнула гордая принцесса.

— Что для тебя лучше, а что хуже, решать буду я, а твое дело — исполнять мои приказания, сухо отозвался Джамал и снова повернулся к Гаруну: — Сам видишь, она неисправима. Пусть поработает в стойлах вместе с другими рабами, пока не научится послушанию. Предупреди стражу, что ей запрещено выходить за пределы дворцовых стен.

— Слушаюсь, господин... Следуй за мной, женщина. Ахмед будет рад лишней паре рук. У шейха Джамала много конюшен и стойл для верблюдов — больше, пожалуй, только у султана.

Гарун передал берберку Ахмеду с рук на руки, сказав лишь, что господин распорядился содержать ее на конюшнях наравне с прочими рабами и не делать никаких поблажек. Не успел он уйти, как в руки принцессе сунули вилы и втокнули ее в стойло, где она оказалась по щиколотку в навозе и гнилой соломе.

На конюшне работали, кроме нее, еще четыре раба. Зара увидела их только вечером, когда они собрались у крохотного очага, чтобы приготовить себе ужин. Продукты, присылаемые сюда с кухни Джамала, были просты — рис, мясо, овощи фрукты, но зато их было в избытке, и Зара невольно порадовалась, что шейх не морит своих рабов голодом.

Джамал купил Ахмеда, Нейлза, Мустафу и Абдулу на невольничьих рынках в разных городах страны. Все они были молодыми, здоровыми мужчинами, и, едва Зара переступила порог конюшни, между ними вспыхнуло жестокое соперничество. Этого шейх предусмотреть никак не мог.

* * *

Джамал ужинал в одиночестве, снова и снова мысленно перебирая события последних дней. Он успел уже заглянуть в свой гарем, но долгожданная встреча с красавицами наложницами показалась ему почему-то скучной и пресной, а сами они — глупыми и назойливыми. Мысли о Заре не давали ему покоя. Будь его воля, он ни за что не отправил бы ее на конюшню, но там, во дворце, все средства были хороши, лишь бы спасти ей жизнь и вырвать принцессу из похотливых лап султана. А раз обещал, приходится исполнять. Таков закон.

Кроме того, Зару и в самом деле стоит проучить. Ее вздорный, язвительный нрав просто невыносим. До сих пор жизнь слишком баловала ее, а женщинам это не идет на пользу.

Джамал был настолько погружен в свои раздумья, что не услышал, как вошел Хамет, главный евнух его гарема. Он был средних лет, низенький и толстый, с добрым лицом и комично вздернутыми бровями. Хамет предпочитал яркую одежду и сейчас появился в кроваво-красной шелковой джеллабе с широкими рукавами и серебряной оторочкой.

— Дозволено ли мне будет поговорить с тобой, господин?

Вздрогнув от неожиданности, шейх вскинул глаза:

— В чем дело, Хамет? Что-то случилось?

— Меня прислали твои женщины, господин, сказать, что без тебя им очень одиноко. Они снова с нетерпением ждут твоего прихода. Им кажется, что ты был с ними не так ласков, как до сих пор и это, мой господин, повергает их в великое горе.

Джамал раздраженно нахмурился.

— Я что, должен ублажить сразу трех?

— Таково их желание, мой господин. Они обещают тебе ночь тысячи наслаждений.

Еще недавно подобные слова вызвали бы у него прилив желания. Но не теперь. Что с ним? Неужели он стареет?

— Передай им, что я скоро займусь ими, Хамет, — устало ответил Джамал. — И приготовь бодрящее питье, иначе после первой же я усну. У меня был тяжелый день.

Евнух с поклоном удалился, оставив шейха наедине с его мыслями.

Наложницы были превосходны. Джамал тщательно отбирал их, следя за тем, чтобы Они были одновременно молоды, красивы и изобретательны в постели. Но не с Лейлой, Сахой и Амар хотел бы он заняться любовью этой ночью: перед глазами по-прежнему стояла прекрасная горячка с медовыми волосами.

* * *

Зара перевернулась на своей соломенной подстилке и застонала. Каждая клеточка ее тела нестерпимо ныла. Она провоняла лошадиным навозом и была до крайности измотана тяжелым трудом. Но самое страшное заключалось не в этом. Даже в темноте она чувствовала на себе горящие похотью взгляды мужчин-рабов и то и дело вздрагивала, словно от холода, хотя стояла жаркая ночь. Ее восприняли как игрушку, брошенную хозяином им на потеху. Днем она слышала их приглушенные споры о том, кто будет первым, и, прежде чем лечь спать, спрятала в соломе рядом с собой свои вилы.

Страхи страхами, но усталость взяла свое, и девушка забыл ась тяжелым сном. Неизвестно, сколько ей удалось поспать, но проснулась она оттого, что на нее навалилось чье-то тяжелое тело, а в ноздри ударил тошнотворный запах пота. Грязная, вонючая рука зажала ей рот и свистящий шепот у самого уха сообщил:

— Тихо, детка, не рыпайся. Хозяин прислал тебя сюда, чтоб нам не было так скучно. Ты, конечно, красавица, но, видать, изрядно нашкодила, раз оказалась здесь. Вот и искупай свои грехи! Я тут самый сильный, а потому возьму тебя первым.

Это был Мустафа, здоровенный мужик, который мог забавы ради легко жонглировать наковальней, словно та весила не больше яблока.

— Оставь меня, грязный выродок! — еле выдавила прижатая к полу Зара. — Меня прислали сюда работать, а не ублажать рабов. Только тронь меня, и я все расскажу твоему хозяину.

Ее властный тон смутил Мустафу, но лишь на мгновение. Он схватил ее за грудь, пытаясь одновременно задрать рубаху, чтобы добраться до тела.

— Расслабься, женщина. Когда ты изведешь мощь моего копья, то будешь умолять, чтобы я всадил его в тебя вновь. Оно у меня, как у коня. А хозяину можешь говорить все, что угодно. Раз ты здесь, значит, он так захотел, и мне нечего бояться. Но даже если это не так, я всегда смогу сказать, что ты сама ко мне пришла, а я не смог тебе отказать. Понятно?

В то время как Мустафа шептал это, рука его нащупала шнурок на шароварах Зары, он потянул его и с торжествующим воплем вцепился в ее ягодицы:

— А-а-а! Сегодня этот чертов Эдем станет и для меня раем! Ну ты, шлюха белобрысая, скорее раздвигай ноги, мне надоело ждать!

Рука Зары лихорадочно шарила в соломе, пока наконец не нащупала спрятанные там вилы. Девушка вцепилась в рукоять, а затем, собрав все оставшиеся силы, умудрилась перевернуться на спину и приставить острые зубцы своего грозного оружия к горлу Мустафы.

— Отпусти меня, идиот, — сказала она с ледяной угрозой в голосе. — И никогда

больше не смей прикасаться ко мне. Запомни сам и передай своим ослам-приятелям, что вы жестоко поплатитесь, если не оставите меня в покое. Я оскоплю вас, пока вы будете спать, а ваше добро скормлю свиньям. Ты, кстати, не узнавал, тут поблизости евнухи не требуются? И поверь мне, я не шучу. Единственное, чем ты сможешь гордиться, так это тем, что тебя собственноручно кастрировала сама принцесса Зара, дочь кади Юсуфа. Впрочем, если мне будет неохота копаться в твоём конском хозяйстве, я тебя просто убью. Понятно?

Под напором её презрительных слов и направленных на него вил Мустафа медленно отодвигался назад, но он был страшно зол, что позволил справиться с собой какой-то девчонке.

— Ты всего лишь женщина, — медленно проговорил он. И на его потном лице вновь появилась гаденькая улыбочка, — а мы — мужчины, и нас здесь много. Сейчас я кликну своих друзей, они прижмут тебя к полу, и я засажу тебе так, что ты забудешь обо всем остальном.

— Что ж, попробуй, — спокойно произнесла Зара, — и завтра утром хозяин выставит ваши головы во дворе в назидание другим идиотам.

Её уверенность в себе поневоле заставила Мустафу задуматься. Странно, что она все время говорит о хозяине, как о своем защитнике, ведь именно он отправил ее сюда. А что, если шейх сделал это сгоряча, за какой-то незначительный проступок, а завтра опомнится и явится к ней? Что тогда? Шейх Джамал был добрым хозяином, и Мустафе вовсе не хотелось быть проданным в другие руки, а то и вовсе расстаться с жизнью.

Едва он поднялся, Зара мгновенно вскочила на ноги и, не опуская вил, стала наступать на него.

— Прочь с дороги!

— Куда ты, женщина?

— Искать другую постель, не оскверненную твоим присутствием!

Сжимая в одной руке свое грозное оружие, а другой поддерживая сползающие шаровары, Зара выскочила из конюшни. Ее ноги дрожали, перед глазами плыли круги, она боялась оглянуться, но продолжала бежать вперед, словно за ней гнались все демоны ада. Неужели Джамал действительно отправил ее сюда на потеху рабам? Эта мысль жгла ее, как каленое железо. Зара и сама не понимала, что с ней происходит, ясно ей было только одно: поступи так кто угодно другой она вряд ли стала бы винить его в этом: мужчины есть мужчины. Но Джамал... Было в нем что-то необычное, он казался честнее, искреннее, благородней остальных. Она отлично понимала, что недавно в Тронном зале дворца он фактически спас ей жизнь. Другое дело, что такая жизнь не для нее, но он сделал все, что мог.

Девушка бежала не разбирая дороги, пока впереди не замаячили ворота. У нее мелькнула безумная надежда, что там, впереди, ее ждет свобода, но в этот момент небо расчистилось, и в свете полной луны угрожающе сверкнули ятаганы чернокожей стражи. Зара в отчаянии нырнула в густую тень зарослей дикого винограда и остановилась, чтобы немного отдышаться и оглядеться.

Прямо перед ней была неприступная стена, слева — охранявшая ворота стража, сзади голое, ярко освещенное пространство, за которым маячила ненавистная конюшня, а справа... у нее даже захватило дух от восторга: справа была круглая купальня с белыми мраморными бортиками и фонтаном посередине в виде пухлого каменного младенца, наклонившегося, чтобы поднять большую витую раковину, из которой хлестала вода. Вода!

Ее тело сразу заныло и зачесалось, а исходящий от него запах навоза и пота, казалось, усилился стократно. Не думая больше ни о чем, девушка направилась к бассейну. Ноги сами влекли ее на звук призывно журчащих прохладных струй...

* * *

Не находя — сна на своем ложе алого шелка, Джамал встал, накинул длинный халат с витым шнурком вместо пояса и вышел на балкон, выходящий во двор.

Закрывавшие небо тучи разошлись, и выглянула полная луна. Ее мягкий, призрачный свет очертил контуры стен и построек, бледными пятнами лег на мраморные плиты двора и на бортик круглой купальни, в центре которой пухлый каменный карапуз тщетно пытался поднять витую морскую раковину, источавшую струи воды. Причудливая игра теней завладела вниманием Джамала. Он мог бесконечно наблюдать за переливами воды и перемигиванием угольков в гаснувшем костре. Это зрелище завораживало его, позволяло забыть обо всех тяготах дня и настраивало на сентиментальный лад.

Вот и сейчас он стоял и пристально смотрел на лунные отблески на воде, когда неожиданно его боковое зрение отметило какое-то движение.

Гонкая тень быстро пересекла двор, затаилась в зарослях дикого винограда, потом двинулась к бассейну. Любопытство Джамала достигло предела. Кто это мог быть? Бдительный страж, подгулявший слуга или раб, замысливший побег?

Шейх бесшумно сбежал вниз по ступенькам и замер, очарованный открывшимся ему зрелищем. В фонтане плескалась обнаженная наядя, юная и грациозная, подставляя бегущей из раковины струе то лицо, то спину, по которой мокрыми прядями змеились волосы цвета темного меда.

— Ты действительно прекрасна, принцесса Зара, — негромко сказал Джамал.

Она резко обернулась, ее руки потянулись к сложенной на бортике одежде.

— Извини, что разбудила тебя. Я уже ухожу.

— Тебе не за что извиняться, я не спал. Это мне должно быть неловко, что я помешал тебе.

— К чему столько любезностей? Разве господа разговаривают так со своими рабами? Кроме того, я же сказала, что ухожу.

— Не делай этого.

— Почему?

— Сейчас узнаешь... Эй, Хамет! — хлопнул в ладоши Джамал. — Принеси мыло и ароматические масла. Моя новая рабыня желает искупаться.

Затем он широко улыбнулся Заре, потянул за кисть пояса, и халат, шурша, скользнул к его ногам.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Первым порывом девушки было отвернуться, но его сильное мускулистое тело поневоле приковало ее взор. Широкую грудь Джамала покрывала густая курчавая поросль, вниз от которой сбегала узкая дорожка темных волос, теряясь в дремучем лесу, буйно разросшемся между узких бедер; внушительных размеров член поднялся и смотрел в ночное небо с тем же упрямством, что читалось в глазах его хозяина. Зара, как зачарованная, перевела взгляд с его паха на длинные стройные ноги, поросшие, как и грудь, легким курчавым пушком, затем — снова на восставшее мужское естество и лишь после этого смогла, наконец, отвести глаза.

Видя, как долго принцесса разглядывает его, Джамал самодовольно ухмыльнулся и сел на край бассейна, опустив ноги вводу. Секунду спустя появился Хамет с кувшинчиками жидкого мыла и ароматических масел; с его плеча свисало широкое полотенце.

— Спасибо, Хамет, ты можешь идти, — сказал шейх, не сводя с Зары глаз. — И до утра не появляйся. А это забери с собой, — добавил он, показывая на грязную одежду принцессы.

Евнух брезгливо, двумя пальцами, взял перепачканное навозом синее облачение и исчез также бесшумно, как и появился.

— Иди сюда, — скомандовал шейх.

Зара отрицательно покачала головой и отступила на шаг; в ее глазах метался ужас. Куда скрыться? Что делать? Одежду унесли, а бегать по двору в чем мать родила небезопасно, особенно когда вокруг бродят животные вроде Мустафы.

— Я сказал, иди сюда, — еще требовательнее повторил Джамал. — Мыло здесь, у меня, а без него ты все равно не сможешь как следует вымыться.

— Я уже и так помылась, — еле слышно ответила Зара. — Пожалуйста, верни мок одежду.

— Все мое время, — отозвался шейх и протянул ей руку. В его глазах застыло странное выражение, разгадать которое она была не в силах.

Зара неохотно приблизилась к нему. А что ей еще оставалось? — Чего ты хочешь?

— А тебе разве не видно?

— Я не твоя наложница. Их у тебя и без меня хватает, вот пусть они и удовлетворяют твою похоть. Или тебе их мало?

— Вот именно, мало.

Джамал привлек девушку к себе, схватил ее за волосы и стал грубо тянуть вниз до тех пор, пока она не оказалась перед ним на коленях. Придерживая ее сильной рукой, он изменившимся от желания голосом произнес:

— А теперь стой спокойно, пока я буду тебя мыть.

Он налил на ладонь из кувшинчика жидкого мыла, источавшего запах жасмина, и стал натирать ароматной жидкостью тело принцессы. Его ладони неторопливо двигались по ее спине, ягодицам и бокам, потом скользнули вниз и сомкнулись вокруг груди; пальцы принялись ласкать соски, которые от их прикосновения стали более выпуклыми и твердыми.

У Зары участилось дыхание, ее сердце, казалось, готово было пробить грудную клетку и выпрыгнуть вон, а где-то внизу живота вспыхнул жаркий, всепожирающий огонь. Голова девушки, крепко зажатая между ногами шейха, чувствовала его упругую, возбужденную плоть, которая, запутавшись в ее волосах, сначала упиралась ей в темя, а затем, постепенно увеличиваясь, почти касаясь лба. Если он сейчас же не прекратит делать это, она умрет,

сгорит!..

Пальцы Джамала, еще раз сжав напоследок соски девушки, двинулись дальше, к ее плоскому нежному животу, а затем ниже — к чувствительной коже лобка. Зара в отчаянии как можно крепче сдвинула ляжки, но это лишь прибавило ей страданий.

Шейх давно не получал такого удовольствия. Это тело было самым совершенством. В отличие от его наложниц, которые целыми днями лишь ели и спали, Зара проводила много времени в седле и благодаря постоянной физической нагрузке у нее под кожей не было ни унции лишнего жира.

Он подался чуть вперед, слыша, как трепещущая под его руками девушка порывисто вздохнула, и его ладони скользнули к ее ягодицам. После минуты настойчивых, требовательных ласк пальцы шейха проникли в складку между ними, рядом с анусом. Стоны Зары уже больше напоминали рычание смертельно раненного зверя. Пальцы же между тем продолжали свой неумолимый путь вниз, пока не достигли входа в девственное лоно юной принцессы.

Еще томительная минута ласк, исторгавших из груди девушки судорожные всхлипывания, и они опустились чуть ниже, где и остановились; их смелые, решительные движения сменились мягким, ласковым напором, но Заре казалось, что ее сердце сейчас разорвется. Она страстно жаждала разрядки, облегчения, которые могла дать только кульминация того, что творил с ней опытный Джамал, и в то же время ненавидела себя за это. О, как хотелось бы ей забыть обо всем на свете и отдаться целиком, без остатка этой жгуче-сладкой волне, поднимающейся от бедер и обволакивающей мозг розовой пеленой... Но она не могла! Это означало бы сдаться, сломаться, признать над собой власть человека, бывшего и остающегося ее врагом.

Не сразу Зара заметила, что ласкавшие ее пальцы уже проникли куда глубже, чем раньше. Она резко вскрикнула, протестуя против столь наглого вторжения внутрь своего тела, и попыталась вырваться, но ноги Джамала сжимали ее, подобно тискам.

Наконец его рука покинула ее лоно. Джамал отпустил ее, но лишь на секунду — тут же схватил за плечи и притянул к себе.

— Тебе нравится, принцесса? — обжег ухо Зары горячий шепот Джамала. — Ну же, раздвинь ноги и позволь мне подарить тебе истинное наслаждение.

— Нет! Этому не бывать! Можешь отправить меня назад на конюшню, но тебе не удастся использовать меня как вещь!

Джамал отстранился от своей пленницы. Он выглядел разгневанным.

— Я не использую тебя. Я хочу доставить удовольствие тебе... и себе тоже. Почему же нам не помочь друг другу?

— Но я этого не желаю! — упрямо возразила Зара. — Берберские женщины свободны в выборе любовников. У нас равные права с мужчинами.

Выросший в уважении к традициям ислама и учению Аллаха, шейх только покачал головой. Даже на родине его матери женщины не были равны мужчинам: они не могли, например, владеть собственностью и заключать торговые сделки, должны были слушаться своих мужей или, по крайней мере, уважать их желания больше, чем свои.

— Ты рабыня, а у рабов нет прав, — жестко сказал Джамал. — Стоит мне только захотеть, и я возьму тебя прямо здесь.

— Я так легко не сдамся!

Джамал изумленно воззрился на нее. Ее красота околдовывала. Аллах свидетель, он

желал ее, желал страстно, но брать женщину силой... Такого еще не случилось, в этом просто не было необходимости.

«Эта маленькая дикарка станет покорной и ласковой как шелк, — поклялся он себе. — И не по принуждению, а по доброй воле».

— Хочешь помериться со мной силами, маленькая бунтарка? Изволь. Но помани мое слово: не позже чем через четыре недели ты сама ляжешь в мою постель. Если этого не случится, я тебя отпущу.

Зара не верила своим ушам. Сильный, властный шейх только что пообещал дать ей свободу, если не сможет соблазнить ее за какой — то месяц! О, Аллах воистину добр к ней! Джамалу никогда не заманить ее в свою постель. Ни одна берберка не ляжет с врагом на ложе любви. А он — враг. Саид погиб по его вине.

— И это единственное твое условие? — с подозрением переспросила она.

— Да. Но если ты проиграешь, если добровольно отдашься мне до истечения этого срока, то навсегда останешься в моем гареме и будешь исполнять все мои прихоти.

Зара еще раз тщательно взвесила его слова. Нет, самоуверенность шейха Джамала просто не имела границ!

— Я согласна. Но ты сам сказал, что я проиграю лишь в том случае, если отдамся тебе по своей воле. Если же ты возьмешь меня силой или обманом, то все равно потерпишь поражение.

— Так?

— Именно так.

— Ты можешь ответить мне еще на один вопрос?

— Что ты хочешь знать?

— Это правда, что ты отправил меня на конюшню, чтобы... м-м-м... позабавить своих рабов?

— Кто сказал тебе такую глупость? — искренне возмутился Джамал. — Я послал тебя убирать навоз, чтобы наказать за оскорбление, нанесенное султану. Мне казалось, ты и сама знаешь это... — Внезапно его черные брови сомкнулись на переносице: он, наконец, понял, что имела в виду Зара. — Кто из них обидел тебя? Ты поэтому сбежала из конюшни?

— Ты не можешь винить их за то, что они сочли меня твоим подарком. Им никто ничего не сказал, вот они и решили, что раз я им ровня, то и взять меня может любой из них.

— Что они сделали с тобой? — сухо спросил он. Если эти ублюдки посмели ее хоть пальцем тронуть, их головы завтра же будут валиться на солнце.

— Ничего... пока ничего. Мустафа совсем уже было собрался меня изнасиловать, но вдруг обнаружил у своего горла вилы. Я сказала ему, что ты накажешь его, если он не остановится.

— Именно так я и сделаю, клянусь бородой пророка! А ты отныне и впредь будешь спать в моем гареме. Там тебе ничто не угрожает.

— Ничто не угрожает? В гареме? — Зара от души расхохоталась. — Ну разумеется, кроме того, что я сильно облегчу тебе задачу. Жить в твоём гареме, где ты царь и бог? Нет уж! Я вернусь назад, на конюшню, но ты должен запретить своим рабам трогать меня.

— Ах, Зара, Зара, — с улыбкой покачал головой Джамал. — Отважная и гордая берберская воительница... Ты слишком горда, чтобы хоть где то быть в безопасности. Но ничего, я приучу тебя, маленькая дикарка!

Его руки снова ласково легли ей на плечи.

Она почувствовала, как в ней опять шевельнулась горячая, опасная волна желания, и вздрогнула.

— Прекрати!

— Но я же еще ничего не сделал! — загадочно улыбнулся Джамал, проведя ладонью по ее груди.

— Прекрати соблазнять меня! — в отчаянии воскликнула Зара. Ее снова была нервная дрожь, и она вдруг с ужасом осознала, что ей все труднее и труднее бороться с собой. Те почти невинные ласки, которым предавались они с Саидом, казались детскими забавами по сравнению с тем, что делал с ней Джамал минуту назад.

— Твоя кожа пахнет жасмином, — шепнул шейх, касаясь губами ее шеи.

Зара резко отстранилась и сбросила его руки со своих плеч.

— С чего ты взял, что я так легко дам себя соблазнить? — возмутилась она. — Свобода дороже мне всех плотских утех!

— Но признай, тебе ведь было хорошо? — продолжал звучать в ночной тиши его искушающий шепот. — Скажи, разве тебе не было приятно? Вспомни, когда мои пальцы проникли в тебя...

— Довольно! О каком удовольствии ты можешь говорить! Ты же сжал меня как клещами и не оставил никакого выбора! Разве я пошла на это добровольно? Разве я хотела этого?

— А чего же ты хотела? — не на шутку разозлился Джамал. — Не забывай, ты — моя рабыня, и я могу взять тебя в любой момент, где захочу и как захочу, понятно?

— Мог, — сухо поправила его Зара.

— Что значит — мог? И мог, и могу! Да я...

— Мог, пока не дал слово. Теперь тебе придется держать его или ты не мужчина?

— О, я мужчина, — усмехнулся Джамал, беря себя в руки. — Настоящий Мужчина, и тебе еще предстоит в этом убедиться, моя гордая воительница. Но я без ума от тебя, Зара. И говорю тебе открыто: я хочу тебя. У тебя в запасе четыре недели, маленькая колючка. четыре недели. Можешь начинать считать дни, потому что ты станешь моей намного раньше.

Шейх резко встал и надел свой халат. Его плоть так и не опала, и неудовлетворенное желание продолжало бурлить в крови. До сегодняшнего дня, когда ему нужна была женщина, он просто шел и брал ее. Ни одна не сопротивлялась, будь то его наложница или свободная женщина, и ни одна не раскаялась потом в своей стоворчивости...

Зара внезапно устыдилась своей наготы. За несколько минут красавец шейх изучил ее тело лучше, чем она сама знала его. В этом было что то унижительное.

— Верни мне мою одежду, чтобы я могла вернуться к себе в конюшню, — попросила она.

— Ты не, похожа ни на одну женщину, которую я когда-либо встречал, — тихо заметил он.

Это было правдой. Таких строптивых и своевольных ему еще не попадалось. Почему бы ей просто не отдаться ему? Почему она ведет себя, как недотрога-девственница? Ведь это же явно не так! Ее реакция на его прикосновения явственно свидетельствовала о том, что ей уже знакомы любовные игры. А этот, как его там, Саид? Они что, только вместе верблюдов пасли? Чушь! Ни один нормальный мужчина, глядя на такую красавицу, не смог бы побороть искушение попробовать то, чем до него никто не лакомился.

Джамал окинул Зару сердитым взглядом, сухо бросил: «Жди меня здесь» — и исчез в

доме.

Он вернулся через несколько минут, держа в руках то, что сумел подобрать ей из своей одежды. Девушка, не возражая, быстро нырнула в белую рубаху, закатала рукава, оказавшиеся для нее слишком длинными, затем затянула на талии пояс — шнурок шаровар и надела через голову джеллабу.

— Теперь пошли, — сказал Джамал, когда она была готова.

— Куда?

— Я провожу тебя назад на конюшню и объясню твоим не в меру ретивым соседям, что тебя лучше не трогать.

Он легонько подтолкнул ее вперед, но она лишь дернула плечиком и не двинулась с места.

— Ну, что теперь? — начиная терять терпение, осведомился шейх.

— Мне нужно какое-нибудь оружие. В прошлый раз меня спасли вилы, но я не уверена, что снова успею ими воспользоваться.

— Ты хочешь, чтобы я дал тебе оружие? — изумился Джамал. — Неужели я так похож на идиота?

— А если я пообещаю, что воспользуюсь им лишь в самом крайнем случае и только для самозащиты? Разве никто из твоих рабов не носит оружия?

Вопрос был правомерным. Многие его рабы ходили с оружием, но лишь те, кто сумел доказать свою верность и преданность господину. Некоторые даже были в страже и среди солдат.

— Только те, кому я верю.

Она впервые улыбнулась ему, правда, улыбка эта получилась довольно издевательской:

— Я всего лишь беспомощная женщина. Кому я могу причинить вред?

Джамал от души расхохотался:

— То, что ты женщина, на мою беду, правда. И спорить с этим я не стану. Но вот слово «беспомощная» тебе как-то не подходит. Ладно, пойдем, я, как и обещал, поговорю с рабами. Отныне они будут обходить тебя стороной.

Он поднял с земли масляную лампу, крепко взял девушку за руку и повел ее к конюшне. Когда они вошли, шейх пинком разбудил первого попавшегося раба. Им оказался Абдула.

Раб вскочил на ноги, готовый дать отпор неизвестному обидчику, но, увидев перед собой Джамала, пал на колени:

— За что, хозяин? Что я сделал?

— Подними остальных.

Минуту спустя все четыре раба, мрачно потупившись, стояли перед ним. Ахмед, конюх, выступил вперед:

— Чем мы провинились перед тобой, господин?

Джамал сделал шаг в сторону, так что все взоры обратились к стоявшей за его спиной Заре.

— Слушайте хорошенько и не говорите потом, что не слышали, — с явной угрозой в голосе начал он. — Дважды я повторять не стану. Зара будет работать, есть и спать в конюшне, под одной с вами крышей, но она здесь не для вашего удовольствия. Тот, кто тронет ее, позавидует висельнику: у того по крайней мере все худшее уже позади. Вам понятно?

Рабы молча переглянулись, и снова за всех ответил Ахмед:

— Мы поняли, хозяин. Можешь не беспокоиться, твоей новой рабыне здесь ничто не угрожает.

Джамал коротко кивнул, повернулся на каблуках и вышел из конюшни. Он хотел было отправиться прямо в гарем и заглушить там неудовлетворенный зов плоти, но вернулся в свою спальню. Впервые на своей памяти он, страстно желая женщину, лег спать один. Та, что являлась предметом его вожделения, предпочла гнилую солому конюшни мягкой постели гарема, а заменить ее не могла никакая наложница.

* * *

Зара свернулась калачиком на своей соломенной подстилке. Джамал был строг и грозен с рабами, они явно испугались, но беспокойство все же не покидало ее. Конюшня погрузилась в тишину и мрак ночи. Усталость брала свое; глаза девушки уже начали слипаться, когда раздался легкий шорох, и чей-то голос над самым ее ухом прошептал:

— Ты такая же рабыня, как и мы, берберская шлюшка. Может, ты и легла сегодня под нашего хозяина, но он все равно привел тебя обратно. Значит, тебе не удалось ублажить его как следует, иначе спала бы ты сейчас не здесь, а в его гареме. Впредь не слишком важничай, а то худо будет...

Зара не узнала голоса говорившего — это мог быть любой из рабов.

— Кто ты? — негромко спросила она.

В ответ не раздалось ни звука: неизвестный недоброжелатель уже ушел.

* * *

Весь следующий день принцесса трудилась не покладая рук, стоя по щиколотку в навозе. Вечером, до крайности измученная, она заснула за ужином.

Так продолжалось еще два дня. Не желая больше встречаться с Джамалом, девушка держалась подальше от дворцовой купальни; воду, чтобы смыть грязь с лица и рук, она брала из колодца неподалеку от конюшни.

Заре совсем не нравилось, как Мустафа смотрит на нее: словно изголодавшийся лев на раненую антилопу. Вечером третьего дня ей неожиданно повезло: судьба послала ей оружие. Отправившись, как обычно, к колодцу, она обнаружила рядом с ним забытую кем-то корзину с фруктами, а в ней — нож! Девушка огляделась по сторонам. Поблизости никого не было. Она быстро нагнулась, взяла нож и спрятала его в складках джеллабы.

Не прошло и дня, как ей пришлось оценить свою находку в полной мере.

Мустафа по-прежнему ни на минуту не упускал ее из виду, каким-то образом добиваясь, чтобы ей давали самую тяжелую и грязную работу. Наконец он заявил Заре, что охотно облегчит ей жизнь, если она согласится лечь с ним. В ответ девушка плюнула ему в лицо. Вне себя от ярости, Мустафа наотмашь ударил ее по лицу, и она упала. Поднявшись на ноги, принцесса выхватила нож и бросилась на обидчика, хотя тот был в три раза крупнее и раз в десять сильнее ее.

На шум сбежались другие рабы. Приказ Джамала был нарушен, и это грозило всем страшными последствиями. Ахмед попытался утихомирить дерущихся, но тут же отскочил в сторону: нож Зары оставил на его руке глубокий порез.

Несмотря на размеры и мощь противника, девушке удалось нанести ему несколько ударов, которые не причинили ему серьезного вреда, но из ран пошла кровь, и это несколько отрезвило его.

В пылу драки она не слышала топот бегущих ног и резкие слова команды; лишь когда Мустафа внезапно отпустил ее и тяжело встал, она обернулась и увидела Джамала.

— Господин, — хрипло проговорил Мустафа, сгибаясь в низком поклоне, — прости меня!

Все еще не выпуская из рук своего оружия, Зара приподнялась на локте. Ее левая скула вспухла и посинела, кожу в нескольких местах сильно саднило.

Лицо Джамала исказилось от гнева, его глаза метали молнии, а губы сжались в тонкую прямую линию. Рядом с ним, ожидая приказов хозяина, стоял Гарун.

— Отвези Мустафу в Мекнес, на невольничий рынок, и продай его там, — обратился к нему шейх. Его голос звучал на удивление спокойно. — И побыстрее, пока я не убил его.

— Пощади, хозяин! — взмолился раб. — Клянусь, это больше не повторится!

— Ты прав, — последовал ледяной ответ, это больше не повторится никогда.

Джамал повернулся к Мустафе спиной, и Гарун потащил отчаянно вопящего раба к выходу.

Шейх подошел к Заре и опустился перед ней на одно колено.

— Что случилось? Ты ранена?

Все еще оглушенная дракой, девушка молча смотрела на него.

— Что здесь произошло? — спросил Джамал. Похоже, тебя нельзя оставлять без присмотра.

— Что произошло? — горько повторила за ним Зара, тщетно пытаясь встать: от удара Мустафы у нее ужасно кружилась голова. — А ты сам не видишь? Я набросилась на этого борова, чтобы отрезать от него кусок посочнее себе на ужин.

Только теперь Джамал заметил в ее руке окровавленный нож.

— Во имя Аллаха, где ты его взяла? Отдай немедленно!

Зара послушно протянула ему клинок: тот уже сослужил свою службу.

Шейх помог ей подняться — сочувственно взгляделся в ее лицо. На опухшей левой скуле наливался кровоподтек. Синяк на правой, оставленный султаном, уже почти прошел. В нем шевельнулся гнев. Некоторым мужчинам почему-то нравится бить женщин, но он, слава Аллаху, не из таких. Даже то, что Зара, несомненно, ведет себя подчас дерзко и вызывающе, их не извиняет. Конечно, все было бы куда проще и для него, и для нее, если бы эта юная красавица прекратила свои дикие выходки, вспомнила наконец, что она женщина и что ее место в гареме. В его гареме...

— Ты не можешь здесь больше оставаться, — сказал Джамал.

Он принял решение. Зара — его рабыня и, следовательно, не подчиняется никому другому. А султан может катиться ко всем чертям!

Девушка удивленно взглянула на него. Что она могла сказать? Ей совсем не нравилось на конюшне, но и возможная альтернатива прельщала не больше.

— Пойдем со мной, — продолжал Джамал. — Тебе надо привести себя в порядок от тебя так и разит потом и навозом.

— Пойдем... куда?

Шейх даже скрипнул зубами от досады. Да что ж это такое? Она в самом деле такая дура? Или просто играет с ним? Если так, то подобные игры начинали ему надоедать.

— Убирайтесь прочь! — рявкнул он на толпящихся неподалеку рабов, которые с опасливым любопытством прислушивались к их разговору, и мгновение спустя, когда они остались одни, с легким раздражением ответил: — Разве ты сама не знаешь? Туда, где я бы больше всего желал видеть тебя — в мою постель.

— Ты не можешь меня принуждать.

Джамал с трудом подавил ядовитый смех: — Могу, но... не хочу. Ты должна сама прийти ко мне. Сама, по собственной воле.

— Этого ты не дождешься!

— Дождусь.

— Я тоже. Но только не того, о чем ты думаешь. Я дождусь своей свободы.

— Хватит спорить, принцесса. — Голос Джамала внезапно стал тих и мягок. — Время нас рассудит. А пока ты будешь помогать моей домашней прислуге. Но прежде следует смыть с себя эту жуткую вонь. Я отведу тебя во внутреннюю купальню, там ты получишь все необходимое.

Он взял ее за руку и повел за собой. Когда они подошли к боковым воротам дворца, девушка, осененная внезапной догадкой, уперлась:

— А это случайно не вход в твой гарем?

— Скажем так, на женскую половину. Нафиса позаботится о тебе, подберет одежду и постель. А завтра Хамет найдет тебе работу. Не сопротивляйся, Зара. Даже твоему упрямству должен быть предел.

После трех дней, проведенных на конюшне, девушка была готова пойти на некоторый компромисс. Она не хотела возвращаться назад и страстно желала принять ванну. Кроме того, шейх ведь обещал ей, что не воспользуется своей силой и властью. Роль домашней рабыни все же лучше, чем наложницы.

— Хорошо, мой господин, — с наигранной покорностью промолвила принцесса. — Я не стану спорить. Мне действительно нужно привести себя в порядок. Да простит меня Аллах, если я невольно обидела тебя, ведь твои чувства так искренни...

Ее сарказм не укрылся от Джамала.

— Ты не обидела меня, моя красавица, — в тон ей ответил он. — Я же сказал, что готов подождать.

— Значит, ты по-прежнему верен данному тобой слову?

— Разумеется. Я еще никогда не нарушал его, это дело чести.

— Даже если слово дано бесправной рабыне? — недоверчиво спросила Зара.

— Тогда — тем более, — серьезно ответил он.

Она впервые посмотрела на него с уважением.

Перед ними высились массивные двустворчатые ворота, искусная резьба которых изображала сладострастные сцены любовных забав.

— Ты права, — продолжил Джамал, — это действительно вход в гарем. И ты будешь жить там вместе с моими наложницами. Но у них больше свободы, чем ты думаешь. Они, например, могут покидать его и возвращаться, когда им заблагорассудится... хотя, конечно, есть определенные ограничения. Им дозволено посещать деревню в базарные дни и даже ездить в Мекнес, но только в сопровождении Хамета и нескольких стражников. Но ты, красавица, всего лишь рабыня, и это на тебя не распространяется. Твой дом отныне — это только дворец, двор и сад, но дальше — ни шагу!

С этими словами он открыл тяжелую створку ворот и подтолкнул девушку вперед.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Зара сразу поняла, что она попала в другой мир, ничуть не похожий на тот, привычный, в котором прошли ее детство и часть юности, мир черных пыльных шатров и выжженных солнцем деревень с кособокими глинобитными хибарами. Помещение, куда ввел ее Джамал, было не слишком большим, но поражало роскошью своих орнаментов и обстановки. Пол устилали бесценные магрибские ковры, повсюду были шелк, бархат и атлас; инкрустированные перламутром приземистые столики полированного черного дерева ломались под грузом сладостей, фруктов и цветов.

— Джамал! — воскликнула кареглазая пухленькая брюнетка с губами цвета спелой вишни. — Ты оказал нам великую честь своим приходом. Нам нечасто случается видеть тебя днем. — Ее длинные ресницы кокетливо заколыхались. — Чем мы можем служить тебе, господин?

Миниатюрная рыжеволосая девица бесстыдно прижалась к нему своим пышным бюстом и томно закатила глаза:

— Ох, господин, скажи только слово, и мы сделаем так, что день покажется тебе сладостнее ночи...

Еще одна брюнетка, чья красота затмевала всех остальных, одарила шейха столь призывной улыбкой, что Зара в смущении отвернулась.

— Посмотрите, — воскликнула она мелодичным голосом, полным насмешки, — как наш господин заботится о нас, он привел нам нового евнуха!

Три пары глаз с вызовом уставились на Зару. Девушка гордо вздернула подбородок, однако продолжала разглядывать наложниц с плохо скрытым любопытством. Все они были одеты одинаково — в полупрозрачные лифы, едва прикрывающие грудь, шелковые шаровары и легкие газовые накидки; на их ножках красовались мягкие туфли красного сафьяна с загнутыми носами, а пальцы рук унижали кольца с разноцветными драгоценными камнями. Контуры их лиц казались чуть смазанными из-за практически не видных глазу тончайших белых вуалей, причем каждая имела свой еле заметный оттенок: голубоватый, розоватый и зеленоватый.

Рыжеволосая брезгливо сморщила носик:

— Где ты нашел такого вонючего раба, Джамал? Такие запахи просто оскорбительны для нашего обоняния. Ты совсем не думаешь о нас, капризно добавила она.

Шейх обвел взглядом своих наложниц:

— Мой новый раб — женщина. Она будет прислуживать, а также выполнять кое-какую работу по дому.

— Ты это называешь женщиной? — презрительно хмыкнула Лейла, бросив на Зару уничтожающий взгляд.

Оскорбленная, Зара уже готова была броситься на обидчицу, но Джамал с силой сжал ее плечо.

— Где Нафиса? — спросил он.

— Я здесь, мой господин. — Из соседней комнаты появилась рослая пожилая женщина и низко поклонилась ему. — Что тебе угодно? — Внезапно ее взор упал на Зару, и она нахмурилась. — Это женщина?

— О да, Нафиса, ты очень проницательна, — усмехнулся Джамал. — Султан подарил

мне новую рабыню, и я очень надеюсь, что ты поможешь ей выглядеть соответственно ее полу.

— Рабыню, господин? — подкрашенные брови Нафисы взлетели вверх. — Так она всего лишь рабыня, и ты не хочешь от нее никаких особых услуг?

— Нафиса, Джамал сам знает, чего хочет, резко оборвала ее Амар. — Отведи ее в купальню, и объясни, что такое мыло, и не забудь проверить, нет ли у нее вшей.

— Нет ли у меня вшей?! — возмущенно вскричала Зара, вырываясь из рук шейха; тот и опомниться не успел, как она уже сбила его наложницу с ног и принялась потчевать ее ударами.

— Хватит! — рявкнул Джамал и мгновенно разнял дерущихся. — Еще одна склока, и обе пойдете на конюшню! Ты, Амар, не суй свой нос, куда тебя не просят, и не вздумай больше отвечать за меня. А ты, Зара, смири свой дикий нрав, и научись вести себя так, как должно рабыне.

— Но у меня нет вшей! — вскрикнула оскорбленная принцесса, тщетно пытаясь вырваться из железных рук шейха.

— Она сумасшедшая! — всхлипнула Амар, отползая подальше от опасной берберки. — Ее надо хорошенько выпороть, иначе из нее никогда не получится хорошей рабыни.

Джамал мысленно с этим согласился.

— Послушай, Зара, — собрав остатки терпения, сказал он. — Саха, Лейла и Амар — мои наложницы. Тебе предстоит прислуживать им здесь, в гареме, так что запомни следующее: нрав у Сахи вспыльчивый, под стать ее рыжим волосам; Лейла ласкова, как котенок, но берегись ее коготков; а Амар может стать твоим злейшим врагом, если ты вздумаешь ей перечить.

— Но почему от твоей новой рабыни так ужасно воняет? — с любопытством спросила Нафиса.

— Совсем забыл представить тебе Нафису, главную женщину в моем гареме, — с комичной серьезностью спохватился Джамал. — Познакомьтесь и постарайтесь не ссориться... Так вот, — продолжал он, обращаясь уже только к Нафисе, — от нее так пахнет, потому что она была рабыней на конюшне.

— На конюшне? — в ужасе всплеснула руками Саха.

— Должно быть, она очень провинилась перед тобой, мой господин, — не без ехидства эхом отозвалась Амар.

Морщинистое лицо Нафисы чуть смягчилось, что можно было истолковать как сочувствие.

— Пойдем со мной, Зара, — сказала она. Я помогу тебе избавиться от этих мерзких запахов.

Девушка молча последовала за ней, желая лишь одного — поскорее принять ванну.

Купальня была уже готова. Над ней поднимался пар, а в воздухе разливался пряный аромат солей и трав. Неглубокий бассейн занимал всю обширную комнату, смежную с главной залой гарема; стены ее были выложены квадратами белого мрамора и голубого лазурита.

Зара разделась и с наслаждением окунулась в горячую воду.

— Позволь мне выбросить твою одежду, Зара, — мягко обратилась к ней Нафиса. — Кстати, почему ты в мужском платье, да еще и синем?

— Я всегда так одеваюсь, — ответила принцесса и, спохватившись, пояснила: — Не по-

мужски, конечно, но синий — традиционный цвет моего народа.

— Так ты берберка? О Аллах! Как же ты оказалась здесь, бедное дитя?

— Мой отец — кади Юсуф, повелитель берберов с Рифских гор. Я была в походе вместе с ним, когда шейх Джамал взял меня в плен.

— Кади взял тебя с собой, вместе с воинами? — изумилась Нафиса. — Но ведь ты женщина!

— У отца нет сыновей, — печально покачала головой Зара. — Я его единственный оставшийся в живых ребенок, и он воспитывал меня как мальчика.

— И заставлял участвовать в своих бандитских вылазках?

— Нет, не заставлял, я сама хотела всегда быть рядом с ним. И мы не считаем себя бандитами, Нафиса. Мы — свободные люди и хотим равноправия. Что же касается караванов султана, то да, мы нападаем на них, но виноват в этом сам Мулай Исмаил, обложивший нас непомерными налогами.

— Я ничего не понимаю в этих делах, — пожала плечами Нафиса и протянула Заре полотенце. — Но, Аллах свидетель, ты прекрасна, и поэтому все мужчины — даже враги — прежде подумают о том, как бы затащить тебя к себе в постель, и лишь потом — о мести.

В ее словах было столько горечи, что Зара поневоле задумалась, сколько же пришлось пережить этой женщине.

— Ты права, моя добрая Нафиса, она действительно прекрасна.

Зара испуганно обернул ась на голос: в дверях купальни стоял Джамал.

— Что ты здесь делаешь? — вскрикнула она, пытаясь закрыться полотенцем.

— Это мой дом, я могу заходить куда хочу и когда пожелаю.

— Так, значит, ты будешь следить за мной, даже когда я моюсь?

— Ты моя рабыня, а я твой хозяин. И мне решать, что можно, а чего нельзя.

Он неторопливо подошел к краю бассейна, опустился на резную деревянную скамью и скрестил ноги.

— Можешь продолжать, Нафиса, мне интересно послушать, что ты скажешь дальше.

Та почему-то сразу замолчала, хотя вовсе не казалась обеспокоенной его появлением, и Зара закусила губу, чтобы сдержать резкие слова ответа. Быть может, это в порядке вещей, когда хозяин наблюдает за купанием своих рабынь?

— Господин имеет полное право быть здесь, словно прочитав ее мысли, не громко, так, чтобы слышала только она, заметила Нафиса. — Привыкай, девочка, отныне тебя не должно это смущать.

И снова Заре почудилась в ее голосе какая-то тайная горечь.

Еще какое-то время шейх продолжал смотреть на нее, но постепенно его взгляд становился все более рассеянным, словно он о чем-то задумался. Затем он решительно встал, жестом подозвал к себе Нафису, быстро шепнул ей на ухо пару слов и покинул купальню. Женщина вышла вслед за ним, но тут же вернулась, держа в руках небольшой узелок.

Зара облегченно вздохнула, закуталась в полотенце и вышла из бассейна.

— Вот твоя одежда, — сказала Нафиса, протягивая ей узелок. — Примерь.

Девушка удивленно взглянула на маленький, размером с два кулака, сверток.

— Это шутка?

— Ни в коем случае.

— Но что в нем может поместиться? — недоверчиво спросила Зара.

— Развяжи, увидишь.

Заинтригованная, Зара последовала ее совету и подобно факиру стала доставать оттуда предмет за предметом: алый газовый лиф, шаровары из тончайшего шелка цвета слоновой кости, чисто символическое подобие джеллабы, сшитое из неизвестной ей розоватой ткани, и, наконец, вуаль, больше похожую на бледно-желтую паутинку. Качество материала и высочайшее искусство портных говорили сами за себя, но принцессу сразу насторожили две вещи: во-первых, вся одежда была практически прозрачной, а во-вторых, ее могла бы носить жена шейха, в крайнем случае — его наложница, но никак не рабыня. Это было ясно с первого взгляда.

— Я не стану это надевать, — нахмурилась принцесса.

— Ты боишься, что одежда слишком велика для тебя?

— Нет.

— Значит, тебе не нравятся цвета? Или материя?

— Да нет же, дело не в этом...

— А в чем?

— Я... я просто не могу это надеть!

— Но почему? А-а... мне кажется, я понимаю, — с еле заметной улыбкой кивнула Нафиса. — Во-первых, это не цвета твоего народа, а во-вторых, ты считаешь, что эта одежда... неподходящая для тебя. Вернее, она как бы обязывает тебя делать то, что ты делать не хочешь. Я права?

Зара молча склонила голову в знак согласия.

— Брось, милая, — почти ласково улыбнулась Нафиса. — Это же зависит только от тебя. Я хочу сказать, что никакая одежда все равно не сможет изменить твоих взглядов, твоей веры... так что можно пойти и на маленькие уступки ради того, чтобы облегчить себе жизнь. Поверь мне, Зара, нет ничего зазорного в том, чтобы пойти мужчине навстречу в мелочах, если это помогает тебе добиться главного... Ой, прости, что-то я разговорилась.

Повисло неловкое молчание. Зара, до глубины души потрясенная доходчивой правдой ее слов, пыталась заглянуть ей в глаза, ожидая продолжения этой своеобразной исповеди, но Нафиса старательно отводила взгляд.

— Но почему именно эта одежда? — робко спросила девушка.

— Так приказал шейх Джамал, — пожала плечами Нафиса. — Я такая же рабыня, как и ты, и просто исполняю то, что мне говорят, хотя... со мною здесь и считаются. Так вот, сегодня вечером тебе предстоит прислуживать нашему господину за ужином. Одевайся, и я покажу тебе твою комнату. Она совсем крохотная, но не каждой рабыне выпадает счастье жить и в такой. У тебя даже будет собственный садик. — Она бросила на Зару быстрый любопытный взгляд и добавила: — А знаешь, Джамал впервые привозит сюда, в Эдем, рабыню. Появлялись и исчезали рабы, сменялись евнухи, но женщин здесь до сих пор было только четверо: я и три наложницы.

— Так, значит, я должна быть благодарна Джамалу за оказанную мне честь? — невесело усмехнулась Зара. — За честь стать его рабыней? Я его об этом не просила. И долго я здесь не задержусь. Скоро явится мой отец со своими воинами, и вот тогда...

— Поживем — увидим, — покачала головой Нафиса. — Ты плохо представляешь себе, где оказалась. Крепость Джамала неприступна, а в ее гарнизоне только отборные солдаты. На твоём месте я бы не стала призывать сюда своего отца, ради его же блага... Ладно, поторопись. До вечера еще есть время, и ты успеешь немного вздремнуть.

— А где моя одежда?

— Забудь о ней, ты ее больше не увидишь. Я здесь ни при чем, это тоже приказ нашего господина.

Зара вздохнула и, поскольку выбора у нее все равно не было, быстро оделась в принесенные Нафисой вещи. Та придирчиво оглядела ее и осталась довольна, однако заметила:

— Ты забыла вуаль.

— Женщины моего народа не прячут лицо, — решительно мотнула головой Зара.

— Ты в арабском гареме, — мягко напомнила Нафиса. — Здесь свои законы, и нарушать их опасно. Впрочем, я не буду настаивать. Если господину что-то не понравится, он сам тебе об этом скажет. Пойдем, я покажу тебе комнату.

Помещение, отведенное Заре, действительно оказалось крохотным — чуть больше обычного платяного шкафа: здесь едва хватало места для узкой кровати и низенького столика. Двустворчатая дверь выводила в маленький садик, обнесенный глухой стеной.

Впрочем, девушка была довольна. Теперь у нее появилась возможность хоть немного побыть наедине со своими мыслями. Она действительно полагала, что ей недолго осталось мучиться в гареме Джамала. Даже если Нафиса права, и отец не рискнет идти на штурм Эдема, шейх обещал отпустить ее через четыре недели. Сама не зная почему, девушка не сомневалась, что он сдержит слово. Уверена она была и в другом: соблазнить ее ему не удастся.

— Постарайся отдохнуть, Зара, — сказала на прощание Нафиса. — Когда наступит время идти к господину, я пришлю кого-нибудь за тобой.

— А что я должна буду делать? — с опаской поинтересовалась принцесса.

— Забрать приготовленный ужин на кухне и отнести ему.

— И это все? — обрадовалась девушка.

— А ты хотела бы чего-то еще? — с неожиданным раздражением ответила Нафиса., отводя взгляд.

После ухода Нафисы Зара прилегла на кровать и неожиданно для себя задремала.

Когда в дверь постучали, ей показалось, что прошло не больше минуты, но темное звездное небо в окне свидетельствовало о наступлении вечера.

— Войдите! — крикнула девушка, вставая с кровати.

На пороге возник юноша примерно ее возраста, с тонким печальным лицом и выразительными карими глазами. Разумеется, это был евнух других мужчин в гарем не допускали.

— Меня зовут Хаким. Я принес тебе ужин, — высоким мелодичным голосом сказал он и поставил на столик поднос с дымящимся рисом и фруктами. — Поторопись, скоро пора идти к господину.

— Спасибо, Хаким, — ответила Зара, садясь на услужливо предложенную молодым евнухом подушку. — Запах просто восхитительный.

— Я скоро вернусь за тобой, — сообщил Хаким и ушел.

Рис был перемешан с черносливом, барбарисом и кусочками куриного мяса, щедро сдобрен кумином, кари и другими пряными приправами. Девушка уже заканчивала трапезу, когда дверь внезапно распахнулась и в комнату влетела Саха. Ее глаза пылали, лицо дышало злобой.

— Мне сказали, что ты сегодня будешь прислуживать Джамалу за ужином, — выпалила она. Мерзавка! С тех пор как ты появилась в этом доме, господин совсем перестал обращать

на нас внимание. Разве это справедливо? Ведь ты и вполнину не так хороша, как я. Даже Лейла и Амар красивее тебя! Что ты сделала с Джамалом, околдовала его?

— Я не колдунья, и ничего с вашим драгоценным шейхом я не делала, — стараясь держать себя в руках, ответила Зара. — И я не услаждаю его ласками, если ты это имеешь в виду. Так что, если ему чего-то не хватает в вашем обществе, вините в том самих себя.

Ее слова немного утихомирили разгневанную наложницу.

— Послушай, я ведь не дура и не слепая. Я отлично вижу, что Джамал хочет тебя. А он всегда получает то, чего хочет... — Неожиданно она перескочила на другое: — Почему ты работала на конюшне?

— Это длинная история, и рассказывать ее у меня нет ни времени, ни желания. Запомни главное: ваш шейх мне не нужен, так что я тебе не соперница.

— Зара, ты готова?

За спиной Сахи возник Хаким. Та опасно покосилась на него, но не ушла.

— Да, вполне, — ответила девушка. — Прошу извинить меня, Саха, но, в отличие от тебя, у меня есть обязанности, которыми я не могу пренебрегать.

— Ну конечно, знаем мы эти обязанности, буркнула себе под нос Саха. — Они не так уж трудны: ложись на спину, да раздвигай пошире ноги.

* * *

— Быстрее, Зара, — торопил ее Хаким, когда они шли длинными коридорами на мужскую половину дворца. — И надень вуаль, страже не зачем видеть твое лицо.

— Пусть смотрят, мне не жалко, — рассмеялась она.

Хаким недоуменно пожал плечами, но ничего не сказал. В конце концов, это не его дело. Пусть господин сам разбирается со своей новой рабыней.

Когда Зара с подносом в руках переступила порог его роскошных апартаментов, Джамал стоил у окна спиной к двери.

Он всматривался в медленно сгущающиеся сумерки, в которых постепенно таяли контуры крепостных башен, а пальмы в парке сливались в единую темную массу. Его мысли были далеко у подножия Рифских гор, где он впервые встретил девушку с лицом ангела и языком скорпиона.

С тех пор прошло всего четыре дня, но каким-то непонятным образом она умудрилась так глубоко забраться в его сердце, что он растерялся. Впервые в жизни. Что делать? Сдержать столь опрометчиво данное слово? Но времени осталось не так уж много, а бывшая уверенность в победе таяла с каждым днем. С другой стороны; она его рабыня — бесправное существо, вещь, собственность. Господин не обязан блюсти кодекс чести перед рабом. Он вправе поступать с ним как хочет, и никто его за это не осудит. Да, Джамал отлично знал, что может взять Зару силой, может заставить ее сделать то, о чем пока только мечтал, но... Но тогда она будет потеряна для него навсегда.

Самым простым решением было бы просто взять да и отпустить ее на все четыре стороны, а затем начать все сначала — искать ее общества и любви, как равного себе человека. Однако и это не имело будущего: кади Юсуф — враг, и он никогда не позволит своей дочери принимать знаки внимания от правой руки султана Мулая Исмаила.

— Ты позволишь, господин? — раздался сзади тихий голос, и он резко провернулся.

— Ты? Ах да, конечно... Почему так поздно? Я велел Хакиму поторопиться. Кроме того, я голоден. Что ты принесла?

— То, что мне дали на кухне; — пожалала плечами Зара, озадаченно глядя на поднос. —

Здесь, как ты и сам можешь видеть, плов, зелень и фрукты... Я сделала что-то не так?

— Нет, — рассеянно бросил Джамал, — все в порядке. Поставь на стол.

Зара молча опустила тяжелый поднос на низенький мозаичный столик с витыми ножками и направилась к выходу.

— Ты куда? — остановил ее резкий вопрос шейха.

— Назад, в гарем, — невозмутимо ответила она. — Мне было велено принести тебе ужин, я это сделала, так что же еще? У меня есть и другие обязанности.

— Твоя единственная обязанность — служить мне.

— Господин чем-то недоволен? — с напускным смирением поинтересовалась Зара. — Быть может, пока я шла сюда через весь дворец, плов остыл или подгнили фрукты? О, ты только прикажи, и тебе принесут что-нибудь другое. Так я могу идти?

— Нет, — хмуро ответил Джамал, делая вид, что не замечает ее иронии. — Я не привык есть один. Раздели со мной трапезу.

— Благодарю, господин, но я уже поела.

— Мне все равно. Я приглашаю тебя поужинать со мной, а этой чести в моем доме не удостоивался еще ни один раб.

— Еще раз благодарю, но я сыта, — твердо заявила принцесса. — Что же касается чести, то зачем размениваться? Позови одну из своих наложниц, я полагаю, она будет счастлива.

— Отличная мысль! — не в силах больше сдерживаться, рявкнул Джамал. — Именно так я и поступлю. Ты свободна, Зара, можешь идти. И не забудь прислать сюда Саху!

Девушка быстро кивнула и удалилась. Пока она шла назад по длинным извилистым коридорам дворца, две мысли не давали ей покоя, смущая и тревожа ее: «Почему он решил не настаивать?» И «Почему мне это не безразлично?».

— Шейх Джамал — потрясающий любовник, томно закатив глаза, заявила Саха Лейле и Амар, когда наложницы расположились у бассейна в саду. — Сегодня ночью он был просто великолепен. Он ласкал меня до самого утра, и, когда, наконец, отпустил, я еле добралась до своей кровати.

Все это было ложью, когда Саха пришла к шейху, тот довольно грубо отослал ее назад, и она, стараясь не попадаться на глаза «подругам», скрылась до утра в своей комнате. Однако Лейла и Амар ничего не зная об этом, едва не позеленели от зависти: каждая из них дорого бы дала, чтобы оказаться на месте Сахи.

— А ты, Зара, что скажешь? — вкрадчиво обратилась та к принцессе, которая готовила для них чай. — Ведь правда в постели Джамал просто великолепен?

— Не знаю, — с легкой улыбкой ответила девушка, — мне это неизвестно.

— Но ведь вы с господином провели немало часов наедине, — удивилась Лейла. — И если он не позволил тебе доставить ему удовольствие, значит, ты просто не в его вкусе.

— Точно, — поддакнула ей Амар, — Зара не так красива, как мы, и к тому же слишком костлява. Возможно, берберские дикари и считали ее привлекательной, но откуда им знать, что такое настоящая женщина?

— Я не люблю мятный чай, Зара, — капризно сказала Саха, отодвигая поставленную перед ней пиалу. — Принеси мне чего-нибудь холодненького, ну хотя бы фруктовый шербет.

— Эти яблоки какие-то невкусные, Зара, подхватила Амар, — принеси другие.

— А мне надо протереть лицо, здесь так жарко! — лениво протянула Лейла. — Принеси-ка мне влажную салфетку да не забудь смочить ее моими любимыми духами!

Зара почувствовала, как в ней поднимается волна глухого раздражения. Ну неужели во всем огромном дворце для нее не нашлось другой работы, кроме как прислуживать этим трем тупым жирным коровам, У которых на уме только постельные утехы.

— У меня и без вас дел хватает, — спокойно ответила Зара. — Если вам что-то нужно, встаньте и возьмите сами.

Повисла гробовая тишина, нарушаемая лишь тихим журчанием фонтана в бассейне. Первой опомнилась Саха. Приподнявшись на локте, она грозно сдвинула брови и медленно, с расстановкой повторила: — Я же сказала тебе, чтобы ты убрала этот мерзкий чай и принесла мне шербет. Ты что, оглохла? Пошевеливайся!

Губы Зары тронула едва заметная усмешка.

— Какой чай убрать, этот? — Она подняла пиалу, медленно наклонила ее, и на шаровары Сахи полилась струя горячей зеленоватой жидкости.

Наложница с визгом вскочила на ноги; ее глаза метали молнии.

— Ого, — невозмутимо заметила Зара, — а я и не думала, что ты умеешь быстро двигаться.

— Ах ты, сучка берберская! Да как ты смеешь! Я сейчас же все расскажу Джамалу. И лучшее, что тебя ждет, — это возвращение на конюшню!

Она бросилась к дому и в дверях столкнулась с шейхом.

— О, господин, сам Аллах послал тебя!

Одного взгляда на ее одежду было достаточно, чтобы Джамал понял, в чем дело, но он все же спросил:

— Что так расстроило тебя, Саха?

Та обвиняющим жестом указала на Зару.

— Твоя берберская рабыня оскорбила меня! Посмотри, что сделала со мной эта ведьма! — Саха двумя пальцами оттянула край своих мокрых шаровар. — Она вылила на меня чай!

Джамала разбирал смех, и он с трудом сохранял серьезное выражение лица. Так было надо. Если на проделки Зары смотреть сквозь пальцы, она никогда не научится послушанию.

— Я вижу, Саха, — сказал он. — И какого наказания, на твой взгляд, она достойна?

Губы наложницы скривились в злобной улыбке, и она бросила на девушку исполненный торжества взгляд:

— Бастонады <Бастонада — телесное наказание, распространенное в некоторых странах Востока: битье палками по пяткам.>, мой господин. Десяти ударов будет, пожалуй, довольно... для начала.

Джамал внутренне содрогнулся, пораженный ее жестокостью. После десяти ударов нежные ступни Зары будут изуродованы, и она долго не сможет ходить.

— Не слишком ли это сурово, моя дорогая?

— Что ты, господин, — всплеснула руками Лейла, — пусть получает то, что заработала! Представляешь, она отказалась принести мне салфетку, когда я попросила ее об этом!

— Да-да, — кивнула Амар, — а мне она подсунула гнилые яблоки. Накажи ее, господин, накажи построже, а потом продай. Пусть с ней мучается кто-нибудь другой.

Джамал грозно взглянул на Зару. Лицо берберской принцессы отражало что угодно, кроме раскаяния в содеянном.

* * *

— Ты вызвала недовольствие моих женщин, прислуживать которым я тебе велел, —

сухо сказал он. — Более того, ты оскорбила их. Тебе есть что сказать в свое оправдание?

— А я и не собиралась доставлять им удовольствие, — с вызовом ответила она. — Ты с этим прекрасно справляешься и без моей помощи.

— Такой тон не к лицу рабыне, Зара, — покачал головой Джамал, пряча улыбку. — Твое дело исполнять все то, что тебе говорят, а не спорить.

— Она упряма и своевольна! — встряла Лейла. — Прогони ее! Отправь назад на конюшню!

— В самом деле, — гордо улыбнулась принцесса, — почему бы и нет? Условленный срок скоро истекает, и я все равно буду свободна!

— Что за условленный срок? — насторожилась Саха.

— Все, хватит! — повысил голос Джамал. Еще не хватало, чтобы дурацкая клятва, данная им в минуту ослепления, стала известна всем. Да его просто поднимут на смех!

— Так ты накажешь ее или нет? — капризно надула губки Саха. — Ведь, оскорбив нас, она оскорбила и тебя!

— Не беспокойся, она получит то, что заслужила, — с мрачной решимостью ответил шейх и повернулся к Заре: — иди за мной!

Девушка подумала, что на этот раз, похоже, зашла слишком далеко. Мысль о грядущем наказании страшила ее, но, вспомнив, какую рожу скорчила Саха, когда она вылила на нее чай, невольно улыбнулась.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«Был ли Джамал действительно зол на меня?» — думала Зара, идя за ним по длинным коридорам. Зол настолько, чтобы подвергнуть бастонаде? Холодок страха пробежал по ее спине. Да поможет ей Аллах!

— Что ты сделаешь со мной? — дрогнувшим голосом спросила принцесса, когда они оказались на мужской половине дворца.

Джамал обернулся к ней, и выражение его лица лишь усилило ее опасения.

— Десять ударов, как и советовала Саха, пожал плечами шейх. — Впрочем, если ты полагаешь, что этого слишком мало за оскорбление моих женщин, я с тобой охотно соглашусь.

Зара с трудом сглотнула. Ей доводилось видеть людей, искалеченных бастонадой, — зрелище было не для слабонервных.

— Я полагаю, что этого слишком много за... за такую ерундовую оплошность. Трудно удержаться от чего-нибудь подобного, когда имеешь дело с тремя ленивыми, жирными коровами с мозгами между ног.

Джамал откинул голову и громко расхохотался. Он ничего уже не мог с собой поделаться: характеристика, данная его наложницам, была слишком точна и остроумна. К сожалению, Зару все-таки придется наказать за своеволие: в гареме, как и в армии, дисциплина и умение беспрекословно повиноваться ценились превыше всего.

— Может, ты и права, — сквозь смех выговорил он, — но сейчас не время и не место критиковать моих женщин. Кроме того, я выбирал их отнюдь не за ум.

— Охотно в это верю, мой господин, — с ужасом услышала Зара собственные слова, но остановиться уже не могла: — Вы ведь так похожи: ты тоже думаешь совсем не тем местом, которое для этого предназначено.

Джамалу сразу почему-то расхотелось смеяться его глаза угрожающе сверкнули.

— Ты забываешься, рабыня! Запомни раз и навсегда: или ты сама укоротишь свой язык, или это придется сделать мне. Тебе нет места ни в моем доме; ни тем более в моем гареме. Убирайся на конюшню! Если при всем твоим уме ты до сих пор не поняла, что жить в тепле и комфорте все же лучше, чем в грязи и навозе, я ничем не могу помочь.

Откуда-то из-под земли, словно дожидаясь приказа хозяина, рядом с Джамалом возник Хамет.

— Подбери для принцессы одежду, подходящую для работы в стойлах, — распорядился шейх. — Свою нынешнюю она не увидит до тех пор, пока не научится смирению. Уведи ее, здесь ей не место.

«Назад на конюшню... Будь проклят мой язык!» — думала бедная девушка, понуро следуя за Хаметом. Что ж, она это заслужила. Но по крайней мере ей удалось избежать бастонады. Она пыталась убедить себя, что даже разгребать навоз более достойная работа, чем сгибаться с тремя пустоголовыми куклами, но звучало это не слишком убедительно.

В конюшне евнух снял с гвоздя балахон из грубого холста и протянул Заре.

— Переоденься в пустом стойле, а я пойду найду Ахмеда и скажу, что ты вернулась. Поторопись!

Девушка едва успела нацепить на себя серое тряпье, когда Хамет вернулся.

— Поговорил с Ахмедом. Ты приступаешь к работе немедленно, у тебя будут те же

обязанности, что и раньше... Лично я не считаю, что это занятие достойно женщины, — задумчиво добавил он, — но с хозяином лучше не спорить. Пойми же, наконец, язык твой — враг твой. Будь капельку умнее, и тебя ждет великое будущее. Лейле, Сахе и Амар, вместе взятым, до тебя и сейчас, как до Луны. Они, конечно, тупы, но отлично понимают это, а потому и злобствуют.

С этими словами евнух ушел, оставив принцессу наедине с вилами и невеселыми мыслями.

Ни в ту, нив последующие ночи никто не потревожил ее. В памяти рабов была еще слишком свежа судьба Мустафы, осмелившегося нарушить приказ господина, и они боялись даже близко подходить к девушке. Это немного облегчало ей жизнь, но изнурительно тяжелая работа поневоле заставляла ее то и дело вздыхать, вспоминая чистую прохладу фонтанов и мягкие перины дворца. Когда же она наконец научится держать язык за зубами? Должно быть, никогда. Да чего там скрывать, она, берберская принцесса Зара, иногда с тоской вспоминала гарем, но была слишком горда, чтобы попроситься назад.

Девушка расчистила пустующее стойло и устроила там себе некое подобие спальни, вымыв начисто пол и натаскав свежей соломы. Здесь она могла уединиться и вдали от посторонних глаз предаваться своим невеселым мыслям. Со временем сюда перекочевал старый колченогий столик, мятый медный тазик и мех с водой, так что теперь она даже ужинала и умывалась, не выходя из «Дворца», как со злой иронией окрестили ее жилище остальные рабы.

Однажды вечером, когда принцесса уже начала засыпать, она почувствовала рядом чье-то молчаливое присутствие. Девушка открыла глаза и увидела Джамала, который стоял, облокотившись на низкую дверцу стойла.

— Готова ли ты признать свою вину, вернуться к нормальной жизни и вести себя как подобает женщине? — вместо приветствия спросил он. В его черных глазах играли отсветы масляной лампы, и они казались еще больше, чем обычно.

— Дочери кади Юсуфа не пристало признавать свою вину перед какими-то безмозглыми тушами, — с презрением ответила она. — И потом, что ты называешь «нормальной жизнью»? Жизнь домашней рабыни? Или, может быть, твоей наложницы? У тебя свои представления о том, что подобает женщине, а у меня свои, и вряд ли мы когда-нибудь пойдем друг друга. Тебе ведь все равно, что творится в моей душе, тебе нужно только мое тело, а его ты не получишь. Две недели из назначенного тобою срока уже прошли, мне осталось ждать совсем недолго. Скоро ты увидишь, что проиграл, и вернешь мне свободу.

Джамал даже стиснул кулаки в приступе бессильной ярости. Взять ее прямо здесь, на соломе, не составляло труда, но это означало бы полностью признать свое поражение. О Аллах, но как же она соблазнительна даже в этом сером тряпье! Как блестят ее глаза, как грациозны изгибы тела!

— Зара, — примирительно, почти ласково начал шейх, — со мной творится что-то странное. Я вижу тебя во сне, я не могу выкинуть тебя из головы ни на минуту! Всякий раз, когда я подхожу к своей постели, мне мерещится, что ты ждешь меня там... Я хочу тебя, Зара!

— Тебе мало трех наложниц? Заведи себе четвертую, но со мною ты только зря теряешь время.

— Это все не то... Как тебе объяснить? Да я и сам толком ничего не понимаю. Лейла, Саха и Амар мне больше не интересны. Я... я чувствую себя с ними проклятым евнухом! Я

ведь не просто хочу женщину, а именно тебя...

В душе Зары впервые шевельнулось что-то похожее на слабый огонек, родившийся в ответ на его пылкие слова, но она в испуге тут же погасила его.

— Даже не пытайся соблазнить меня, господин, — все еще упрямо, но уже чуть мягче проговорила она, — мне осталось ждать всего две недели, и я не сдамся.

— Послушай, — внезапно охрипшим голосом сказал Джамал, — ну зачем даже эти две... оставшиеся, недели дышать смрадом конюшни и спать на соломе? Скажи только «да», и я одену тебя в шелка и бархат, подарю самые прекрасные драгоценности, какие, у меня только есть. Знаешь, я недавно привез великолепную изумрудную диадему. Она так бы подошла к твоим глазам!

Решимость девушки, хоть и на мгновение, была поколеблена. Нет, дело заключалось вовсе не в обещанных сокровищах, а в том, как он их ей предлагал. Его слова проникали в самую душу, в них ощущалось неподдельное чувство, а последняя фраза звучала уже как откровенная мольба. Зара вдруг поняла, что шейх просто не умеет иначе вести себя с женщинами. Он привыкший сразу получать все, что только пожелает, искренне не понимал, почему она упрямится. Она не пала сразу же жертвой его красоты и обаяния, он дал слово не брать ее силой, так что ему остается только одно — постараться купить ее!

— Так что ты скажешь? — вкрадчиво спросил он, неверно истолковав ее молчание.

— Я скажу «нет», мой господин. А диадему можешь, отдать Сахе, если она, конечно, сообразит, как ее носить.

— Но почему?! Почему ты так изводишь меня? — в сердцах вскричал шейх и так ударил кулаком по деревянной дверце, что она треснула и осела. — Чем твой бандит-любовник был лучше?

— Только одним, — печально улыбнулась Зара, — я любила его.

Он ушел, но его слова еще долго не давали ей покоя. Когда же наконец пришел долгожданный сон, ее стали преследовать эротические видения, и она несколько раз со стоном просыпалась. Впрочем, выспаться в ту ночь ей не было суждено. Под утро, едва горизонта робко коснулись розовые персты зари, в конюшню проникла какая-то серая тень, скользнула мимо ряда стойл и замерла у ее скромного ложа.

Зара внезапно проснулась от того, что ей стало нечем дышать, и обнаружила, что ее рот и нос зажала чья-то ладонь; она в ужасе попыталась вскочить на ноги, но сильная рука прижала ее к полу.

— Тс-с-с! Тихо! — раздался свистящий шепот. — Я принес весточку от твоего отца.

Страх в широко распахнутых глазах Зары сменила надежда.

— Послушай, — продолжал незнакомец, если ты веришь мне и обещаешь не поднимать шум, я уберу руку. Кивни в знак согласия.

Принцесса энергично кивнула и наконец смогла вдохнуть полной грудью.

— Кто ты? — спросила она.

— Меня зовут Рашид, — донесся из темноты едва слышный шепот. — Я торговец верблюдами и доверенное лицо твоего отца. Пронесся слух, что тебя сделали рабыней в конюшнях шейха Джамала, но в это никто не верит.

— Кто распространяет эти слухи?

— Вчера на рынке о тебе болтали наложницы шейха. Я проверил их слова по другим источникам, и все подтвердилось. Тогда я немедленно известил Юсуфа. Теперь его войско стоит лагерем в горах, сразу за этим оазисом. Сегодня он принял решение напасть на дворец

Джамала и велел передать, чтобы завтра ночью ты не спала и была готова. Синие Люди придут перед самым рассветом.

— Но что они могут сделать? — печально спросила Зара. — Крепость неприступна, а внутри — целый гарнизон.

— Пусть это тебя не беспокоит, люди Юсуфа перелезут через стены, а потом... Хм-М... подробностей я, честно говоря, и сам не знаю, в общем, будь готова.

— Могу ли я хоть чем-нибудь помочь им? Быть может, надо что-то сделать?

Ее слова остались без ответа. Рашид уже растворился в предрассветной мгле.

* * *

Следующий день тянулся бесконечно долго. Зара старалась с головой уйти в работу, но постоянно ловила себя на том, что с нетерпением смотрит на окружающие Эдем высокие стены. Где сейчас отец? Что он делает? О чем думает?

Когда в конюшне появился Джамал и приказал оседлать его жеребца, сказав, что они с Гаруном отправляются на охоту в горы, сердце девушки упало. Ее первой мыслью было, что они непременно наткнутся на воинов кади и поднимут по тревоге солдат. Тогда — прощай, долгожданная свобода! Впрочем, довольно скоро она немного успокоилась: ее отец слишком умен и хитер, чтобы дать себя заметить и уж тем более поймать. Он знал горы как свои пять пальцев, постоянно был начеку и не раз обманывал самых искусных преследователей.

Итак, сегодня ночью... Пройдет всего лишь несколько часов, она снова будет со своим народом и никогда больше не увидит Джамала. Как ни странно, эта мысль почему-то не слишком обрадовала ее, и девушка недоуменно нахмурилась.

* * *

Мысли Джамала были далеки от охоты. Вздорная берберская красавица не давала ему ни минуты покоя. Он не просто вождедел ее, было уязвлено его самолюбие. Он, не ведавший до сих пор никаких проблем с женщинами, вел себя теперь, как влюбленный неопытный мальчишка, бросаясь из крайности в крайность и не зная, что предпринять. В нем как будто что-то надломилось: он привык приказывать, требовать, но просить? Неужели он настолько непривлекателен? Быть может, даже отвратителен? Однако его наложницы явно так не считали.

— Если у тебя сегодня нет настроения охотиться, мы здесь только зря теряем время, — с плохо скрытой обидой заметил Гарун.

— Мне надо было просто проветриться, друг мой, — улыбнулся шейх, — побыть на природе. Ты наверняка заметил, что в последние дни мне как-то не по себе.

— Зря ты так мучаешься, господин, — пожал плечами Гарун. — Затащил бы эту девицу в свою постель, и делу конец. Ты и так был с ней невероятно терпелив, мало кто на твоём месте поступил бы так же. Кроме того, мрачные мысли отвлекают тебя от других, более важных дел. Насладись ее телом — и все пройдет, твой разум откроется для всех радостей мира. Ты молод, красив, богат, влиятелен — что ей еще надо? Все это только капризы и плоды дикарского воспитания, поверь мне. Обращай на нее поменьше внимания, и она скорее сломается. Не понимаю, как, владея такими роскошными наложницами, ты можешь быть чем-то недоволен. Да будь у меня женщина вроде Сахи, я бы сутками не вылезал из постели!

— Ты жаждешь благосклонности моей Саки? — задумчиво спросил Джамал.

— Ох, прости меня, господин! Я и сам не ведаю, что несет мой проклятый язык! Клянусь тебе, у меня и в мыслях не было зариться на твоих женщин. Но все равно, если ты

считаешь, что я провинился, покарай меня. Готов понести любое наказание...

— Аллах с тобой, Гарун, мы слишком давно вместе и отлично знаем друг друга, так неужели ты думаешь, что я стану наказывать тебя за такие пустяки? Саха далеко не ангел, она глупа и капризна, и, чтобы держать ее в узде, нужна рука покрепче моей.

— Ну, господин мой, уж поверь, у меня она была бы как шелковая! — усмехнулся он.

— Почему ты до сих пор не женат, Гарун? — с любопытством спросил Джамал.

Тот покраснел и отвел взгляд. Как он мог жениться, когда Саха, единственная, кого Гарун страстно желал, была наложницей его господина? Он даже признаться-то в этом не смел!

— Я еще не встретил ту, на которой хотел бы жениться, — уклончиво ответил он.

Видя его смущение, Джамал переменил тему:

— Пожалуй, ты прав. Что-то охота не идет мне на ум, давай лучше вернемся.

Внезапно Гарун остановил коня и показал на землю под его копытами.

— Взгляни, господин! Здесь разводили костер, и совсем недавно. Кто бы это мог быть?

Джамал спешил и нагнулся над кругом выжженной земли.

— Странно, — пробормотал он, — караваны, как правило, не отходят так далеко от своих обычных путей... Хотя вот верблюжьи следы. Что скажешь о них, Гарун?

— Верблюды шли налегке, без поклажи, — ответил тот, склоняясь над едва заметными отпечатками на сухой глинистой почве. — Это не караван.

— Беговые верблюды, — кивнул Джамал, причем берберские. Что привело Синих Людей сюда, к границам моего Эдема?

— Юсуф явился за своей дочерью, — мрачно констатировал Гарун.

— Верно. Другого объяснения я не вижу. С тех пор как Зара у меня, нападений на караваны султана не было. Не далее как вчера от Мулая Исмаила прибыл гонец. Владыка очень доволен и благодарит меня за то, что я уговорил его сохранить жизнь дочери кади.

— Надо подготовиться к обороне. Я предупрежу стражу и выставлю побольше дозорных.

— Если нам удастся захватить Юсуфа, султан будет просто счастлив, — заметил Джамал. «Правда, Заре это вряд ли понравится», — добавил он про себя. — Тебе лучше перевести принцессу назад в гарем, — предложил Гарун. — Туда Юсуфу не попасть, а конюшня стоит на отшибе.

— Нет, — немного подумав, решительно ответил Джамал, — Зара останется на конюшне. Если отправить ее в гарем, это насторожит Юсуфа, он может догадаться, что мы знаем о его планах. Пусть штурмует стены, мы не станем ему мешать, внутри его будет ждать весьма теплый прием. Назад, друг мой, у нас не так много времени, а подготовиться надо хорошенько! Да, кстати, никому, кроме солдат, ни слова. Зара не должна ни о чем подозревать. И скажи другим рабам на конюшне, чтобы этой ночью сидели тихо, как мышки, и не высывались, что бы ни случилось.

* * *

Зара с замиранием сердца следила за Джамалом и Гаруном, с самым мирным видом въезжавшими через крепостные Борота. В их поведении ничто не настораживало, и она вздохнула с облегчением. Странно, правда, было то, что они вернулись без добычи, ведь места вокруг изобиловали дичью, но это еще ни о чем не говорило. Может, им просто сегодня не повезло.

Ночь наступала мучительно медленно, и, когда наконец окончательно стемнело,

возбуждение Зары достигло предела. Чтобы не вызывать подозрений, она, как обычно, поужинала в своем «дворце», устроилась поудобнее на соломе и притворилась спящей. Боясь закрыть глаза, чтобы не уснуть по-настоящему, девушка вперила взгляд в окружающий ее мрак, предвкушая встречу с отцом.

Она не слышала, как Джамал и Гарун крадучись проникли в конюшню и спрятались в одном из пустующих стойл неподалеку от нее. Охрана была усилена, дозорные выставлены, теперь все с нетерпением ожидали атаки.

* * *

Мелькнув неясными силуэтами на вершине стены, берберы неслышно скользнули вниз по заранее переброшенным веревкам и растворились в иссиня-черном мраке ночи, их было шестеро.

— Они здесь, — шепнул Гарун на ухо Джамалу. — Позволь подать сигнал, и мои люди покончат с ними в одно мгновение.

— Нет, надо немного выждать, — последовал ответ из темноты, — мы еще не знаем, кто из них Юсуф. Он нужен мне живым.

Они отступили еще глубже в густую тень и замолчали.

Минуту спустя в дверях конюшни возникла темная фигура. Одно мгновение ночной гость стоял неподвижно, напряженно прислушиваясь, затем осторожно двинулся вперед. Остальные воины остались снаружи, готовые в любую секунду броситься на выручку своему кади. Никто из них и не подозревал, что за ними пристально наблюдают.

Услышав легкий шорох, Зара вскочила на ноги.

— Это ты, отец?

— Да, дитя мое. Надо быстро уходить отсюда.

— Возьми меня за руку, и пошли.

Зара доверчиво протянула ему свою ладошку, и он крепко, но ласково сжал ее.

— Этот развратный шейх... это животное... как он обращался с тобой? Мой человек сообщил, что выглядишь ты неплохо.

— Со мной все в порядке, отец. Давай поговорим после, мы здесь не одни — где-то неподалеку спят другие рабы.

Они осторожно двинулись к двери. Сердце девушки отчаянно колотилось: свобода была так близко! Им оставалось пройти несколько метров до крепостной стены, где их ждали веревки...

— Вперед! — раздался во мраке громовой клич, и в то же мгновение у подножия стены словно из-под земли выросло полтора десятка вооруженных людей, отрезая им путь к спасению.

— Отец! — в отчаянии вскричала Зара. — Нас предали!

— О нет, красавица, — насмешливо произнес Джамал, выступая из тени на озаренные лунным светом плиты двора, — вас никто не предавал.

Юсуф закрыл дочь своим телом, и смело взглянул в глаза своему заклятому врагу.

— Отпусти мою дочь, шейх Джамал. Ты же добился своего, я — твой пленник, и она тебе больше не нужна.

— Ошибаешься, Юсуф. Нужна. Ты даже представить себе не можешь, как она мне нужна. Что же касается тебя, старый разбойник, то жить тебе или умереть, будет решать султан. Твоя судьба отныне в его руках.

— Нет! — воскликнула Зара, выступая вперед. — Если отец умрет, его смерть будет на

твоей совести!

— Юсуф нарушил закон, принцесса, и час расплаты для него близок. Здесь я бессилен.

— Весь берберский отряд окружен, мой господин, — доложил Гарун. — Прикажешь уничтожить его прямо сейчас?

Зара приглушенно вскрикнула и уткнулась лицом в джеллабу отца.

— Нет, — покачал головой Джамал. — Заприте их в пустом хранилище, пока я не решу, что с ними делать. Степень их вины и наказание должен определить султан.

— Пошел! — подтолкнул Гарун Юсуфа в спину рукоятью своего ятагана.

Подбородок Зары гордо вздернулся:

— Я пойду с ним! — не терпящим возражений тоном заявила она.

— Нет, — резко возразил Джамал, беря девушку за руку. — Ты, неугомонная берберская воительница, останешься под моим личным присмотром.

И он потащил упирающуюся принцессу через весь двор к своим покоям.

* * *

— Все в порядке, господин? — Из темноты арочного входа выступил Хамет с масляной лампой в руках; его взгляд вопросительно переходил от Джамала к Заре и обратно.

— Все просто прекрасно, мой дорогой Хамет.

Мы поймали Юсуфа.

— Должен ли я отвести эту... хм... дурно пахнущую особу в гарем, господин?

— Мне страшно жаль, если запах лошадиного дерьма оскорбляет твой нежный нос, Хамет, — едко бросила Зара, — но даже он кажется мне восхитительным по сравнению с вонью царявших в покоях твоего господина.

— Распорядиться насчет бастонады? — невозмутимо осведомился евнух.

— Нет, Хамет, не сейчас, — ответил Джамал, послав девушке улыбку, от которой у нее кровь застыла в жилах. — Этой ночью принцесса Зара разделит со мной ванну и постель. Можешь идти спать.

— Господин уверен, что моя помощь не потребуется? — нерешительно обратился к хозяину Хамет, не желая оставлять шейха наедине с этой дикаркой.

— Спасибо, я сам справлюсь. Иди и ни о чем не беспокойся, если мне и грозит от чего-то пострадать, так только от ее острого язычка.

Едва Хамет удалился, Зара буквально набросилась на Джамала:

— Что ты собираешься сделать с моим отцом?

— Твой отец — настоящий разбойник. И султан... не я, будет его судить. — Он втолкнул ее вовнутрь и закрыл за собой дверь. — Ступай в купальню, тебе давно пора вымыться.

Вскоре она оказалась у бассейна, почти такого же, как в гареме, но отделанного с еще большим изяществом; его окружали низкие кушетки и разбросанные по полу атласные подушки.

— Раздевайся. Если хочешь спать в моей постели, тебе придется принять ванну.

— Я бы предпочла спать на полу, — растерян, но возразила Зара. — Мы же договорились, ты разве забыл?

Улыбка Джамала не предвещала ничего хорошего.

— Обстоятельства изменились. Теперь кади Юсуф мой пленник.

— Да, это, к несчастью, так, но какое отношение имеет мой отец к твоему обещанию? Или оно тоже изменилось?

— Обсудим это позже. А сейчас делай то, что я говорю: раздевайся и полезай в воду. Мыло найдешь вон в том золотом кувшинчике.

Мысленно проклиная все на свете, Зара повиновалась. Вода была теплой и источала восхитительный аромат. Тело девушки охватила приятная истома, она прислонилась спиной к бортику и закрыла глаза.

Даже не видя Джамала, она чувствовала на себе его обжигающий взгляд. Шейх не сделал даже попытки приблизиться, он просто стоял и смотрел.

Принцессе стало не по себе; ее веки дрогнули и открылись: в черных глазах шейха пылал жаркий костер желания.

— Ты бы не мог отвернуться? — робко попросила она.

Он молча опустил взгляд и вышел, но через минуту вернулся и положил на край бассейна свободный халат с поясом.

— Надень это, когда закончишь, и приходи ко мне в постель. Не бойся, сегодня тебе ничего не грозит. Это не то, что мне надо: я слишком устал, а ты слишком тревожишься за отца.

Зара не смогла сдержать вздох облегчения и позволила себе немного расслабиться. Ей надо немного подумать. Что будет с отцом? Неужели султан приговорит его к смерти? Как сделать так, чтобы Джамал не отдавал отца Мулаю Исмаилу? И что может она предложить ему взамен?

Ответ пришел сам собой — четкий и ясный, и пугающий своей простотой. У нее есть только одно, что может заинтересовать шейха, — она сама, ее тело.

* * *

Когда Зара вошла в спальню; Джамал лежал на постели, рассеянно глядя сквозь окно на усыпанное звездами небо. Он улыбнулся и жестом пригласил ее приблизиться.

— Ложись, ты, должно быть, совершенно измучена.

— Как ты узнал, что отец явится за мной сегодня? — спросила Зара, осторожно присаживаясь на краешек огромной кровати. — Кто предал его? Я не смогу уснуть пока не услышу ответа.

— Никто его не предавал, — шейх не собирался лгать ей. — Когда мы с Гаруном ездили в горы, он нашел след походного костра, а сопоставить факты было совсем несложно. Караваны никогда не проходят так близко от Эдема. Я знал, что рано или поздно Юсуф придет, дабы выкрасть тебя, и решил на всякий случай усилить охрану. Как видишь, я не ошибся.

— Отпусти его.

— Да ты в своем уме? Мне еще не надоело жить, а предать Мулая Исмаила равносильно самоубийству. Султан никогда мне не простит, что я держал Юсуфа в своих руках и дал ему уйти. Ложись спать, Зара. Я слишком устал, чтобы спорить с тобой.

— Ты хочешь меня, Джамал?

Он вздохнул и закрыл глаза.

— Даже больше, чем ты, наверное, представляешь. Но я не желаю обладать тобой впопыхах, посреди ночи. Так я только все испорчу.

— Я хочу поговорить с отцом. Ты позволишь?

— Поговорим об этом завтра, — тяжело вздохнул Джамал. — Быть может, тогда тебе и удастся меня уговорить, но не сейчас.

Такой ответ не вселял особых надежд, а Заре непременно надо было переговорить с

отцом до его отправки в Мекнес. Она глубоко вздохнула, собираясь с силами, и сказала:

— Я предлагаю тебе сделку: ты устроишь мне встречу с Юсуфом, а потом получишь кое-что взамен.

Джамал, казалось, заинтересовался ее предложением. Его глаза медленно приоткрылись, и он внимательно посмотрел на девушку.

— И что же кроется за этим «кое-что», маленькая шалунья?

Насмешливый негромкий голос шейха заставил ее поежиться.

— То, что ты так страстно желаешь, — с трудом выговорила она.

— Это я могу взять и без твоего на то разрешения. Я же сказал, что обстоятельства изменились.

— Без моего разрешения? Значит, силой? — возмутилась Зара. — Зато не «впопыхах» и не «посреди ночи»? Я что, блюдо плова, что меня даже сцрашивать не надо, прежде чем съесть?

— О дорогая, я вижу, ты снова меня не поняла, — вздохнул Джамал. — Мне не надо твоего разрешения, потому что в тех отношениях, которых хочу я, вообще нет таких понятий, как разрешить или запретить. Там все можно — и мне, и тебе. Я уже говорил и готов повторить снова: недалек тот день, когда ты сама, по доброй воле, а не по принуждению или из-за тревоги за судьбу своего отца, придешь ко мне. И тогда ты будешь хотеть меня не меньше, чем я тебя. Впрочем, ты все равно не веришь в это... пока не веришь. Так что я готов заключить с тобой сделку, но другую, не ту, что предлагаешь ты. Это даже не сделка, а, скорее, договор, по которому мы оба сможем... перестать быть врагами.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Утром Зара проснулась оттого, что у нее онемело плечо. Она пошевелилась и поняла, что лежит в объятиях Джамала.

События прошедшего дня нахлынули на нее горькой волной. Ей удалось уснуть лишь на рассвете: всю ночь, вернее, весь остаток ночи она пролежала в напряжении — ожидая, что шейх попытается овладеть ею. Но он сдержал слово. В конце концов, его тихое размеренное дыхание успокоило ее, и она провалилась в черную бездну сна.

— Как спалось моей маленькой злочке? — раздался у самого ее уха голос Джамала. — Плохо. Я привыкла спать одна, а от твоих тяжелых рук у меня ноют плечи, — честно ответила Зара.

— Мне очень жаль. — Он приподнялся на локте и заглянул ей в глаза. — Знаешь, мне нравится трогать тебя — всю тебя, но особенно твою грудь. Она — само совершенство, а твои соски, такие темные и упругие, напоминают спелые вишни, которые я так люблю.

Зара демонстративно отодвинулась от него подальше.

— Мы хотели кое-что обсудить, — напомнила она. — Когда я смогу увидеть отца?

— Ах да, сделка... — прищурился Джамал. Он отлично помнил их вчерашний разговор и сейчас, на свежую голову, полагал, что наговорил тогда много лишнего. Нельзя было столько обещать. Впрочем, они все равно еще ни о чем недоговорились.

— Хорошо, принцесса, давай поговорим об этом. Пусть каждый из нас изложит свои предложения, и мы попробуем прийти к согласию. Начинай.

— Ты говоришь, что хочешь меня, господин. Очень хорошо. Отныне ты сможешь наслаждаться моим телом, пока тебе это не надоест. Взамен же я прошу только одно — отпусти моего отца.

— Нет, Зара, — усмехнулся шейх. — Я не могу освободить Юсуфа, и тебе это известно. Теперь послушай меня. До тех пор, пока твоего отца не отправят в Мекнес, ты сможешь каждый день навещать его. А в качестве благодарности ты будешь охотно, не сопротивляясь, делить со мной постель всякий раз, как я того пожелаю. Заметь, я не имею в виду, что обязательно стану братом тебя, мы можем просто спать вместе. И еще одно оставляю за собой право пытаться соблазнить тебя в любое другое время всеми доступными мне способами, и ты не должна мне мешать. Я хочу, чтобы твоя вынужденная покорность стала в конце концов действительно добровольной.

— Это совершенно неприемлемо, господин.

— Вот именно, господин. — В голосе Джамала зазвенел металл. — Не забывай, ты моя рабыня, и мне незачем торговаться с тобой — ты и так всецело принадлежишь мне. Я поступаю так лишь потому, что не хочу брать тебя силой. Почему не твое дело. Если угодно, считай это капризом своего хозяина. Но злоупотреблять моим терпением я тебе не советую. У тебя нет прав, и горе тебе, если ты заставишь меня вспомнить об этом. Если же ты сейчас примешь мои условия, то, во-первых, навсегда простишься с конюшней, а во-вторых, серьезно облегчишь жизнь своего отца.

Зара прикусила губу, лихорадочно соображая. Она чувствовала, что скоро терпение Джамала достигнет предела. Джамал и так обращался с ней куда мягче и снисходительнее, чем любой другой мужчина, окажись он на его месте. И это, пусть и против ее желания, приносило свои плоды: шейх уже не вызывал в ней прежней неприязни, она все чаще стала

замечать, что он красив, благороден и даже... добр.

Возможно, само внезапное решение отдаться ему в обмен на свободу отца тоже было не случайно — девушка с удивлением поняла, что он ей не противен и вполне может стать ее первым мужчиной. Трудно сказать, что здесь перевесило чашу весов: его терпение и умение ждать или дикий, природный инстинкт самки, выбирающей для первого спаривания самого сильного и красивого партнера. Как бы то ни было, сейчас на карту было поставлено две судьбы — судьба отца и ее собственная, и Зара обязана была использовать свой единственный козырь.

— Ты сказал, что я смогу навещать отца, пока он здесь, — задумчиво сказала она.

— Совершенно верно.

— Тогда... не мог бы ты пойти еще на одну маленькую уступку? Не отправляй его в Мекнес. Пусть он останется твоим пленником здесь, в Эдеме, а я сумею отблагодарить тебя за это.

— Рано или поздно мне все равно придется отдать Юсуфа султану, — покачал головой Джамал.

— Тяни время, сколько сможешь, — взмолилась Зара. — Султан ведь даже не знает, что мой отец у тебя, а до тех пор, пока на его караваны никто не нападает, он и не вспомнит о нем.

— Вспомнит, уверяю тебя, и довольно скоро. Ему нужна голова Юсуфа. Но я пойду на эту уступку, моя принцесса. Твой отец и его люди пока останутся здесь в качестве моих пленников. Но о большем меня не проси.

Зара готова была расцеловать его от радости. Пока отца держат в Эдеме, она наверняка сумеет найти способ освободить его! И это стоило потери девственности, которая кстати сказать, последнее время начинала ее тяготить. Большинство женщин в ее возрасте уже были замужем и имели детей; брачным возрастом у берберов считались тринадцать лет, а ей уже стукнуло восемнадцать.

— Хорошо, я согласна на твои условия.

— Слава Аллаху! — улыбнулся Джамал. — Во истину, принцесса, ты умеешь торговаться. Но я сделаю тебе еще одну поблажку: в моих объятиях ты можешь вести себя как угодно, не укрощая свой дикий нрав. Это даже придаст нашим... хм... отношениям некоторую пикантность.

— Я хочу видеть отца, — сказала она, не ответив на его улыбку. Заре совсем не нравилось, что шейх с такой иронией отнесся к ее решению, которое — Аллах свидетель! — далось ей совсем непросто.

— Я это устрою, не беспокойся, — уже серьезнее произнес Джамал. — Ты скоро поговоришь с отцом, но остаток дня используешь с пользой для меня — подготовишься к грядущей ночи. Хамет отведет тебя в гарем, а там тобою займется Нафиса.

Не успел шейх произнести имя Хамита, как тот появился в дверях:

— Нести ли завтрак, господин?

— Да, разумеется, но завтрак на двоих: Принцесса Зара решила оказать мне честь, разделив его со мной.

* * *

Высокий молчаливый слуга провел девушку через двор к южной стене крепости, где находилось приземистое одноэтажное строение с крохотными окошками, забранными железными прутьями. Увидев их, стоявший у дверей страж кивнул и отступил в сторону.

Зара вошла внутрь и оказалась в длинном коридоре, по обе стороны которого тянулись кладовые — клетки, переделанные в тюремные камеры. У одной из них стоял еще один страж, и девушка сразу поняла, что именно там и держат ее отца.

Кади Юсуф сидел на грязном полу, скрестив ноги и облокотившись о грубо сколоченную деревянную скамью, служившую ему постелью. Перед ним на обшарпанном низеньком столике стояла оловянная плошка с остатками еды и кувшин с водой.

— Отец! — воскликнула Зара, бросаясь к решетке.

Страж открыл дверь, и девушка проскользнула в камеру. Кади встал и раскрыл ей свои объятия.

— Прости, дочь, — невесело улыбнулся он. Все вышло не так, как мы хотели. Теперь мы оба пленники шейха Джамала. Не могу понять, кто нас предал.

— Нет, отец, предательства не было. Джамал заметил следы верблюдов, нашел остатки лагерного костра, обо всем догадался и устроил тебе ловушку.

— Я подвел тебя, Зара. Уж лучше бы меня убили. Султану не терпится отрубить мне голову, и он непременно сделает это, когда меня отправят в Мекнес.

— Тебя туда не отправят, отец, — сказала Зара, понизив голос почти до шепота. Ей не хотелось, чтобы стражники пересказали потом их разговор Джамалу во всех подробностях.

— Разве это возможно? — удивился Юсуф.

— Я уговорила шейха оставить тебя пока здесь. Это даст мне время придумать, как нам освободиться.

Юсуф нахмурил брови и пристально посмотрел на нее:

— Ты уговорила шейха Джамала?

— Я заключила с ним сделку, — поспешно сказала Зара.

— И что же ты ему предложила взамен, дитя мое?

— То, что он страстно хочет получить.

— Ты хочешь сказать, что он до сих пор не взял это и так, безо всяких сделок?

— Да, отец, именно так. Я отказала ему, и Джамал сказал, что не станет меня принуждать.

Юсуф недоуменно покачал головой:

— Не понимаю... Ведь ты же его рабыня! Он имеет полное право делать с тобой все, что захочет. Таков закон, хотя мне это и горько, поскольку речь идет о моей единственной дочери.

— Ты не знаешь Джамала, отец. Он... он не такой, как другие мужчины. Ему не доставляет удовольствия брать женщин силой.

— Ты не должна жертвовать собой ради меня, — покачал головой Юсуф. — я этого не стою.

— Не говори так, отец. Я уверена, Джамал не причинит мне вреда. Пройдет совсем немного времени, и я сумею устроить тебе побег.

— Это слишком опасно, и прежде всего — для тебя. Кроме того, разве память о суженом не гложет твое сердце?

— Ты прав, я не забыла Саида и никогда не забуду. Но я не могу допустить, чтобы тебя отправили в Мекнес, на верную смерть. Мне будет стыдно называться твоей дочерью, если я не сделаю все, что в моих силах, дабы предотвратить это!

Внезапно сзади раздались тяжелые шаги, и к камере подошел Джамал. Он сразу понял, что отец и дочь только что о чем-то спорили, но не подал виду.

— Как видишь, Зара, с кади Юсуфом все в порядке, — сказал шейх. — Его не бьют и не морят голодом. Теперь тебе пора возвращаться в гарем. Хамет проводит тебя, он ждет у дверей.

Девушке очень не хотелось уходить, но спорить она не посмела. Для того чтобы осуществить задуманное, ей придется отныне скрывать свои чувства. Джамал должен поверить, что она смирилась, иначе ничего не выйдет.

— Я приду завтра, отец, — сказала она, обняла его на прощание и пошла назад по коридору.

Джамал проводил ее взглядом, затем повернулся к Юсуфу:

— Твоя дочь сделала все, чтобы я сохранил тебе жизнь... по крайней мере, пока.

— Мне казалось, что мою судьбу должен решить султан, а не ты, — с вызовом ответил Юсуф.

— Так оно и есть, но мне было приятно исполнить просьбу Зары. Ты — мой пленник и останешься здесь, в Эдеме, до тех пор, пока султан не потребует твоей выдачи — или пока что-нибудь не изменит моего решения. Ты нужен мне в силу самых разных причин, знать о которых тебе не обязательно. Просто поверь, что это так, и успокойся. Казнь откладывается.

— Выходит, — усмехнулся Юсуф — я буду жить ровно столько, сколько моя дочь будет ублажать тебя в постели. Когда же она тебе надоест, ты отправишь меня в Мекнес. А как ты поступишь с ней, шейх Джамал?

Джамал смутился. Берберский кади был весьма недалек от истины, и это ему совсем не нравилось.

— Что успела Зара тебе рассказать?

— Что ты, по возможности, хорошо с ней общался, и что она заключила с тобой сделку. Зара — очень красивая женщина, и мало найдется мужчин, способных держать себя в руках так долго. И Я благодарен тебе за это. Но я не желаю, чтобы она жертвовала собой ради меня.

— О какой жертве ты говоришь, Юсуф? — усмехнулся шейх. — То, чем мы собираемся с ней заняться, доставит равное удовольствие нам обоим. Тебе очень повезло, кади, что у тебя такая заботливая дочь. И как бы ни сложилась твоя судьба, она не будет расплачиваться за твои грехи. Мы заключили с ней договор, а я хозяин своего слова.

— Вот именно, хозяин: захотел — дал, захотел — взял обратно, — жестко заметил кади. Ты прежде всего мужчина, который возжелал женщину, и пойдешь на все, чтобы получить ее. — Мне все это не нравится. Раз уж ты так одержим моей дочерью, возьми ее в жены.

— В жены?! — Джамал даже отшатнулся от неожиданности. — Да ты в своем уме, Юсуф? Зара моя рабыня, не более того. У меня есть три наложницы, и мне не нужна жена. Да и как я могу жениться, если большую часть времени провожу в море? Кроме того, у твоей дочери уже был любовник, а ни один мужчина не станет заводить семью с женщиной, для которой он не первый.

Обвинение было таким нелепым и наглым, что Юсуф от гнева лишился дара речи.

Когда же он справился с собой, Джамал уже ушел.

* * *

Принцесса следовала за Хаметом, гадая, о чем говорит сейчас с Джамалом ее отец. Ее мысли были полностью заняты вынашиванием планов побега, и она не сразу заметила наложниц, расположившихся во дворе у бассейна.

Лейла сидела на бортике и болтала в воде ногами. Саха лежала на животе на подушках,

лениво потягивая шербет, а Амар устроилась рядом с ней и пощипывала струны кифары. Увидев Зару, вся троица зашипела, как клубок потревоженных змей.

— Берберская ведьма вернулась, — процедила сквозь зубы Саха. — И как только Джамал может выносить эту нахальную особу?

— Не иначе как она околдовала нашего господина, — поддакнула Лейла.

— Что делает здесь эта несносная рабыня, Хамет? — капризно пискнула Амар.

— Я только выполняю приказ господина, пожал плечами тот, легонько подталкивая девушку вперед. — Я должен отвести ее к Нафисе. Сегодня вечером Зара должна явиться в опочивальню Джамала.

— Что?! — вскричала Саха, сверкнув глазами. — Да зачем ему такая костлявая уродка, когда у него есть мы? Разве может она пробудить в мужчине желание? Глядя на нее, хочется спать. Быть может, она понадобилась шейху как снотворное? Ты не ослышался, Хамет?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Со слухом у меня все в порядке, Саха. И не тебе указывать господину, кого звать к себе в постель.

— Быть не может, чтобы Джамал предпочел нам какую-то вонючую рабыню с конюшни, — сделав испуганное лицо, выпалила Лейла. — 'Здесь дело нечисто. Говорю тебе, Саха, она его околдовала!

— Я не ведьма! — возмутилась Зара. — Напрягите свои куриные мозги! Если бы я умела колдовать, то давно бы уже превратила вас в ослиц!

— Да будет тебе, — негромко сказал Хамет, снова подталкивая ее к дверям гарема. — Не обращай на них внимания. Они с ума сходят от ревности, ведь, с тех пор как ты здесь, Джамал их вообще перестал замечать. Сейчас тобой займется Нафиса, а вечером я отведу тебя в покои господина.

Они прошли под аркой во внутренний дворик. — Приведи Зару в порядок, Нафиса, — обратился он к пожилой женщине, вышедшей им навстречу. — Господин желает видеть ее сегодня в своей постели.

Морщинистое лицо Нафисы расцвело в широкой улыбке.

— Вот и твой час настал, девочка. Удивительно, что тебе так долго удавалось этого избежать. И совершенно напрасно. Джамал добр, красив и, как говорят, великолепный любовник. А сейчас к тому же у него много нерастроченных сил — он давно уже не ласкал своих наложниц. Дня два назад к нему пришла Лейла, но он выгнал ее. Все три страшно на тебя злы.

— Я ни в чем не виновата, — заявила Зара. Будь моя воля, я бы скорее легла в постель с верблюдом, чем с ним.

— Позволь тебе не поверить, — с неожиданной твердостью возразила Нафиса. — Я знаю Джамала. Он никогда не станет тащить женщину в постель против ее воли, будь она хоть рабыня, хоть дочь самого Мулая Исмаила. Терпение и умение ждать достались ему от его матери-англичанки.

Зара хотела ответить какой-нибудь резкостью, но прикусила язык. Нафиса была права, Джамал не принуждал ее. Она сама предложила ему эту сделку, более того, сказала, что будет выполнять свою часть договора охотно.

— Твоя правда, Нафиса, — со вздохом признала принцесса. — Я иду к Джамалу по своей воле, чтобы... — она поперхнулась дикими для нее словами, но все же заставила себя закончить: — Чтобы доставить ему удовольствие.

«Если бы не отец, он бы от меня этого не дождался», — добавила она про себя.

— Я сразу поняла, что ты умная девочка, — кивнула Нафиса. — Тебе очень повезло, Зара, что ты попала к Джамалу, а не к кому-нибудь другому. Пойдем со мной.

День пролетел незаметно. Девушку мыли, натирали ароматными маслами, делали ей массаж, расчесывали ее роскошные волосы, наряжали.

В заключение Нафиса велела Заре сесть на кушетку и принялась покрывать ей красным лаком ногти на руках и ногах. За этим-то занятием их и застали Саха, Лейла и Амар, изнывая от безделья и любопытства, наложницы давно уже слонялись вокруг, но войти в купальню решились только теперь.

— Фу, какая она тощая! — фыркнула Лейла. — Кожа да кости! Ах, бедняжка Джамал: он к утру будет весь в синяках!

— У нее слишком длинные ноги, — поспешила добавить Амар. — А какие здоровенные ступни!

— Могу поспорить, — вставила свое слово Саха, — у нее было столько мужчин, что ее влагалище растянулось и стало огромным, как у верблюдицы. Завтра же утром Джамал снова отправит ее на конюшню.

— Пошли прочь! — прикрикнула на них Нафиса. — И впредь держите свои дурацкие замечания при себе.

Одна за другой наложницы покинули купальню, оставив после себя душное облако враждебности.

— Они меня ненавидят, — равнодушно констатировала Зара.

Она не притворялась, ей действительно было все равно. Скоро ни ее, ни Юсуфа здесь не будет, и тогда пусть Джамал катится ко всем чертям вместе со своим гаремом.

— Ступай к себе, отдохни, — улыбнулась ей Нафиса. — Скоро Хамет придет за тобой. Я пришлю с ним ту одежду, что мы для тебя подобрали.

Зара продолжала сидеть с отсутствующим видом, лишь изредка шевеля пальцами, на которых сох лак.

— Тебя что-то тревожит, детка? — заботливо осведомилась пожилая женщина. — Не бойся Джамала, он не обидит тебя.

— Ты старше и мудрее меня, Нафиса, и я хотела посоветоваться с тобой.

— О чем? — удивилась та.

— Я... я не знаю, как вести себя сегодня ночью, не знаю, что мне следует делать. Я не знаю даже в точности, чего ждет от меня Джамал.

Нафиса изумленно уставилась на Зару. Наконец удивление на ее лице сменилось полным недоумением, и она сказала:

— Ты не знаешь, что тебе делать в постели Джамала? Объяснись, дитя, я не понимаю.

Они были одни, никто их не подслушивал, и Зара решилась говорить откровенно:

— Дело в том, что я все еще девственница. Я знаю понаслышке, чем занимаются мужчина и женщина, когда остаются одни, но как мне быть? Ведь у меня нет никакого опыта...

— Ты хочешь сказать, — не веря собственным ушам осторожно спросила Нафиса, — что никогда не позволяла мужчине... войти в твое лоно?

— Никогда.

— Джамал знает?

Зара отрицательно покачала головой.

— Нет. Он считает, что Саид был моим любовником. Саид — это друг моего детства, почти брат, а потом — жених, — пояснила она. — Его убили в тот самый день, когда я попала в плен. Я не считала нужным переубеждать Джамала, потому что думала, что... что до этого не дойдет.

— Пожалуй, стоит приготовить тебе травяной настой, — заметила Нафиса. — Хоть ты и говоришь, что идешь к шейху добровольно, мне не слишком в это верится.

— Нет, не надо никакого зелья. Просто скажи, как мне вести себя.

— Мои советы тебе ни к чему, — улыбнулась Нафиса. — Джамал весьма искушен в искусстве любви. Ему известны сотни способов возбудить женщину — а как поступить потом, тебе подскажет сама природа. Слушайся его во всем, и он подарит тебе ни с чем не сравнимое наслаждение. Не бойся собственных чувств, прислушивайся к голосу своего тела, и все будет хорошо.

* * *

Полулежа на кушетке в своей комнатке, Зара долго думала над тем, что сказала ей Нафиса. Она несколько не сомневалась в умении Джамала соблазнять женщин. Он мог искусно действовать не только руками или губами, ему был дарован другой великий талант — обольстительная речь. То, как он говорил с ней, какие слова подбирал тогда, в купальне, и совсем недавно, утром, когда она проснулась в его объятиях, будто в юной принцессе ничуть не меньше чувств, чем его прикосновения.

Однако к вполне естественному страху и робости перед первой настоящей встречей с мужчиной примешивалась и легкая досада. Зара никак не могла разобраться, откуда это взялось, пока, наконец, к собственному удивлению, не поняла: ей неприятно, что она лишь очередной персонаж в длинной череде женщин, побывавших в спальне Джамала до нее... ей неприятно, что она не единственная!

Стоит ли говорить шейху, что она все еще девственна? Этот вопрос мучил ее, жег, как каленое железо, но решение не приходило. Быть может, лучше оставить его на потом? Сама ситуация, в которой она скоро — о, слишком скоро! — окажется, должна подсказать, как ей следует поступить.

Ее мысли прервал стук в дверь, и в комнату вошел Хамет с небольшим серебряным подносом и каким-то свертком.

— Нафиса приготовила сладкое молоко с миндалем, оно поможет тебе немного успокоиться и приглушит голод до ужина. А это — твоя одежда, — добавил он, кладя на край кровати что-то шелковое, переливающееся всеми цветами радуги. — Шейх Джамал желает, чтобы ты поделила с ним его вечернюю трапезу.

Зара пригубила теплое ароматное молоко и улыбнулась от удовольствия:

— Спасибо, это очень вкусно.

Хамет подождал, пока она выпьет все до конца, затем поставил, пустую пиалу на поднос и удалился.

Девушка занялась одеждой, и с ее губ сорвался горестный стон.

— О в чем она должна была появиться сегодня вечером перед Джамалом, состояло из цельного квадратного куска разноцветного полупрозрачного шелка. Они с Нафисой отобрали совсем другие вещи, но, видимо, шейх решил по-своему. Материал был невероятно дорогим и красивым, но ей на ум поневоле пришло сравнение с упаковкой, в которую торговцы-ювелиры заворачивают драгоценности, купленные богатыми клиентами.

Зара готова была расплакаться. Сегодня вечером ее невинность подадут шейху к ужину

на сладкое! Стерпеть такое было непросто, и единственное, что удержало бедную девушку от бунта, была мысль об отце. Один неверный шаг, и она никогда больше не увидит его... «Шейх Джамал такой добрый! Ах, наш господин такой благородный! Да что ты, деточка, он ничем не обидит тебя!» Чертова Нафиса! А ведь она чуть было не поверила ей! Что ж старуха неплохо сыграла свою роль. Теперь ей, принцессе Заре, гордой дочери кади Юсуфа, предстоит сыграть свою. Она стерпит и это, но потом — берегись, шейх Джамал!

* * *

Когда Хамет вернулся за ней, девушку била нервная дрожь. Не помог и роскошный подарок Джамала, который принес ей евнух — на бархатной подушечке лежал огромный изумруд в тонкой затейливой оправе на массивной золотой цепочке. Зара механически надела его на шею и содрогнулась: холодный тяжелый камень давил на грудь, как могильная плита, а цепь напоминала о рабстве. К горлу снова подкатил комок, но, сдерживая слезы, она молча последовала за Хаметом в покои шейха.

Евнух ввел ее в опочивальню и бесшумно удалился, закрыв за собой створки массивных дверей. Девушка стояла, как деревянная статуя, стараясь смотреть куда угодно, только не на разобранную постель. В воздухе витали пряные ароматы, призванные, по арабским поверьям, будить эротические фантазии, но Зару от них только затошнило.

— Я долго ждал этого часа, принцесса, — сказал Джамал, вставая ей навстречу. Его глаза жадно скользнули по стройной девичьей фигурке, полускрытой прозрачным покрывалом. — Надела ли ты мой подарок?

Она с усилием кивнула.

Он подошел к ней и коснулся сияющего зеленого камня.

— Теперь он теплый, твоя кожа согрела его. Изумруд удивительно подходит к цвету твоих глаз. — Его взгляд снова проник под легкую ткань. — Тебе очень идет этот наряд, но вскоре я сниму его, чтобы насладиться каждой клеточкой твоего прекрасного тела.

— Я сделаю все, что ты захочешь, Джамал, — бесцветным голосом отозвалась Зара, — но если в тебе есть хоть капля жалости, пусть это произойдет как можно быстрее, чтобы я смогла вернуться к себе и... и немного отдохнуть.

— Мне странно это слышать. — Его улыбка чуть поблекла, а глаза настороженно блеснули. Понимаешь ли ты, о чем просишь? Можно подумать, что тебе неведома радость долгого обладания друг другом... Нет, моя милая принцесса, я отпущу тебя лишь на рассвете, когда последняя звезда погаснет и горизонт позолотят лучи восходящего солнца. И прежде чем закончится ночь, ты познаешь всю силу и глубину моей любви. Я открою тебе новый мир — мир истомы и чувственных наслаждений, забыть который ты уже не сможешь никогда. Не думаю, что твой берберский любовник мог подарить тебе нечто подобное.

Как и прежде, его сладкие речи заволкли сознание девушки розовым туманом, но последние слова мгновенно отрезвили ее, вернув к реальности.

— Обещай сохранить жизнь моему отцу, и я буду полностью, без остатка принадлежать тебе, мой господин, — с трудом разлепляя губы, произнесла она давно заготовленную фразу.

Какое-то мгновение Джамал удивленно смотрел на нее, а потом расхохотался:

— Так, значит, мне удалось укротить тебя, моя гордая воительница? Нет, не думаю. Я не так наивен. Я отлично понимаю, почему ты вдруг стала покорной, как овечка. Но ты нужна мне другой — дикой и страстной, как прежде, а роль несчастной жертвы, возложенной на алтарь моего сластолюбия, меня совершенно не устраивает. Иди сюда. — Он взял ее за руку и подвел к краю постели. — Сядь, и давай сначала немного поедим, я что-

то проголодался.

Больше всего на свете в тот момент Заре хотелось вцепиться ему в физиономию и содрать с нее эту мерзкую снисходительную улыбку. Джамал воистину был самым наглым, самым самовлюбленным и надменным мужчиной из всех, что ей когда-либо доводилось встречать. Девушка изо всех сил старалась сохранять спокойствие. Да, она обещала прийти к нему добровольно; но никогда не говорила, что ей это понравится!

Между тем слуги накрыли на стол и бесшумно как привидения, исчезли за дверью, оставив перед ними дымящееся блюдо «харины» — острой жидкой смеси оливок, помидоров, зелени и перца, по краям которого лежали треугольные ломти еще горячего лаваша. В качестве десерта были поданы медовые пироги и фрукты, а также неизменный мятный чай.

Зара едва прикоснулась к еде, но вскоре почувствовала, что с ней происходят странные вещи: голова начала слегка кружиться, а во всех членах появилась необъяснимая легкость. Ей уже почему-то не казалось, что она здесь только в силу заключенной сделки, ее дыхание участилось, глаза возбужденно заблестели, а руки, словно сами собой, принялись разглаживать едва заметные складки тончайшего полотна, которым была покрыта постель.

Видя, что с ней творится, Джамал нахмурился.

— Скажи, принцесса, прежде чем прийти сюда, ты пила миндальное молоко? — осторожно спросил он.

— Да, — с глупой улыбкой ответила она.

«О, какой он красивый, как играют мускулы на его сильных руках... О, как я хочу его!» В ее мозгу, сменяя друг друга, бесконечным калейдоскопом вспыхивали и гасли невообразимые сцены услад; неся сладостную дрожь и желание забыть обо всем, обо всем, обо всем...

— Тебе его приготовила Нафиса?

— М-м-м-м? — попыталась переспросить Зара, вырванная из своих сладостных видений.

— Тебе его приготовила Нафиса? — требовательно повторил Джамал, еще больше мрачняя.

— Д-да, а что? Р-разве это так важно? — беззаботно ответила Зара и залилась бессмысленным смехом. — Ну же, чего ты ждешь? Возьми меня, я вся горю!

Она откинулась на спину и, призывно улыбаясь, начала сдирать с себя шелковые одежды.

Пальцы почему-то плохо слушались ее, путались в складках, не в силах справиться со скользкой материей.

— О Аллах! — обреченно вздохнул Джамал. — Это чертово зелье.

Затуманенный разум девушки озарил последний проблеск сознания:

— Зелье? Так ты подмешал в пищу наркотик?

— Нет, — с раздражением ответил он. — Глупая Нафиса решила перестраховаться и угостила тебя своим особым напитком. Да простит ее всемогущий Аллах!

— Нафиса? О, она была так добра ко мне... Но что же ты сидишь? Иди ко мне!

— Нет, принцесса, не сейчас. Быть может, позже, когда действие проклятого зелья ослабнет...

— Иди ко мне!

Он с грустной улыбкой наклонился, чтобы по-братски поцеловать ее, но, едва их губы

встретились, она впиалась в них, как измученный жаждой путник, нашедший наконец благословенный источник живительной влаги. Руки Зары обнимали его; проникнув под халат, они блуждали по его спине и груди, а когда на их пути возникла восставшая, тугая от неудовлетворенного желания плоть, из груди девушки исторгся сладострастный стон.

— Постой, Зара... — начал было шейх, теряя над собой контроль, но было уже поздно: изогнувшись под ним, она переменила позу, и его мужское естество коснулось влаги у входа в ее девственное лоно. — Зара!

Больше он не был над собой властен.

Аллах свидетель, Джамал не хотел, чтобы это произошло так. Но он ждал слишком долго...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Джамал проснулся первым и, пока солнце золотило верхушки пальм за окном, наблюдал, как поднимается и опадает грудь мирно спящей Зары. В нем снова вскипала горячая волна желания, но теперь, когда ночной дурман остался позади, он твердо решил не поддаваться соблазну до тех пор, пока Зара сама не захочет этого, будучи в обычном состоянии и давая отчет своим поступкам.

Девушка пошевелилась, потянулась, пробормотала что-то спросонья и открыла глаза.

— С добрым утром, принцесса. Как ты себя чувствуешь?

Она попыталась приподняться, но тяжелое, словно налитое свинцом тело вновь придавило ее к постели.

— Хорошо, вот только какое-то... странное ощущение. Что со мной было? Последнее, что я помню, это... — Наконец память вернулась к ней, и она с ужасом посмотрела на Джамала. Он почему-то многозначительно улыбался, и ей захотелось ударить его. — О Аллах! Ты опоил меня!

— Нет, не я, — последовал ответ. — Если тебе так уж нужен виновный, то это Нафиса, но не суди ее слишком строго. Она не хотела причинить тебе вреда. Просто небольшая доза легкого наркотика, не более того. В следующий раз, обещаю, ничего подобного не повторится. Я хочу, чтобы ты полностью отдавала себе отчет в своих действиях и... желаниях. А удовольствие, которое ты получишь тогда, будет ничуть не меньше, чем этой ночью...

Он прижался к ней сзади и ласково обнял; его ладонь легла на ее грудь, мягким, плавным движением описала круг и скользнула вниз, на живот.

Зара плохо помнила прошлую ночь, но, когда руки Джамала вновь коснулись ее, пробудилась память тела, мгновенно воссоздавшая образ былого наслаждения и подсказавшая, что будет дальше. Но вместе с этим она как бы снова почувствовала ту пронизывающую боль первого проникновения.

— Джамал, ради Аллаха, пожалей меня! Я еще не вполне оправилась после того, что было, и мне бы хотелось...

— Аллах вряд ли поможет тебе, моя дорогая. Положись на меня, и тебе сразу станет легче. Но почему ты не предупредила меня?

— Предупредила? О чем? — непонимающе посмотрела на него Зара, все еще до конца не стряхнувшая с себя остатки сна.

— Что ты девственница!

— Так ты понял?

— Клянусь бородой пророка, ты воистину странное существо! — изумился шейх. — Разумеется, понял. Но почему ты не сказала?

— А ты бы мне поверил?

— Не знаю... Впрочем, теперь уже поздно говорить об этом, но я рад, что оказался у тебя первым. Поверь, для мужчины это очень важно.

— Для женщины тоже важно, кто лишает ее невинности, но только если это происходит наяву, а не во сне!

— Так ты ничего не помнишь? — расстроился Джамал.

О, она помнила все, но так, словно это происходило не с ней, а с кем-то другим.

Единственным острым и своим воспоминанием была пронзительная боль, вслед за которой пришло и наслаждение — неведомое прежде и сладостное, но все остальное расплывалось, как в тумане.

— Не знаю, что тебе ответить, — честно призналась она. — Мне запомнились лишь два момента — как ты вошел в меня и как я... получила то, что ты хотел мне дать.

— И тебе понравилось? — ревниво спросил Джамал.

— Да. Но если бы у тебя хватило терпения дожидаться, когда пройдет действие наркотика, думаю, это мне бы понравилось еще больше.

— Что ж, твой упрек справедлив. Я бы так и поступил, если бы ты... если бы ты так не настаивала.

— Я настаивала?! О проклятое зелье! Но все равно, это тебя не извиняет. Ты опытнее меня и мог, был сразу понять, что к чему.

— Мое единственное оправдание состоит в том, дорогая, что я очень тебя хотел, — мягко ответил он. — Но я готов искупить свою вину. Сейчас ты уже вполне отдаешь себе отчет в своих желаниях и поступках?

— Конечно! — заверила она, не понимая, куда клонит Джамал.

— Вот и отлично. Мне показалось, что ты немного устала. Позволь мне сделать тебе массаж. Ляг на живот и расслабься.

Девушка послушно приняла нужное положение.

Шейх взял небольшой серебряный кувшинчик со смесью ароматических масел и подержал его некоторое время над пламенем светильника, пока его стенки не нагрелись. Затем, плеснув немного теплого масла себе на ладонь, он принялся мягкими круговыми движениями втирать его в кожу девушки, начиная с лопаток и постепенно спускаясь ниже — к поясице, ягодицам, бедрам...

Зара зажмурилась от удовольствия: его чуткие пальцы с легким нажимом скользили по спине; каким-то непостижимым образом они находили самые болезненные места и, задерживались на них, порой причиняя боль, но боль приятную.

Ее тело просыпалось к жизни, а вместе с жизнью возвращалось и желание. Продолжая гладить и разминать ей мышцы, Джамал сел на нее верхом, и теперь она чувствовала поперек своих ягодиц ритмичное движение его вновь наполненного соками любви естества. Ее дыхание участилось, кровь побежала быстрее, и, когда он предложил ей перевернуться на спину, она подчинилась почти с радостью.

Еще через несколько минут массажа ее возбуждение достигло предела, и она начала едва слышно постанывать от каждого прикосновения Джамала к ее пылающей коже.

— Вот теперь ты снова готова принять меня, — хриловатым от желания голосом произнес Джамал. — И на этот раз между нами не стоит никакое зелье.

Ее ноги обвилились вокруг его бедер, и она порывисто вздохнула, когда шейх вошел в нее. Несущие наслаждение движения Джамала заставляли тело Зары следовать их ритму, подчиняться нарастающему напору проникшей в него плоти. Вскоре она почувствовала, что теряет над собой контроль, ее голова запрокинулась, глаза закатились, и сорвавшийся с губ протяжный стон совпал с последней, самой сладостной судорогой, сотрясшей ее тело.

Она все еще пребывала в состоянии блаженной эйфории, когда ладони Джамала вновь ласково, но требовательно легли на ее грудь. Зара больше не принадлежала себе — его настойчивость и ненасытность доводили до восторга, до исступления. Акты любви следовали один за другим, она потеряла им счет, и с каждым последующим острота

наслаждения все возрастала, хотя это и казалось уже совершенно невозможным.

Когда же, наконец, в полном изнеможении она откинулась на подушки, небо за окном уже начало темнеть. Они провели в постели весь день, не вспомнив ни о еде, ни об отдыхе.

Веки Зары вдруг, словно налившись свинцом, опустились, и она рухнула в черную бездну сна.

Силы Джамала тоже были на исходе, но нервное возбуждение, не покидавшее его вот уже несколько дней, так и не прошло. Он смотрел на обнаженную, разметавшуюся во сне принцессу и с удивлением чувствовал, что снова хочет ее. Их многократные слияния дали ему все, кроме пресыщения. Он и раньше был неутомим в любви, но не настолько, еще ни с одной женщиной не доводилось ему испытывать такого восторга плоти. Его обессиленное тело сладостно ныло, а душа пела.

* * *

На следующее утро, когда Зара проснулась, Джамал уже ушел. Щедрый поток золотых солнечных лучей падал сквозь окно на смятую постель, и воздух, все еще хранящий чувственные ароматы минувшего дня казался теперь душным.

«О Аллах! — мысленно взмолилась принцесса. — Помоги мне сохранить свою душу, ибо тело мне больше не принадлежит. В сердце же творилось такое, что она просто отказывалась прислушиваться к тому, что оно подсказывало ей.

Все мышцы нестерпимо ныли, и мысль о горячей ванне пришла сама собой. К счастью, Джамал имел свою собственную купальню — видеть сейчас его наложниц, а тем более разговаривать с ними было бы чересчур.

Вода мягко окутала ее тело, дарую блаженную расслабленность. Кто-то, должно быть, Хамет, заботливо оставил на бортике бассейна кувшинчик с жидким жасминовым мылом и большое пушистое полотенце. Зара вытянулась в теплой воде и зажмурилась, наслаждаясь теплом и покоем.

— Ты была с ним всю ночь и весь день!

Она вздрогнула от неожиданности и открыла глаза. К ней с перекошенным от ярости лицом решительным шагом направлялась Саха. На всякий случай Зара отплыла на середину бассейна и устроилась на мраморной ступеньке фонтана.

— Что ты делаешь в личной купальне Джамала? — давясь собственной злостью, выпалила Саха.

— Лучше объясни, что ты делаешь на его половине? — парировала Зара.

— В этом доме мне позволено ходить везде, где я только пожелаю. Ведь я, в отличие от тебя, не рабыня. Еще ни одна женщина не проводила столько времени в постели господина. Ты была с ним почти сутки! Как тебе это удалось? Ты что, в самом деле, околдовала его?

— Оставь меня, Саха, мне хочется побыть одной. Да и мыться я еще, между прочим, не кончила. — Зара попыталась отделаться от назойливой наложницы.

— Что-то ты чересчур вольно разговариваешь для рабыни. Не забывай, кто ты, а кто я!

— Ты полагаешь, в нашем положении есть какая-то разница? — усмехнулась Зара.

— Да как ты смеешь! Ты, рабыня...

— А ты — нет?

— Что ты хочешь этим сказать? — опешила Саха.

— Разве ты не рабыня? А также Лейла и Амар?

— Я... Мы... мы возлюбленные Джамала!

— В самом деле? — насмешливо спросила Зара. — А как вы сюда попали? По доброй

воле или за... щедрое вознаграждение?

— Это не твое дело! — вспыхнула Саха. — Ты ведь даже не знаешь, как Джамал умеет ухаживать, каким он может быть обольстительным!

— О... вот в этом я на твоём месте не была бы так уверена. Но ответь мне, Саха, на другой вопрос. Скажи по совести, разве тебе не обидно делить своего господина с ещё с двумя женщинами? Более того, раз уж Джамал был с вами так любезен и обольстителен, что же он не женился на вас? А наложница — та же рабыня, только не всегда об этом догадывается.

— Можешь умничать сколько угодно, но тебе никогда не стать даже наложницей! — взвизгнула задетая за живое Саха. — Скоро ты ему надоешь, и он снова отправит тебя на конюшню, а то и просто — продаст! Ну, что ты на это скажешь, ведьма берберская?

— Только одно, — спокойно ответила принцесса, хотя внутри у нее все клокотало от гнева: — когда ты или твои подруги были последний раз в его постели?

Саха угрожающе подняла руку, злобно оскалилась и прошипела:

— А вот этого тебе говорить не следовало. Берегись, рабыня, пути Аллаха неисповедимы, и, кто знает, не призовет ли он тебя к себе ещё до того, как ты снова окажешься в постели Джамала?

С этими словами она повернулась и быстро вышла из купальни.

Как ни убеждала себя Зара, что глупо обращать внимание на речи ревливой наложницы, этот разговор оставил в её душе неприятный осадок, и все удовольствие от купания было испорчено.

Она уже собиралась выходить из воды и потянулась за полотенцем, когда в купальню вошёл Джамал. Он приблизился к краю бассейна и улыбнулся ей:

— Я рад, что ты ещё здесь. — Он нагнулся и легко поднял её на руки. — Как ты себя чувствуешь? Устала?

— Немного, — призналась она.

— Мне было необыкновенно хорошо с тобой. И, поверь, я даже не подозревал, что ты девственница. Когда-нибудь я покажу тебе одну вещь: есть такие серебряные шарики, умело, используя которые можно достичь самого изысканного наслаждения.

По телу Зары прокатилась теплая волна просыпающегося желания, но ей снова вспомнился разговор с Сахой, и она сказала:

— Быть может, лучше, чтобы сегодня к тебе пришла одна из твоих наложниц?

— Они меня больше не интересуют, — поморщился Джамал. — Нет, Зара, я хочу, чтобы пришла именно ты. Как и в прошлый раз, за тобой зайдет Хамет... А теперь скажи, ты голодна? Сейчас принесут завтрак. Я уже поел, но с удовольствием выпью с тобой чаю.

— Мне нечего надеть, — сказала она, отводя глаза.

Ей следовало бы ненавидеть его как за то, что он сделал с ней, так и просто за то, что он враг, держащий в плену её отца, но она не могла. То наслаждение, что Джамал подарил ей вчера, было невозможно забыть. — Хамет приготовил тебе халат, ты найдешь его на моей постели.

Вытеревшись и нырнув в широкий шелковый халат, девушка позавтракала ароматной сладкой дыней, фигами в меду и пирогом с курагой и орехами. Джамал сидел рядом, не сводя с неё пылающих желанием глаз.

Насытившись, принцесса вытерла губы салфеткой и сказала:

— А сейчас мне бы хотелось повидаться с отцом.

— Пожалуйста. Я дал Хамету ключ, он проводит тебя. Мне придется уехать по делам, так что увидимся вечером, когда ты снова придешь ко мне. — Шейх ласково сжал лицо девушки в ладонях, его глаза искрились обещанием. — Я буду ждать с нетерпением. Надень ту же накидку, что и в прошлый раз. — Он наклонился и поцеловал ее в губы. — И не забудь изумруд. Мне нравится, как он сияет на твоей груди.

Зара не нашла, что ответить, и лишь потупила взор. Джамал улыбнулся ей на прощание и удалился. Его слова все еще звучали в ее ушах, когда вошел Хамет.

— Закончила ли ты завтракать? — с низким поклоном спросил он. — Если да, я прикажу слугам здесь все убрать, и мы сможем отправиться в тюрьму.

Зара поспешно вскочила:

— Я готова, Хамет.

* * *

Когда принцесса вошла в каморку, Юсуф окинул ее внимательным, испытующим взглядом, отыскивая признаки того, что, как он знал, должно было произойти этой ночью. Впрочем, лицо дочери было таким же свежим и приветливым, как и позавчера, когда она навещала его в первый раз, только под глазами залегли легкие тени усталости. Усталости или горя? Подчинилась ли она воле красавца шейха? Не обидел ли он ее?

«О Аллах! — скрипнул зубами Юсуф. — За что ты так покарал меня, отдав в руки этому человеку? Чем я провинился перед тобой? Если бы ты только знал, каково родителю чувствовать себя бессильным помочь собственному ребенку!»

— Отец! — Зара бросилась к нему в объятия.

Какое-то время они молча стояли в крохотном душном помещении, где едва можно было повернуться одному, не говоря уже о двоих.

Чем больше времени потребуется ей, чтобы подготовить побег, тем дольше будет страдать ее отец. Эта мысль жгла мозг Зары, не давая покоя, являясь даже по ночам, во сне. Но разве ее желание могло открыть двери темницы? Хватит ли ей сил и дальше делать вид, что она окончательно смирилась со своей судьбой полурабыни-полуналожницы?

— С тобой все в порядке, дочка? — заботливо спросил Юсуф. — Ты выглядишь бледной. Этот дьявол причинил тебе боль? Или ты отказалась от своих опасных планов и он оставил тебя в покое?

Зара не осмелилась взглянуть в глаза отцу.

— Нет, Джамал не обидел меня. Он... он был очень... добр, — с трудом выдавила она и поспешно продолжила: — Тебе недолго осталось ждать, скоро я полностью завоюю его доверие и тогда смогу устроить твой побег.

Красивое лицо Юсуфа напряглось, ноздри его тонкого орлиного носа раздулись от еле сдерживаемой ярости.

— Ты хорошая дочь, Зара, и я слишком люблю тебя, чтобы позволить тебе жертвовать собой ради меня. Но я бессилен тебе помешать. И если когда-нибудь Аллах дарует мне свободу, клянусь, шейха Джамала ждет страшная смерть. Я не успокоюсь, пока не отомщу за тебя!

— Забудь о Джамале, отец, — с внезапным испугом ответила Зара, — не его надо винить в случившемся. Он, в конце концов, всего лишь подданный Малая Исмаила и скоро опять отправится в море за добычей для своего господина. Султан — вот наш главный враг! И когда мы вновь обретем свободу, ни один его караван не достигнет Мекнеса! Он обрек наш народ на нищенское существование, и если уж нам до сих пор приходится платить ему

подати, то пусть они будут из его же собственных денег. А потом — да поможет нам Аллах! — мы вернем себе свои земли и вышвырнем его прочь, как собаку!

— Ты истинная берберка, — улыбнулся Юсуф. — Если бы все наши соплеменники думали так же, мы давно уже были бы свободны.

— Твое время истекло, — раздался от дверей голос Хамета. — Нам пора возвращаться. Сама мысль о том, что ее снова отведут в гарем, вызывала у Зары тошноту, кроме того, она не все еще успела сказать отцу, но Хамет был неумолим.

— Увидимся завтра, — с надеждой сказала она Юсуфу и вышла.

Евнух запер за ней дверь.

* * *

В гареме Зару с нетерпением поджидали Саха, Лейла и Амар. Слишком долгое уединение Джамала и его новой рабыни не давало им покоя, и они, объединившись перед лицом общей угрозы, жаждали увидеть ее.

Зара попыталась пройти мимо, делая вид, что не замечает их, но Лейла вдруг вполне добродушно предложила ей выпить с ними холодного шербета. Не желая казаться невежливой, Зара согласилась.

Они обменялись парой ничего не значащих фраз, после чего Амар, как бы невзначай, спросила:

— Ну, что ты теперь можешь сказать о нашем господине? Сколько раз он заставил тебя испытывать экстаз? Вообще-то Джамал не любит девственниц. Они сначала слишком долго ломаются, а потом изводят себя и других воплями по поводу утраты своей драгоценной невинности... Кстати, как ты умудрилась оставаться девственницей так долго? Ведь тебе не меньше восемнадцати?

Зару передернуло; она не ожидала, что станет пищей для досужих сплетен.

— Кто вам сказал?

— О, все тайное становится явным; — глумливо усмехнулась Саха. — Здесь, в гареме, секретов не бывает. Я даже не знаю, стоит ли тебя утешать. Жизнь жестокая штука, а для тебя, надеюсь, вдвойне. Осталось выяснить только одно: как поступит Джамал теперь, после того, как сорвал первый, самый нежный цветок наслаждения. Неужели ты полагаешь, что сумела всерьез его заинтересовать? Глупая девчонка! Наш господин больше всего ценит опыт, хотя иногда и приводит к себе в спальню невинных глупышек вроде тебя. Но их век недолог...

— Да что тут гадать? — хохотнула Амар. — Еще день-другой, а потом — невольничий рынок. Она же рабыня, не то, что мы! Скоро мы простимся с тобой, дорогая.

— О, нам будет очень жаль! Страшно жаль! — подхватила Лейла. — Без тебя, честное слово, мы умрем со скуки. Но что поделать, каждому свое. Был, правда, как рассказывают, один случай, когда рабыня...

— Заткнись! — сурово оборвала ее Нафиса, появляясь в дверях. — Попридержи свой поганый язык и не смей говорить о том, чего не знаешь! А, ты, Зара, иди со мной, — обратилась она к берберской принцессе. — Сегодня ночью тебе снова предстоит делить ложе с Джамалом, и надо хорошенько к этому подготовиться.

— Нет! — взвизгнула Саха. — Этого не может быть!

— Хамет не станет врать, — усмехнулась Нафиса. — Если не веришь мне, спроси его.

— Но она и так была с ним слишком долго! А как же мы?

— А что в этом такого? Читайте, что для вас он в море. Общайтесь и спите, как

обычно, нагуливайте жирок и не заботьтесь о дне завтрашнем. Все мы в руках Аллаха! — с напускным смирением закончила свою язвительную тираду Нафиса.

— Как ты можешь так говорить? — возмутилась Амар. — Почему ты защищаешь эту... эту уродину? Да какой мужчина посмотрит на нее дважды?

— Иногда и одного раза бывает достаточно, чтобы потом никого больше не замечать, — с внезапной грустью отозвалась Нафиса. — Я старше тебя и знаю, что говорю. Можешь не беситься, это все равно ничего не даст. Последнее слово в любом случае останется за Джамалом.

— Не понимаю, что он в ней нашел, — буркнула Лейла нарочито громко — так, чтобы слышала Зара.

— Видимо, то, чего нет в вас, — не выдержала та. — А теперь, если позволите, я, пожалуй, пойду. Мне надо отдохнуть. Вот, уже больше суток я не могла себе это позволить.

Саха лишь молча сверкнула глазами — в присутствии Нафисы, которую Джамал наделил практически неограниченной властью над ними, она не смела затевать сору.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Когда наступил вечер, Хамет снова отвел Зару в опочивальню Джамала. Все повторилось опять, с той лишь разницей, что на этот раз принцесса была более вялой и рассеянной. Она позволяла шейху делать с собой все, что он хотел, но отвечать ему с прежней пылкостью уже не могла. На то были две причины: во-первых, острота первых ощущений уже притупилась, а, во-вторых, мысли об отце, томлящемся в неволе, не выходили у Зары из головы.

Охваченный страстью и отчасти обманутый покорностью своей возлюбленной рабыни, Джамал не сразу заметил ее неестественную пассивность.

— Что с тобой? — озабоченно спросил он. — Ты нездорова?

— Нет, со мной все в порядке, — бесцветным тоном ответила она. — Извини, если я испортила тебе удовольствие.

— Разве в этом дело? — искренне обиделся Джамал. — Прошу тебя, будь со мной откровенна.

— Меня угнетает мое теперешнее положение, — честно ответила принцесса. — И даже когда тело мое отвечает на твои ласки, разум отказывается подчиняться. Должно быть, это со временем пройдет. Я ведь так неопытна.

Джамал долго молчал, а когда заговорил, голос его был тих и нежен, как бархат:

— Мне кажется, я понимаю тебя... Гордая принцесса, привыкшая считать себя равной испытанным в боях воинам вдруг становится рабыней. А тот, к кому она по воле Аллаха попала, никогда ни в чем себе не отказывал, и уж тем более — в удовольствиях. Ему все равно, что она чувствует, о чем думает или мечтает. Более того, этот распутный негодяй берет в плен ее отца, и тогда бедная девушка, переступив через свою гордость, решается на отчаянный шаг: предлагает свое тело бессовестному тирану в обмен на жизнь дорогого родителя. Я прав?

К горлу Зары подкатил комок, подбородок предательски задрожал, и она не смогла вымолвить ни слова в ответ.

— Прости, что я позволил себе немного иронии, — продолжал шейх. — Я просто хочу, чтобы ты поняла: все не так уж страшно, и я не такой уж злодей. Позволь повторить твои слова: меня угнетает мое теперешнее положение. Так вот, я докажу тебе, что мои намерения в отношении тебя вполне серьезны... Согласна ли ты стать моей женой?

— Женой?! — От неожиданности у Зары перехватило дыхание. — Нет! Ты не можешь говорить такое всерьез!

Выйти замуж за Джамала означало бы предать дело отца, отказаться от всего того, что впитано с молоком матери. Жить с таким грузом на совести она бы не смогла.

— Ты не будешь со мною счастлив. Да и зачем я тебе? Твои наложницы гораздо красивее и опытнее меня.

— Предоставь мне самому судить об этом, мягко возразил он. — Я поставил перед собой цель завоевать тебя и отступить, не намерен.

— Но, Джамал, я...

— Хорошо, давай отложим этот разговор.

Он хитро прищурился, и в глазах его блеснул озорной огонек. — Если ты не устала, я предлагаю тебе попробовать то, о чем недавно говорил — серебряные шарики. Что скажешь?

— Я не думаю, что... — начала было Зара.

— А тебе и не надо думать, — прервал ее Джамал, — просто расслабься и прислушивайся к своим ощущениям.

Он уложил Зару на спину и раздвинул ей ноги; затем взял кусок мягкой ткани, окунул его в теплую воду и стер с бедер и живота принцессы остатки своего семени, после чего склонился над ее лоном и осторожно коснулся его кончиком языка. По телу девушки пробежала волна сладостной дрожи, и она непроизвольно раздвинула ноги еще шире. Движения его языка стали чуть более настойчивыми, а когда тело Зары напряглось и изогнулось под ним в предвкушении острой, упоительной кульминации, он достал из-под подушки маленькую бархатную коробочку, вынул из нее два матово блеснувших в свете масляной лампы серебряных шарика и ввел их один за другим в лоно принцессы. С ее губ сорвался стон, в котором смешались восторг близящегося экстаза и удивление, вызванное новыми, пока еще не понятными ощущениями.

— Как ты себя чувствуешь? — с улыбкой шепнул он.

— Как будто... О Аллах!.. Как будто там у меня разгорается пламя, — пролепетала Зара.

Она чуть отстранилась, изменив положение тела, и шарики внутри ее тоже пришли в движение, соприкоснувшись, друг с другом... Разрядки такой силы она не испытывала еще никогда. Ее голова резко запрокинулась, пальцы вцепились в плечи Джамала, рот открылся, исторгая крики, слышные, должно быть, по всему дворцу, ноги беспомощно скользили по постели...

Это длилось несколько секунд, но Заре казалось, что прошло не меньше часа. В изнеможении она повернулась на бок, шарики снова сдвинулись и соприкоснулись, и на нее с пугающей силой обрушился еще один оргазм.

— Я больше не могу! — взмолилась она, испуганная и оглушенная собственными ощущениями — Я не-не выдержу!

— Выдержишь, — улыбнулся Джамал. — Расслабься и доверься своему телу. Тебе понравится, поверь. Зара металась на постели, и реальный мир вокруг нее постепенно терял свои очертания, гас, растворялся во всепожирающей волне огненного наслаждения.

— Все! Больше не надо! Прекрати! — выдохнула она, наконец, глядя на него расширенными глазами.

— Доверься мне, все будет хорошо, — с неподдельной нежностью ответил он и... резко перевернул ее на левый бок.

Все повторилось сначала, только на этот раз девушке действительно показалось, что это конец, по крайней мере, она готова была поклясться, что видела ангелов и слышала их пение. Впрочем, если смерть так сладка, то почему бы и нет?

— А вот теперь хватит, — словно сквозь сон услышала она и снова почувствовала внутри себя его пальцы, но даже не шевельнулось — сил не осталось совсем.

Джамал осторожно извлек шарики и убрал их назад в бархатную коробочку.

— Тебе понравилось?

— Это... было... божественно... — еле слышно прошелестел ее голос, который сама она слышала как бы со стороны.

— Теперь тебе надо отдохнуть, дорогая.

— Ты позволишь мне уйти к себе?

— Ну, куда ты сейчас пойдешь? — рассмеялся он. — Нет уж, спать будешь здесь.

Неожиданно для себя Зара улыбнулась ему в ответ, затем свернулась калачиком и

закрыла глаза. По телу разливалась сладостная истома, думать ни о чем не хотелось. Сон пришел сразу, подобно внезапно распахнувшейся под ногами бездне, и она медленно, как невесомое перышко, стала погружаться в него все глубже, глубже...

* * *

Утром, когда она вернулась после ванны, Джамал уже проснулся и сидел на постели.

— Я скучал по тебе.

— Разве меня не было так долго?

— Нет, но я все равно успел соскучиться. Если бы мне сегодня не надо было ехать в Мекнес, я бы не отпустил тебя до следующего утра.

— В Мекнес? — испуганно встрепенулась Зара. — Скажи, это как-то связано с моим отцом?

— Нет, дорогая, не беспокойся. Султан очень доволен тем, что его караваны наконец-то оставили в покое, и ни о чем другом пока не думает. Насколько мне известно, он даже не знает, что Юсуф мой пленник. Нет, мои дела совсем другого рода. Мне надо подготовить к плаванию свой корабль, Мулай Исмаил хочет, чтобы я снова вышел в море.

— Тебя долго не будет?

На лице Джамала заиграла довольная улыбка: — А ты будешь скучать?

Зара отвела взгляд и как-то неопределенно пожала плечами.

— К ночи я вернусь, — ответил шейх. — Хамету велено привести тебя ко мне на закате.

Мозг девушки лихорадочно работал. Пора было решаться. Или сейчас, или никогда...

— Могу я попросить тебя об одном одолжении? — с наигранной робостью спросила она.

Джамал просиял: — Проси о чем угодно! У меня сегодня замечательное настроение, и я готов исполнить любое твоё желание.

— Мне бы хотелось съездить в деревню. Здесь, в твоём дворце, очень хорошо, но... как-то скучно. Понимаешь, я не привыкла все время сидеть взаперти. Меня воспитывали, как мальчишку учили владеть оружием, ездить верхом, постоянно упражняться...

— Ну и что? — нахмурился шейх. — Разве упражнений этой ночи тебе было недостаточно? Они совсем не утомили тебя? Что ж, раз ты такая выносливая, следует подумать о том, чтобы заниматься этим не только ночью, но и днем. Что скажешь?

Зара с трудом удержалась от резкого ответа.

Неужели он может думать только о постели?

— Я имела в виду совсем другое, и ты прекрасно все понял. Тебе доставляет удовольствие дразнить меня?

— Скажи, что тебе нужно, и я привезу это из Мекнеса, — не терпящим возражений тоном заявил Джамал, решительно ставя крест на её просьбе. — Чего тебе не хватает? Шелка? Атласа? Драгоценностей? Быть может, тебе по душе рубины?

— Нет, Джамал, просто я хотела прогуляться в деревню и сама посетить базар. Если ты мне не доверяешь, пошли со мной стражников, но не отказывай в этом удовольствии!

Дело, разумеется, было в другом: чтобы освободить отца, ей потребуется помощь, а найти её Зара могла только в деревне, на рынке, куда стекается много людей, среди которых наверняка будут и её соплеменники.

Джамал не знал, как ему поступить. С тех пор как Зара смирилась со своей участью, она сильно изменилась. Казалось, мятежное пламя погасло в ней навсегда. Да, она не согласилась пока стать его женой, но и не отказалась наотрез. Шейха все еще мучили

противоречивые чувства. Столь серьезное предложение было, разумеется, слишком поспешным, и все же он в нем не раскаивался. То, что он увлечен Зарой, и увлечен всерьез, сомнений не вызывало. Но можно ли верить ей на столько, чтобы дать такую свободу?

— Ну, пожалуйста, Джамал, — капризно надула губки принцесса, ненавидя себя за лицемерие. — Ведь твои наложницы могут ходить куда им вздумается, и ты не видишь в этом ничего странного.

— Они не рабыни, — заметил шейх.

Глаза Зары вспыхнули опасным огнем. Напоминать принцессе о ее положении было, мягко говоря, опрометчиво. Она изо всех сил боролась с собой, чтобы не взорваться и не лишиться хотя бы той крохотной привилегии, которую ей удалось отвоевать, — возможности просить. Но ее терзал не только гнев. Где-то глубоко внутри ее существа тлела искорка какого-то странного, непонятного пока ей самой чувства к Джамалу. Да, она вынуждена была лечь в его постель, но, когда он ласкал ее, вводя в незнакомый ей доселе мир эротических наслаждений, ей порой казалось, что на всем свете существуют только два человека — он и она, и не хотелось думать ни и о чем другом.

Джамал выгодно отличался от других мужчин, в том числе, разумеется, и от султана. Он не был жесток и умел обращаться с женщинами. Став его рабыней, Зара не видела большой разницы между своим положением и положением наложниц, по-прежнему считавшихся свободными женщинами. Конечно, шейх увлечен ею и в момент слабости даже попросил ее стать его женой, но об этом не может быть и речи. Надо выбросить из головы и из сердца все добрые чувства к нему и сосредоточиться только на одном: как спасти отца и, по возможности, спастись самой.

Если дать сейчас волю своему воображению и позволить себе влюбиться, отцу конец. От Джамала ей нужно добиться только доверия... и больше ничего.

— Так ты откажешь мне? — упавшим голосом спросила она.

— Представь себя, нет. Ты можешь сходить на базар. Гарун даст тебе двух вооруженных стражей для... твоей безопасности. Кроме того, возьми у Хамета длинную джеллабу и не забудь хорошенько закрыть лицо.

Зара склонила голову, как бы в знак согласия с его условиями, а на самом деле, чтобы скрыть вспыхнувшую в глазах радость.

— Благодарю тебя, господин, — с чувством проговорила она. — А теперь, если не возражаешь, я хотела бы навестить своего отца.

Джамал едва заметно нахмурился. Рано или поздно султан узнает о том, что Юсуф попал в плен, и тогда его, хочет этого Зара или нет, придется отправить в Мекнес.

— Иди, — коротко ответил он. — Мне еще надо подготовиться к поездке.

* * *

Вид отца привел Зару в отчаяние. Кади Юсуф был очень бледен и казался постаревшим. Его, привыкшего к вольной жизни в горах, страшно тяготила неволя, и он совсем упал духом.

— Как ты, дочка? — участливо спросил он. Мысль о том, что она расплачивается за отсрочку его смертного приговора своим телом, причиняла ему невыносимую боль.

— Со мной все в порядке, отец, — шепнула она, опасливо оглянувшись. — Говори, пожалуйста, тише, там, за дверью, Хамет, он может услышать нас... Похоже, мне удалось завоевать доверие Джамала. Он разрешил мне сегодня сходить в деревню на базар. У меня есть план. Ты помнишь того человека, что проник как-то ночью в конюшню и предупредил меня о штурме Эдема?

— Конечно, — кивнул Юсуф. — Это Рашид, торговец верблюдами. Он шпионит для меня в деревне.

— Так вот, успех моего плана во многом будет зависеть от его желания помочь нам.

— Это слишком опасно. Стоит Джамалу узнать о твоём предательстве, и он сурово тебя накажет. Я слышал, что нрав у него бешеный. Вообще-то шейха считают человеком честным и справедливым, но он не терпит обмана. Я боюсь за тебя, дочь.

— Не волнуйся, с Джамалом я справлюсь, — ответила Зара с уверенностью, которой вовсе не чувствовала. — Как мне найти Рашид?

— Он в деревне и по базарным дням продает там беговых верблюдов. А теперь расскажи, что ты задумала.

Когда несколько минут спустя Зара покинула мрачные стены тюрьмы, она, как никогда, была исполнена решимости спасти отца.

* * *

Джамал и Гарун уже уехали в Мекнес, а два вооруженных до зубов стражника поджидали девушку у ворот, куда ее проводил Хамет. Он же вручил им тяжелый кошель с монетами, чтобы они могли заплатить за покупки принцессы.

Дорога до деревни была жаркой и пыльной, Заре она показалась восхитительной, потому что каждый шаг приближал ее к свободе.

Базар гудел, как растревоженный улей. Купцы наперебой расхваливали свой товар, покупатели отчаянно с ними торговались; повсюду сновали подносы, нищие и факиры.

Зара медленно продвигалась вперед, и жители деревни безропотно расступались перед стражами, давая ей дорогу: они давно уже привыкли видеть на базаре наложниц Джамала. Чтобы усыпить бдительность своих спутников, Зара не пропускала ни одного шатра с разложенными вокруг товарами, чтобы, поторговавшись для вида с продавцом, не купить какую-нибудь безделицу.

Наконец они подошли к огороженной площадке, где невысокий бородатый мужчина в грязно-белом тюрбане чистил красивых тонконогих верблюдов, готовя их к продаже. Это, видимо, и был Рашид.

— Я хочу поговорить с этим торговцем. Беговые верблюды — моя слабость, и мы, берберы, знаем в них толк, — сказала стражникам Зара.

Те переглянулись. Никаких особых распоряжений на этот счет они не получали и не видели ничего особенного в просьбе принцессы, но все же стражи колебались.

— Ну что вам стоит разрешить мне такую малость? — кокетливо продолжала она. — Мы же будем говорить только об этих благородных животных и больше ни о чем. Я так их люблю!

— Я лично предпочитаю лошадей, — проворчал один.

— Я тоже, — кивнул второй. — По-моему, верблюды — тупые и злобные твари. Ладно, уж иди к своему торговцу, раз уж так охота поболтать, но только недолго!

Не веря в свою удачу, Зара почти бегом приблизилась к краю площадки и окликнула бородача. Тот степенно подошел и слегка наклонил голову в знак приветствия.

— Что желает госпожа? Посмотреть моих верблюдов?

— Я — Зара, дочь кади Юсуфа, — быстро заговорила, мысленно проклиная чадру, которую ее заставил надеть Хамет. — Твое имя Рашид?

Бородач кивнул.

— Слушай внимательно, у меня мало времени, и делай вид, будто мы обсуждаем твоих

верблюдов — за мной следят.

Рашид снова кивнул и негромко спросил:

— Как дела у твоего отца? Мне очень жаль, что все так вышло. Чем я могу помочь?

— Достань мне сонного зелья. Сильного, но не смертельного. Сможешь? И если да, то как быстро?

Рашид с широкой улыбкой демонстративно похлопал по бабке ближайшего верблюда, словно расхваливая его.

— Я знаю, где раздобыть то, что тебе нужно. Дай мне час. Походи по базару, потолкайся у гадалок, но сюда больше не возвращайся. Я сам найду тебя.

Зара кивком поблагодарила его и под пристальными взглядами своих стражей пошла назад. Солдаты, похоже, ничего не заподозрили, и это было самым главным сейчас, когда она была так близка к цели.

Следуя совету Рашида, девушка еще некоторое время торговалась с купцами, выбирая совершенно ненужные ей ткани и драгоценности, затем задержалась ненадолго перед факиром с забавной обезьянкой, а потом направилась к пестрым шатрам гадалок.

Когда, по ее подсчетам, минул час, она начала беспокоиться, что бородач не смог сдержать свое обещание. Какой-то маленький оборванец, протолкавшись сквозь толпу, принялся клянчить у нее денег, а когда один из стражников замахнулся на него, вцепился в рукав ее джеллабы, словно ища защиты. Девушка инстинктивно отстранилась, и мальчишка в испуге снова смешался с толпой.

— Пора возвращаться, — буркнул второй солдат. — Хамет сказал, чтобы мы долго не задерживались.

— О, еще совсем немного! — взмолилась Зара, в панике озираясь по сторонам.

Прошло еще около получаса, но Рашид так и не появился. Тяжело вздохнув, принцесса покорно поплелась за своими конвоирами. Все ее надежды пошли прахом.

У самых ворот деревни сидел калека, судорожно прижимая к груди глиняную миску со скудным подаянием. Он совсем не был похож на наглых базарных попрошаек, и девушке стало жаль беднягу. У нее в кармане осталось несколько мелких монет, и она уже полезла за ними, когда ее рука вдруг наткнулась на какой-то крохотный узелок. «Откуда он мог взяться? — удивилась Зара, и вдруг ее осенило: — Мальчишка!» Стараясь ничем не выдать себя перед солдатами, Зара быстро бросила деньги калеке и сама не своя от радости бросилась их догонять.

* * *

— Ну как, тебе понравился деревенский базар? — спросила девушку Нафиса, когда та вернулась в гарем.

— Да, он развлек меня, — весело ответила Зара. — Я уже начала забывать, что мир не ограничивается стенами этого дворца.

— Вот и хорошо. А теперь тебе надо хорошенько отдохнуть, ты ведь, надеюсь, не забыла, что сегодня ночью Джамал снова позовет тебя.

Зара покорно кивнула в ответ и ушла к себе. Там она сняла джеллабу, вынула из кармана узелок, села на край постели и принялась изучать его содержимое. В нем оказался бурый порошок. «Интересно, — подумала она, — сколько надо подсыпать Джамалу, чтобы он крепко уснул, но не причинить ему при этом вреда?»

Внезапно дверь распахнулась, и на пороге появилась Саха. Зара быстро сунула узелок подлежащую рядом джеллабу и удивленно подняла глаза.

— Я принесла тебе холодного шербета, — сказала наложница и протянула ей высокий стакан с рубиновой жидкостью. — На базаре всегда так жарко, да и дорога туда утомительна; уж я то знаю.

Зара удивилась еще больше. В этой неожиданной доброте было что-то подозрительное. Но, может, Саха поняла, наконец, что была несправедлива к ней, и пришла предложить свою дружбу?

— Спасибо за заботу, — ответила она. — Похоже, твое мнение обо мне несколько изменилось?

— Да как сказать... — замялась Саха. — Джамал увлечен тобой, и всем нам, так или иначе, приходится с этим считаться. Наш господин добр, но вспыльчив, и мне бы не хотелось вызвать его гнев тем, что я недостаточно терпима с тобой. Но надеяться тебе особенно не на что. Настанет день, когда ты ему надоешь, и он вернется к нам. Пойми это и не расстраивайся, так было всегда.

Ее слова звучали вполне убедительно, и Зара кивнула. Ее и саму не раз тревожила мысль о том, что будет с ней, когда любвеобильный шейх пресытится и захочет разнообразия. Впрочем, теперь это уже не имело никакого значения скоро она покинет гарем навсегда. Однако, не смотря на внезапное дружелюбие Сахи, принцессе и в голову не пришло делиться с нею своими планами.

Она с благодарной улыбкой взяла стакан с ледяным напитком и уже поднесла его к губам, когда дверь настежь распахнулась, в комнату вихрем влетела Нафиса и одним ударом выбила стакан из ее рук.

Зара опешила от неожиданности, с изумлением глядя на расплывшееся по палевому ковру кроваво-красное пятно.

— Что ты наделала, Саха? — вскричала Нафиса, наступая на наложницу, испуганно забившуюся в угол. — Несчастливая! Джамал убьет тебя за это!

Когда до Зары наконец стал доходить смысл происходящего, она почувствовала, что ее сотрясает озноб.

— Умоляю тебя, не говори ничего господину! — слезно молила Саха, воздевая руки к небу. — Ведь ничего не случилось!

— Не случилось?! — задохнулась от возмущения Нафиса. — Да ведь ты пыталась отравить ее! А что, если бы я случайно не подслушала разговор Лейлы и Амар? Они ведь все знали! А если бы я опоздала? О нет, я все расскажу Джамалу!

— Так там был яд? — еле вымолвила Зара, когда к ней вернулась способность говорить. — Но почему? Я же не сделала тебе ничего плохого!

— Это верно, — разрыдалась Саха. — Но Джамал предложил тебе то, о чем каждая из нас могла только мечтать, — стать его женой!

— Откуда тебе это известно? — изумилась принцесса.

— Какая разница? Все об этом только и говорят... Здесь не бывает секретов.

— Убирайся отсюда! — крикнула Зара, чувствуя, что вот-вот расплачется. — Я не хочу видеть тебя!

— Ты скажешь Джамалу? — в ужасе пролепетала Саха.

— Я ему скажу, — пообещала Нафиса. — А теперь и, правда, убирайся. Иди к себе и жди решения господина.

Саха всхлипнула и выбежала вон.

— Что ее ждет? — негромко спросила Зара. — Это решать Джамалу. То, что она

пыталась сделать, не может остаться безнаказанным.

Девушке не было жаль Саху, но, даже если бы она и могла ее простить, помочь ей она все равно ничем не могла.

— Больше тебе нечего бояться, — уверенно сказала Нафиса. — Я прослежу, чтобы ничего подобного больше не повторилось.

* * *

Измученная обилием событий уходящего дня, Зара в изнеможении опустилась на кушетку и закрыла глаза, но сон не шел к ней. Перед ее мысленным взором вновь вставал базар, с его гомоном и яркими красками, бородатое лицо Рашида, расплывшееся в натянутой улыбке, стакан с отравленным питьем, испуганная Саха, разъяренная Нафиса... Образы, сменяя друг друга, мелькали все быстрее, превращаясь в калейдоскоп обрывков воспоминаний...

* * *

— Зара! Зара, проснись!

Чья-то сильная рука трясла ее за плечо. Она открыла глаза: перед ней стоял Джамал. Его красивое волевое лицо казалось бледным и осунувшимся. В глазах стояла тревога.

— С тобой все в порядке?

Девушка молча кивнула.

— Слава Аллаху! Нафиса выслала вестового сообщить мне о случившемся. Я и представить себе не мог, что Саха решится на такое. Отравить тебя! — Он бросился на постель рядом с ней и нежно обнял ее. — Нет, моя принцесса, отныне тебя будут постоянно охранять.

— Это ни к чему, Джамал, — испугалась Зара, поскольку забота шейха ставила под угрозу ее планы. — Все уже позади. Нафиса появилась вовремя и не дала мне выпить тот стакан с ядом.

— Нет, ты не понимаешь, — возразил Джамал, ласково глядя ее по голове. — Ведь ты могла умереть! Опоздай Нафиса хоть на минуту, и тебя бы не было! А если бы Лейла и Амар не распустили свои глупые языки? Кроме того, ты не знаешь Саху. Раз уж она решила избавиться от тебя, то рано или поздно сделает это. Он коснулся губами ее руки, встал и уже другим тоном произнес:

— Иди за мной.

Принцесса неохотно последовала за ним в главную залу, где их ждали перепуганные Саха, Лейла и Амар. Одного взгляда на каменное от гнева лицо Джамала хватило им, чтобы понять: буря неминуема, и они разразились слезами.

— Прекратите реветь! — презрительно бросил шейх. — То, что вы сделали, гнусно, и вы должны быть наказаны. А поскольку вдохновителем всего является Саха, с ней я и разберусь в первую очередь. — Он жестом приказал ей приблизиться. Ты пойдешь со мной.

Во дворе, за воротами гарема, стоял Гарун, и его взгляд, брошенный на Саху, был так выразителен, что Зара невольно потупилась. Он видел только прекрасную наложницу своего господина; он буквально пожирал ее глазами, и это была не просто похоть, а давно ждущая удовлетворения страсть.

— Что ты сделаешь со мной? — дрожащим голосом спросила Джамала Саха. — Я не вынесу наказания плетьюми, а бастонада просто убьет меня.

— Я не могу простить тебя, Саха, но и наказывать, тоже не стану. Хоть ты и заслуживаешь самой жестокой кары, я дам тебе возможность искупить свою вину.

В глазах наложницы блеснула надежда:

— Я на все согласна, мой господин...

— Можешь больше так меня не называть. Я дарю тебя Гарину, да сжалится над ним Аллах!

Гарун был потрясен щедростью Джамала., долгие годы он мечтал о Сахе, ее образ тревожил его по ночам, и вдруг... Конечно, шейх Джамал великий воин, но обращаться с женщинами он не умеет. Немного строгости, немного ласки, и эта дикая кошка будет покорна, как ягненок.

— Благодарю тебя, господин! — в низком поклоне согнулся Гарун. — Клянусь, я оправдаю твое доверие.

— Надеюсь, — усмехнулся Джамал. — А теперь уведи ее. Делай с ней что хочешь — бей, люби, привязывай к кровати, заковывай в цепи только прошу тебя, сделай так, чтобы я ее больше не видел... Да, кстати, у меня есть к тебе одна просьба. Найди среди своих солдат двух самых достойных, и они получат Лейлу и Амар.

Гарун снова склонился до земли и, приказав Сахе следовать за ним, поспешно удалился. Больше всего он боялся, что Джамал передумает.

— Как, ты отказываешься от всех своих наложниц? — удивилась Зара. — Но... почему?

Шейх наградил ее таким красноречивым взглядом, что она покраснела.

— Пойми же наконец, — проникновенно сказал он, — раз у меня есть ты, то другие женщины мне просто ни к чему!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Прошло не меньше недели, прежде чем Зара решилась испробовать добытое Рашидом снадобье. В тот вечер Джамал был особенно настойчив и нетерпелив. Когда он после непродолжительного отдыха в третий раз принялся ласкать ее, Принцесса мягко отстранилась и сказала:

— Тебе не кажется, что здесь слишком жарко? Пусть нам принесут что-нибудь попить.

— Да, конечно, — спохватился шейх, — я и сам бы мог догадаться... Эй, Хамет!

В то же мгновение евнух с низким поклоном появился в дверях опочивальни:

— Господин звал меня?

— Принеси нам чего-нибудь холодненького, да поживее. Мы просто умираем от жажды.

— Постой, Хамет! — воскликнула Зара и, обращаясь уже к Джамалу, добавила: — Тебе не кажется, что горячие напитки лучше утоляют жажду? Скажем, хорошо заваренный мятный чай?

— Конечно, дорогая, — улыбнулся шейх. Твое желание будет немедленно выполнено. Ты слышал, Хамет?

— Да, господин, — снова поклонился тот.

Через несколько минут слуга внес поднос с дымящимся чайником и двумя пиалами.

— Я сама хочу разлить чай, — быстро спрыгивая с кровати, заявила Зара. — У моего народа есть поверье, что, если это сделает женщина, у него будет совершенно особый вкус.

— Вот и отлично, — сказал Джамал, тоже вставая. — Я покину тебя ненадолго, а когда вернусь, мы продолжим, — добавил он, вкладывая в слово особый смысл.

Шейх и не подозревал, что свою последнюю фразу Зара тоже произнесла не просто так.

Когда он вышел, она быстро достала давно уже спрятанный под ковром узелок Рашида, развязала его, всыпала щедрую щепотку бурого порошка в пиалу Джамала и залила ее сверху чаем. Порошок мгновенно растворился, не изменив ни цвета, ни аромата напитка.

Вернувшись, Джамал с улыбкой обнял Зару, сел на постель, пригубил свой чай и недовольно, скривился.

— Тебе не кажется, что он почему-то горчит? — спросил он.

— Нет, — поспешно заверила принцесса, — Я не заметила.

— Наверное, мне показалось, — сказал Джамал и в два глотка осушил пиалу. — Нет, все-таки чай какой-то странный...

Через минуту он уже крепко спал.

Выждав некоторое время, Зара осторожно встала с постели, подошла к ларцу, где хранились ключи от темницы ее отца, подняла крышку, взяла их, а взамен положила подаренный ей шейхом изумруд. Затем, неслышно ступая, она прокралась мимо спящего за дверью Хамета и вскоре оказалась в своей комнатке. Там девушка торопливо накинула поверх своего полупрозрачного одеяния длинную черную джеллабу и выскользнула во двор.

Природа благоприятствовала ее замыслам. Ночное небо было затянуто облаками, сквозь которые почти не проникал лунный свет, и все вокруг выглядело как-то не реально, словно плохо прорисованные декорации сказочного замка.

Во дворе Зара прильнула к стене и, пользуясь ее густой тенью, осторожно пошла вперед, к приземистому зданию хранилища, казавшемуся сейчас особенно мрачным и зловещим.

Несколько раз, услышав шаги ночной стражи, она замирала, и ее бедное сердечко

падало:

Если часовой поднимет тревогу, все пропало — ей грозит невольничий рынок, а отцу — суд султана.

Наконец, благополучно миновав все посты, девушка добралась до дверей темницы и, бесшумно отомкнув их, проникла внутрь.

— Отец! — негромко позвала она, и в ответ сразу раздался шорох соломы.

— Я здесь, Зара, — донесся приглушенный ответ, — но в этой темноте невозможно ничего разглядеть.

— Старайся не шуметь, сейчас я выпущу тебя.

— Как тебе удалось добыть ключи?

— Очень просто, — мрачно усмехнулась принцесса. — Я усыпила Джамала и украла их. Но давай поговорим об этом после. Нам надо спешить, постовой только что прошел мимо, и у нас всего несколько минут до его возвращения.

Она на ощупь нашла дверь камеры, щелкнул замок, и они крепко обнялись.

— Пойдем, отец, — поторопила его Зара. — у нас мало времени.

— А как же остальные?

О Аллах, она совсем забыла о них!

— Это слишком опасно! — Зара готова была кричать от отчаяния. — Мы не можем так рисковать!

— Я привел этих людей сюда и без них не уйду, — возразил Юсуф. — Где их содержат? — Здесь, в этой же темнице, только с другой стороны, но...

— Что «но»? У тебя нет ключа?

Как же ей хотелось солгать!

— Ключ не нужен, — упавшим голосом ответила она. — Дверь заперта на наружный засов... Но это безумие, отец!

— Веди меня туда и ничего не бойся, — отрезал Юсуф. — Это мои лучшие лазутчики, они умеют передвигаться совершенно бесшумно, ну а если уж нас заметят, то и отбиваться сподручней всемером, чем вдвоем!

Кади оказался прав: едва они сняли засов, пять теней выскользнули из тюремных дверей молча и так согласованно, словно знали заранее, что их освободят именно в этот день и час.

Зара покачала головой в немом восхищении.

— Пусть они идут к задним воротам, — сказала она. — А мы с тобой последуем за ними.

Слава Аллаху, берберов не заставили сменить платье, и их синие одежды, казавшиеся теперь, среди ночи, черными, помогали им слиться с ночным мраком. Вскоре выяснилось, что им невероятно повезло: у них только отобрали оружие, но обыскивать не стали, и двоим удалось сохранить под своими джеллабами мотки веревок.

Прячась за стволами могучих фиговых деревьев, беглецы выждали, когда мимо пройдет стража, и бесшумно двинулись дальше. Задние ворота были, разумеется, заперты, но, по счастью, не охранялись. Составить живую пирамиду, перебросить веревки через стены и закрепить их было делом одной минуты.

— Хватайся за веревку, — шепнул Заре Юсуф, — я тебя подсажу.

Через мгновение оба они уже были по ту сторону стены. Теперь предстояло, пожалуй, самое трудное: пешком добраться до Гор, причем как можно быстрее, ведь если их побег скоро обнаружат, то непременно вышлют погоню.

И тут снова судьба пришла им на помощь. На краю ближайшей оливковой рощи возникло какое-то едва заметное движение. Берберы насторожились и уже готовы были к отчаянному броску вперед, навстречу неведомой опасности, когда из рощи в полосу лунного света выступила темная коренастая фигура и сделала традиционный приветственный жест.

Зара сразу же узнала этого человека и чуть не закричала от радости.

— Рашид, это ты? — бросилась она к нему.

Тот с улыбкой поклонился:

— Да, госпожа.

— Но откуда ты взялся? Как... как ты узнал?

— О, это было нетрудно. Когда ты попросила меня достать сонное зелье, я сразу понял, что настроена ты решительно. А раз так, подумал я, то тебе с отцом наверняка потребуются помощь. Возможности снова найти меня у тебя, скорее всего, не будет, а значит, придется думать самому. Я немного знаю Эдем. Бежать можно только ночью, это ясно. Попытаться штурмовать стену со стороны главных ворот не придет в голову и безумцу, следовательно, остаются только задние ворота. Я, конечно, не знал, когда именно вы решитесь на побег, но не сомневался, что ждать не придется. Так оно и случилось. Я с моими верблюдами караулю здесь всего третью ночь...

— Ты привел верблюдов?! — подойдя к ним, воскликнул Юсуф.

— Ну а как же! Чем еще я смог бы помочь вам? Они здесь, в роще...

— Слава Аллаху! — В глазах Зары стояли слезы благодарности. — Спасибо тебе, Рашид. Я... я не знаю, как отплатить тебе...

— Да, друг мой, — с чувством подхватил Юсуф. — Мы в долгу перед тобой. Первый же караван, который мы захватим, будет целиком твоим.

— Это слишком щедрое вознаграждение, господин, — с улыбкой покачал головой Рашид. Но я был бы недостоин называться бербером, если бы согласился взять деньги за то, что считаю своим долгом. Кроме того, твоя дочь — отважная девушка, и ей, а не мне ты обязан своим спасением. А теперь поторопитесь, и да поможет вам Аллах!

Беглецы сели в седла, и вскоре Эдем остался далеко позади.

* * *

Джамал никак не мог выбраться из тяжелого, вязкого сна. Сознание мучительно медленно возвращалось к нему, но тело продолжало оставаться будто чужим, не подчиняясь своему хозяину. Что-то было явно не так... С огромным трудом он заставил себя открыть глаза. Комната, утратив свои привычные очертания, расплывалась вокруг него, а звуки доносились словно сквозь толстое ватное одеяло. Он не сразу почувствовал, а почувствовав осознал, что его трясет за плечо чья-то рука, и смутно знакомый голос настойчиво повторяет:

— Очнись, господин! О Аллах! Что с тобой, господин? Пожалуйста, очнись, приди в себя!

Зачем он им понадобился? Почему они не могут оставить его в покое? По какому праву его так нахально будят? Шейх грозно сдвинул брови и постарался сосредоточиться на нависшем над ним бледном пятне — лице своего мучителя. Оно постепенно обретало четкость, и наконец Джамал узнал его.

— Хамет? Почему ты здесь? Тебя давно не наказывали?

Но что случилось с его голосом? Он походил больше на невнятное хриплое блеяние!

— Слава Аллаху! — с облегчением вздохнул Хамет. — Постарайся встать, мой

господин. Боюсь, тебе совсем не понравится то, что я должен сказать.

— Воды, — потребовал Джамал, с трудом приподнимаясь на локте.

Хамет помог ему сесть и поднес к его губам кубок с водой.

— Что случилось? Я заболел?

— Я уже послал за твоим врачом, он будет с минуты на минуту. А пока выслушай меня, я принес тебе плохие вести.

— Плохие?.. Почему плохие? — тупо осведомился шейх. Слова Хамета, вроде бы понятные каждое в отдельности, никак не складывались воедино.

Прежде чем евнух успел ответить, дверь отворилась, и в спальню вошел приземистый бородатый человек в длинных черных одеждах с большим капюшоном.

— Я все объясню позже, — сказал Хамет и уступил место у постели шейха этому человеку. Давид Бен-Израэль был личным врачом Джамала с самого его рождения. Теперь он редко появлялся в Эдеме, поскольку молодой шейх не жаловался на здоровье.

— Ты чувствуешь себя больным, мой господин? — спросил он, опытной рукой раздвигая веки Джамала, чтобы изучить зрачки.

— Я никогда не болею, — с трудом ответил тот.

— Покажи язык.

Шейх послушно открыл рот, но почти сразу же захлопнул его: Давид почему-то усмехнулся и покачал головой.

— Каково твое последнее воспоминание? — спросил врач, теребя бороду и покачиваясь на каблуках.

Джамал закрыл глаза, попытался восстановить в памяти события прошлого вечера и улыбнулся. Зара... Да, конечно, к нему пришла Зара... Внезапно его безмятежную улыбку сменила тревога. Что с ней? Где она? Вернулась в гарем?

— Ну? — нетерпеливо произнес Давид.

Судя по выражению лица, ты что-то вспомнил.

— Да. Я был с Зарой. Мы занимались любовью, а потом... потом все померкло.

— Ты что-нибудь ел или пил?

— Нет... То есть да. Я выпил пиалу мятного чая.

— А она пила то же, что и ты?

— Разумеется!

— Это ваши пиалы? — сухо спросил Бен-Израэль, показывая на столик.

— О Аллах, чьи же еще?

— Какая из них твоя?

— Та, что стоит ближе ко мне. — Внезапно он понял, к чему ведет врач. — Ты полагаешь, меня отравили?

— О нет, — ответил Давид, задумчиво обнюхивая край пиалы. — Яда здесь не было. — Он внимательно осмотрел осадок, окунул в него палец и лизнул его. — Конечно, мне надо все еще раз проверить, но могу сказать почти наверняка: тебе дали сонное зелье, мой господин.

— Что? Но кто мог это сделать? Да и зачем?

— Откуда мне знать, господин? Зелье было выбрано очень толково: оно наверняка не смертельно. Однако на всякий случай я сделаю тебе промывание желудка, чтобы удалить оттуда остатки этой гадости. Но можешь быть уверен: самое неприятное уже позади.

От этих слов сонный дурман в голове Джамала окончательно рассеялся, он вновь обрел

способность четко соображать, и первой его мыслью было, как Зара? Ее тоже опоили? Она до сих пор спит? Здорова ли она, не повредило ли ей проклятое зелье больше, чем ему?

И тут он вспомнил, что Хамет, когда будил его, толковал о каких-то плохих новостях... От дурного предчувствия у шейха заныло сердце.

— Хамет! — крикнул он, и евнух мгновенно оказался рядом.

— Я здесь, мой господин.

— Мой врач считает, что мне дали наркотик, сонное зелье. Тебе известно что-нибудь на этот счет?

— Прости меня, господин! Я подвел тебя. Из-за моего недосмотра...

— Прекрати это нытье! — рявкнул Джамал. Я ни в чем не виню тебя и не собираюсь наказывать. Ты видел сегодня Зару? Я пошлю к ней Давида. Она ведь пила тот же отравленный чай, что и я, и ей, наверное, сейчас, очень плохо.

— Зары нет в гареме, — едва слышно произнес Хамет. Зная необузданный нрав своего господина, он не решался сразу выложить всю правду о предательстве его возлюбленной рабыни.

Сегодня рано утром ко мне приходила Нафиса, она искала Зару и решила, что девушка все еще с тобой. Но и, в твоей постели ее не оказалось. Я точно знаю, что в дверь она не выходила, иначе она непременно разбудила бы меня. Должно быть, она ушла через двор.

— А, значит, она в купальне! — облегченно вздохнул шейх.

— Увы, нет, мой господин, — покачал головой евнух.

— Ты проверил все комнаты?

— Мы обыскали весь дворец, господин.

— А двор? Беседки? Сад, наконец?

— Зара исчезла, господин. Так же, как и ее отец вместе со всеми берберскими пленными.

Если бы в это мгновение разверзлось небо и труба ангела позвала всех на Страшный суд кияму, то и тогда Джамал вряд ли был бы поражен больше. Когда же оцепенение прошло, он встал, приблизился к ларцу в углу спальни, где хранились ключи от тюрьмы, и открыл его. На алой подушечке сиял огромный изумруд — тот самый, что он подарил Заре.

Она предала его.

Эта мысль пронзила его мозг раскаленной иглой. Та кого он так любил, кому так верил, гнусно его предала. Увлеченность ею переросла в настоящую одержимость и ослепила его. Сентиментальный дурак! Влюбленный идиот!

— Приготовьте мне ванну, я хочу смыть с себя запах этой маленькой дряни! — прорычал Джамал. — И пошлите за Гаруном, он мне понадобится потом.

Хамет бросился исполнять приказ.

— Что ж, господин, я покидаю тебя, — вздохнул Давид. — Моя наука здесь больше не нужна. Действие зелья прошло окончательно, и ты снова здоров. — Он поклонился и вышел, оставив шейха наедине с его болью и яростью.

Час спустя Джамал и Гарун снова, для очистки совести, прочесали весь дворец и сад, но берберы бесследно исчезли. Мало что дал и допрос стражи; несшей ночью караул. Насмерть перепуганные солдаты ничего не видели и не слышали. Охрана у главных ворот твердо заявила, что никого не впускала и не выпускала. Оставались только задние ворота. Они, конечно, были надежно заперты, но стена в этом месте была немного ниже, и несколько здоровых мужчин вполне могли перебраться через нее, а также помочь перелезть кади и его

дочери.

Принесли ключ, Джамал открыл ворота, и они с Гаруном продолжили свои поиски.

— Верблюжьи следы! — вскоре крикнул Гарун, въехавший в оливковую рощу. — Наши люди ездят только на лошадях, а караваны никогда не подходят так близко к стенам Эдема. Это тщательно продуманный и хорошо осуществленный побег, господин.

— Верно, — мрачно кивнул Джамал. — Не будь я так увлечен этой берберской змеей, я, конечно же, принял бы меры предосторожности... Впрочем, что теперь об этом говорить! Никогда больше, друг мой, ни одной женщине не сделать из меня такого болвана. А когда я найду Зару, она горько пожалеет о том, как поступила со мной.

— Ты хочешь отправиться в погоню? — деловито осведомился Гарун, недоумевая в глубине души по поводу столь сильной привязанности своего господина и друга к какой-то рабыне.

— Да, и меня ничто не остановит. Я ее хоть из-под земли достану... пусть даже затем, чтобы продать на невольничьем рынке. Страшнее наказания для такой гордячки и не придумать.

— Погоня будет долгой, господин. Я скажу людям, чтобы брали побольше провизии. Синие Люди умеют быстро передвигаться. Юсуф наверняка уже покинул горную крепость, и его соплеменники свернули свои черные шатры.

— Мы найдем их, Гарун. Обязательно найдем.

Я многое могу простить, но только не измену.

— Когда выступаем, господин? — Через три дня, нам надо основательно подготовиться. Кроме того, мне еще предстоит крайне неприятный визит в Мекнес.

— Ты хочешь рассказать обо всем султану? — охнул Гарун.

— Хочу? Разумеется, нет! Но я должен. Мулай Исмаил и так слишком долго пребывал в неведении. Я не сообщал ему о пленении Юсуфа ради Зары, но теперь у меня больше нет ни оснований, ни оправданий, чтобы молчать.

— Владыка будет разгневан.

— И еще как! — тяжело вздохнул Джамал. — Но я постараюсь умаслить его обещаниями добыть в море побольше золота. Он и сам уже не раз намекал, что я засиделся на берегу.

Давай, Гарун, отправляйся назад и начинай подготовку. Отбери самых лучших людей и лошадей, распорядись о фураже и провианте, займись оружием, свяжись с моими шпионами... впрочем, ты и сам знаешь, что делать.

Джамал вернулся в свои покоя в самом мрачном настроении. Он накричал на слуг, убиравших комнаты, и, когда те в страхе разбежались, принялся ходить из угла в угол, как загнанный зверь. Здесь все напоминало ему о Заре. В спальне все еще витал дурманящий запах жасмина он сам выбрал этот аромат, заказав придворным парфюмерам особые, предназначенные только для нее духи...

Как он мог быть таким слепцом? Как мог допустить, чтобы эта хитрая лиса так быстро втерлась к нему в доверие и одурачила его? Но самой горькой мыслью была другая: он ничего не значил для прекрасной принцессы, она с самого начала холодно, расчетливо использовала его, как пешку в своей игре. А он был слишком ослеплен ее красотой, чтобы видеть это.

«Я непременно найду ее, — поклялся себе Джамал. — Найду и верну в Эдем. Она снова станет моей рабыней, но на этот раз ей уже не удастся играть на моих чувствах. Такой обман

нельзя простить. Я готов был жениться на ней, бросить весь мир к ее ногам, а она жестоко посмеялась надо мной. Что ж, теперь пусть пеняет на себя!»

* * *

Возвращение Зары, Юсуфа и его воинов вызвало в берберской деревне настоящее ликование. Соплеменники хотели устроить грандиозное празднование, но кади объяснил, что с этим придется подождать: надо было спешно сворачивать лагерь и уходить далеко в горы.

Весь следующий день мужчины, женщины и дети, не покладая рук, собирали и паковали вещи, снимали шатры, запасались провизией и грузили свой скарб на спины выючных верблюдов. От гнева султана и от солдат шейха Джамала их не могла спасти ни одна крепость — только родные горы.

Зара ехала рядом с отцом во главе передового отряда, за которым длинной цепью растянулся обоз. Ветер свободы приятно обдувал ей лицо, солнце ласково щекотало кожу, сама природа, казалось, радовалась ее возвращению... Но на сердце у девушки было беспокойно.

Джамал... Он открыл ей мир наслаждений, о существовании которого она раньше могла только догадываться. Он был добр, нежен и терпелив, всякий раз сначала доставляя удовольствие ей и лишь потом получая его сам.

Он хотел жениться на ней, а она предала его. Но — Аллах свидетель! — как она, берберская Принцесса, могла стать женой врага своего народа? И все же какая-то тяжесть, подозрительно похожая на горечь утраты, омрачала радость вновь обретенной свободы. Ей очень хотелось бы ненавидеть гордого арабского шейха, но она не могла... Не могла!

Так что же с ней такое? Неужели... неужели она полюбила?

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Зара медленно шла к шатру своего отца. Ее плечи ссутулились, глаза покраснели от бессонницы, и под ними залегли темные тени. Мысль о том, что она сделала, не давала ей покоя ни днем, ни ночью. «Ты поступила правильно», — говорил разум. «Ты предала его», — возражало сердце. Да, она плохо поступила с Джамалом, но разве у нее был выбор? Отца ждала неминуемая смерть, рабство тяготило душу, а растущее влечение к мужчине, которого по всем законам божеским и человеческим она должна была бы ненавидеть, просто пугало.

С тех пор как они с отцом бежали из Эдема и спрятались в горах, прошло чуть больше недели, и все это время она чувствовала себя чужой среди своего народа. Все знали, что за жизнь и свободу Юсуфа принцессе пришлось расплачиваться своим телом. Хотя о ее жертве открыто и не говорили, Зара видела, что ее жалеют, и это было ей неприятно.

Она вздохнула и откинула полог шатра. Отец с улыбкой открыл ей объятия.

— Я рад, что ты пришла, дитя мое. Ты видела, недавно в наш лагерь приехал Мухаммед.

Зара кивнула. Его появление и привело ее сюда: Мухаммед был шпионом кади в Мекнесе.

— Прошел слух, что караван, самый богатый за последние годы, направляется в Мекнес из Марракеша, — продолжал Юсуф. — Он везет золота и серебра — дань южных земель казне султана.

Зара сразу же оживилась:

— Ты собираешься напасть на него, отец?

Это было именно то, что ей надо. Нападение на караван позволило бы ей прогнать тяжелые мысли и вспомнить о былых временах.

— Да, дачка, как только мы выясним; где он сейчас находится. Говорят, караван вышел из Марракеша два дня назад. Завтра на рассвете я выеду на разведку.

— Я с тобой! — решительно заявила Зара, желая лишь одного — отвлечься от гложущей душу тоски.

— В другой раз, дочка, — мягко возразил ей Юсуф. — я уже набрал отряд. Там самые надежные люди, так что можешь не волноваться. Мне будет спокойней, если ты останешься здесь и в мое отсутствие возглавишь нашу армию. Ведь если понадобится помощь, я должен быть уверен, что она придет.

Слова отца были разумны, и Заре осталось только согласиться.

— Можешь рассчитывать на меня, отец, я тебя не подведу. Но неужели это так опасно?

— Конечно, опасно, дитя мое, — со значением ответил кади. — Однако, ты меня не поняла. Помощь, о которой я говорил, может понадобиться не мне, а тебе. Шейх Джамал настоящий мужчина и никогда не простит нанесенного ему оскорбления. Боюсь, он не успокоится, пока не найдет тебя, и мне остается только молить Аллаха, что бы этого не случилось. Иначе его месть будет беспощадной.

— Но мы же уходим все дальше в горы, отец! — удивилась Зара. — Он не решится следовать за нами. Мне кажется, ты преувеличиваешь опасность.

В черных глазах Юсуфа вспыхнула и тут же погасла странная искорка, словно то, о чем он говорит, происходило когда-то с ним самим.

— Ни для кого не секрет, что Джамал хочет тебя, Зара. Вряд ли я совру, если скажу, что

он относился к тебе не так, как к другим. Разогнать весь свой гарем из-за одной женщины... ну, знаешь ли, это поступок. Уж можешь мне поверить! А твоего предательства он не простит никогда. Не обольщайся, рано или поздно нас все равно выследят. Пока мы не трогали караваны султана нам еще было на что надеяться, но скоро ад развернется.

— Как долго тебя не будет, отец?

— Не знаю, дочка. Неделю, может, чуть больше. Сначала надо найти караван, лишь тогда мы сможем решить, где и когда атаковать, ведь пока даже неизвестно, насколько хорошо он охраняется.

— Будут ли для меня какие-нибудь особые указания?

— Нет, дорогая, я полностью на тебя полагаюсь. У меня нет ни малейших сомнений, что ты справишься, иначе я не заводил бы весь этот разговор.

— Спасибо за доверие, отец, — довольно сухо сказала Зара и повернулась, чтобы уйти, но он удержал ее за руку.

— Послушай, дочь, давай говорить начистоту. Я же вижу, что ты несчастна. Это из-за Джамала? Чтобы спасти меня, тебе пришлось пойти на страшную жертву. Если хочешь, я найду и убью его.

— Нет! — в испуге вскричала Зара. «Это не было жертвой», — хотела добавить она, но не посмела. — Джамал не причинил мне вреда. Он был добр и терпелив!

— Добр и терпелив?! Ты рассуждаешь, как рабыня! Ты, принцесса Зара, дочь гордого, свободолюбивого народа, довольна тем, что наш враг был добр и терпелив с тобой? В чем же заключалась его доброта? В том, что он не убил тебя сразу, а медленно умерщвлял твою душу? А терпение? В том, что не изнасиловал тебя прямо там, на месте гибели Саида, а постепенно и расчетливо развращал, создавая идеальную наложницу, которой можно было бы хвастаться потом в кругу себе подобных?

Юсуф уже почти кричал, когда, опомнившись, взял себя в руки.

— Прости, дорогая, я просто не могу слышать подобное из твоих уст. Если бы ты знала, каково мне было томиться в хлеву, именуемом твоим драгоценным шейхом тюрьмой, сознавая, что ты делаешь ради меня, и не имея возможности помочь тебе! Ведь в итоге не я освободил тебя из плена, а ты меня... Но ничего, настанет день, и мы встретимся с Джамалом лицом к лицу. Боюсь, правда, исход этой встречи тебе не понравится. — Он крепко обнял ее и погладил по голове. — Скажи, дитя мое, чем это похотливое животное так пленило тебя? Как враг, повинный в смерти твоего суженого, мог быть добр и терпелив? Объясни мне, я не понимаю!

— Ты ошибаешься, отец, мне совершенно безразличен шейх Джамал, — солгала Зара. — Мне неприятно лишь то, что пришлось пойти на обман.

— Пусть тебя это не тревожит, — ответил кади, не зная, верить ей или нет. — Считай, что видела страшный сон, но, слава Аллаху, проснулась. Завтра на рассвете я уезжаю, и, надеюсь, новые заботы отвлекут твои мысли от Джамала.

* * *

Вот уже несколько дней отряд Джамала прочесывал Рифские горы, но не нашел даже следов Юсуфа и его людей.

— Это безнадежное занятие, господин, — ус тало вздохнул Гарун, останавливая коня. — Мы слишком плохо знаем эти горы, а мест, где можно надежно укрыться, здесь наверняка не счесть. Берберов нам не найти.

— Я все равно разыщу Юсуфа, — с мрачной решимостью заявил Джамал. — Мулай

Исмаил требует его голову, и, клянусь бородой пророка, он ее получит.

— В Юсуфе ли дело? — усмехнулся Гарун. По-моему, его дочь нужна тебе куда больше.

— Зара сыграла со мной злую шутку. Я впустил ее в свое сердце, а она обманула меня. Да, ты прав, мне хотелось бы поймать ее, но лишь затем, чтобы наказать. Прощать оскорбление не в моих правилах, тем более, если оно нанесено женщиной.

Гарун вспомнил, что шейх обещал отправить принцессу на невольничий рынок, и не сдержал злорадной усмешки. Она воистину это заслужила!

— Тебе здорово повезло, что султан не казнил тебя, узнав о побеге берберов из Эдема. Ума не приложу, чем ты его задобрил?

— Вместо своей обычной доли он получит всю добычу от моего ближайшего рейда.

— Ого! — воскликнул изумленный Гарун. Недешево же тебе обошлась эта берберская ведьма! И когда мы отплываем?

— Скоро. Как только изловим Юсуфа и его подлую дочь.

Гарун ничего не ответил на это своему господину, но про себя подумал, что, видимо, их поход затянется. Ему не терпелось вернуться в Эдем, к Саха, которая после двух-трех порок сразу поняла, что простой солдат не станет нянчиться с ее капризами, и превратилась в кроткую наложницу.

— Уже темнеет, — спустя минуту заметил он. Не пора ли разбить лагерь?

— Да, конечно, — рассеянно ответил Джамал. — Займись этим, а я проеду немного вперед. Юсуф где-то здесь, неподалеку, я это чувствую.

* * *

Прошло уже два дня с момента отъезда кади Юсуфа. Дел у Зары было много, она очень уставала, но спала по-прежнему плохо, и эта ночь не стала исключением. Она проснулась еще до рассвета от какого-то странного шороха за стенкой шатра и прислушалась. Звук не повторился, и берберская принцесса успокоилась. Ночь выдалось безлунная, снаружи царила непроглядная тьма. Зара плотнее завернулась в толстое меховое одеяло и вскоре заснула.

* * *

Джамал наткнулся на берберский лагерь еще засветло, но они с Гаруном решили не торопиться с атакой. Сначала надо было выяснить, сколько там воинов, где стоит шатер кади, где размещены дозоры и охрана.

Прошло несколько часов. Подобно призракам, явившимся из темноты, люди Джамала сняли часовых, окружили шатры и бесшумно проникли во все, кроме одного. Шейх ждал доклада Гаруна.

— Все в порядке, — наконец сообщил тот, лагерь у нас в руках. Один из часовых решил, что жизнь не такая уж плохая штука, и разговорился. Юсуф куда-то уехал, вместе с ним и добрая половина мужчин. В основном здесь остались женщины и дети.

— С ними я не воюю, — отрезал Джамал, разъяренный тем, что Юсуф снова ускользнул от него. — Соберите их вместе в одном шатре и охраняйте. Потом я решу, что с ними делать, но прежде хочу закончить свои дела с Зарой. Проследи, чтобы мне не мешали.

Зара снова проснулась. Над лагерем нависла глухая, гнетущая тишина, в которой ощущалось что-то неестественное. Она хотела встать, но чья-то сильная рука толкнула ее назад, на выстланный шкурами пол. Зара в испуге подняла голову и смутно различила темный силуэт.

— Кто ты? — в панике вскричала она. — Что тебе надо?

В это мгновение вспыхнул факел, выхватив из темноты лицо незваного гостя, и Зара в

ужасе отшатнулась.

— О, моя маленькая принцесса узнала меня, — раздался знакомый голос. — Да, это и в самом деле я, явился к тебе из твоих ночных кошмаров.

— Джамал! Да поможет мне Аллах! Как тебе удалось.

— Можешь призывать Всевышнего сколько угодно, но на помощь его не рассчитывай.

Пришел час расплаты.

— Мне достаточно только крикнуть, и сюда сбегутся мои воины, — пригрозила Зара, немного оправившись от испуга.

— Твои воины? — издевательски рассмеялся Джамал. — Они слишком крепко спали. Теперь остались только мои воины.

— Но часовые...

— О них позаботились в первую очередь, прервал ее шейх. — Мне, право, жаль, что я не могу засвидетельствовать свое почтение кади Юсуфу, но ничего, найдется немало охотников сделать это за меня: султан очень щедр, когда речь идет о голове его врага.

Зара всматривалась в лицо шейха, тщетно пытаясь отыскать следы былой снисходительности. Оно казалось теперь высеченным из камня; губы сложились в тонкую линию, а глаза были холодны как лед и не выражали ничего, кроме презрения. Зара медленно поднялась на ноги и, не дрогнув, встретила его взгляд. Что бы он ей ни уготовил, она не станет унижаться и молить о пощаде. Он ведь и не подозревает, что предательство и так не прошло для нее безнаказанно, что она расплачивается за него бессонными ночами и страшным грузом на душе... Ну и пусть! Объяснять это было бы слишком унижительно.

— Ни тебе, ни другим воинам султана не поймать отца! — резко ответила берберская принцесса. — Он слишком умен, чтобы дать себя убить.

— Возможно, ты и права, — криво усмехнулся Джамал. — Но у меня теперь в руках его дочь. Однажды он уже попался, пытаясь освободить тебя, и попадетсЯ снова. — Его глаза недобро блеснули: — А теперь раздевайся.

— Что?!

— Я сказал, раздевайся, — спокойно повторил он. — Гарун позаботится, чтобы нам никто не помешал.

— Если ты так решил меня наказать, я...

— Наказать? — глумливо расхохотался Джамал. — Разве делить со мной ложе — наказание? Разве это ты чувствовала, когда я прикасался к тебе? Из тебя могла бы получиться неплохая актриса, моя гордая принцесса, но лишь при одном условии: если бы ты умела лгать. Могу поклясться, что ты стонала в моих объятиях не от отвращения, а от удовольствия! Вспомни хотя бы серебряные шарики... О, вижу, что ты их не забыла! И наслаждение, испытанное тобою тогда, тоже наверняка не стерлось из твоей памяти!

В это момент Зара от души ненавидела Джамала. Он не должен был, не имел права напоминать ей о тех сладостных минутах, что она пережила в его спальне.

— Я притворялась! — воскликнула она. Ей не оставалось ничего другого, как продолжать лгать. — Думай что хочешь, но я пошла на это ради моего отца, ради моих соплеменников, томившихся в твоём плену!

— Ты лжешь! — взревел Джамал, чувствуя, что готов убить ее. Это предательство было еще страшнее прежнего. Да как она смеет отречься от своих собственных чувств, перечеркивать все хорошее, пережитое ими вместе? — Лжешь! Но если в твоих словах есть хоть крупица правды, то ты просто шлюха. Шлюха по природе своей, по образу мыслей и по

поведению, а история с отцом лишь оправдание твоего падения, к которому ты и так была готова и которого хотела.

— Нет, все было не так! — слабо пыталась защищаться Зара. Она почти физически ощущала исходящие от шейха волны ярости и страшной, испепеляющей душу обиды. — Я не шлюха! Как ты можешь говорить такое?! До тебя у меня никого не было, и я... я...

— Стала шлюхой, — закончил за нее шейх. — Моей шлюхой. Так ты сама разденешься или тебе помочь?

Зара затравленно посмотрела на опущенный полог шатра.

— Даже не думай об этом, — покачал головой Джамал. — Там повсюду мои люди.

Он медленно снял через голову свою джеллабу и шагнул к ней. Зара вскрикнула, когда под его сильными руками треснула и расползлась тонкая ткань льняной рубахи, и призрачный свет занимающейся зари тускло озарил ее обнаженную грудь.

— Аллах свидетель, как бы мне хотелось ненавидеть тебя! — хрипло произнес Джамал. Его гнев постепенно угасал; уступая место растущему желанию. — Ты жестоко обманула меня, подло воспользовалась моим доверием. Ты причинила мне страшную боль и в наказание должна испытать не меньшие муки.

— Не сомневаюсь, что мне придется страдать, — дрогнувшим голосом ответила Зара и облизнула внезапно пересохшие губы. — Но знай, я ни в чем не раскаиваюсь. Жизнь отца важнее моей.

— Такие, как ты, никогда и ни в чем не признают себя виновными, — сквозь зубы процедил Джамал и швырнул принцессу на шкуры. — Твои слова больше ничего для меня не значат. Отныне я не буду считаться с твоими желаниями и капризами, зато мои станут для тебя законом. А теперь, раздвинь ноги и прими своего господина.

Его грубость причинила Заре гораздо большую боль, чем падение.

— Я не твоя рабыня, а ты не мой господин и никогда им не был!

Шейх одним движением сорвал с себя остатки одежды и тяжело навалился на нее.

— А вот это неправда, — прошипел он ей в самое ухо. — Я стал твоим господином в тот самый момент, когда впервые вошел в твое тело.

Зара отчаянно сопротивлялась, но все было бесполезно; их тела переплелись, он раздвинул ей ноги своими сильными коленями и резко, без всяких ласк, овладел ею. Она жалобно вскрикнула, ощутив его неукротимую силу. Желание Джамала было так велико, что кульминация могла наступить в любое мгновение, но в нем снова заговорил все тот же бес противоречия, приказ расслабиться и не торопиться.

Желание возбуждать Зару, доставлять ей удовольствие уже успело стать частью его собственного наслаждения, и память об этом всплыла сразу, как только он оказался внутри ее. Теперь ему уже хотелось не унижить ее, грубо изнасиловав, а доказать ей и, возможно, себе самому, что она лгала, говоря о своем притворстве во время их страстных ночей в Эдеме.

Он начал двигаться медленнее, вкладывая в этот чувственный ритм всю силу своей страсти. С уст Зары внезапно слетел слабый стон, ее плотно сжатые губы приоткрылись, веки затрепетали.

Его опытные пальцы принялись ласкать ее ягодицы, а рот жадно приник к набухшим, затвердевшим соскам. Дыхание Зары участилось, нежная кожа покрылась бисеринками пота, перед ее закрытыми глазами зажигались, наливаясь ярким светом, звезды, вот-вот готовые вспыхнуть и взорваться.

— Отвечай мне, принцесса, — задыхаясь от близости развязки, шепнул он, — отвечай мне!

Внезапно он перевернулся на спину, усадив Зару на себя верхом. Проникновение стало еще глубже; подушечка большого пальца руки Джамала осторожно легла на возделенный розовый бугорок над самым входом в лоно девушки... Мир с грохотом раскололся для нее на части и потонул ее восторженном крике, который, спустя мгновение слился с протяжным стоном, исторгнувшимся из груди шейха.

Он долго еще оставался в ней — пока сердце не перестало бешено колотиться, пока тело не перестало бить мелкая дрожь, пока не восстановилось дыхание и способность двигаться.

— И ты все еще будешь отрицать, что я твой господин? — с довольной улыбкой лениво спросил он. — Твое тело безропотно подчиняется каждому моему прикосновению.

Зара взглянула на него с каким-то странным, отстраненным выражением в глазах и, не скрывая горечи, тихо сказала:

— Отпусти меня. Ты сделал самое худшее. Теперь уходи.

— Самое худшее? — ухмыльнулся Джамал.

— О нет, моя дорогая дикарка, самое лучшее. Я собирался взять тебя быстро, не считаясь с твоими чувствами, но у меня слишком доброе сердце, и в последний момент я позволил тебе получить удовольствие. Так будет не всегда, так что цени свою удачу... пока можешь.

Его плоть внутри ее снова напряглась и стала стремительно увеличиваться в размерах. Зара сделала попытку подняться, но руки шейха железной хваткой сомкнулись на ее бедрах и не дали пошевелиться.

— О нет, только не это! — в отчаянии вскричала она, предвидя, какой мукой обернется для нее новый акт любви, превращавшийся у нее на глазах в акт ненависти и мести.

— О да, именно это! — зло передразнил Джамал, одним ловким движением опустил ее на покрывало, перевернул на живот и рывком поднял на колени.

Прежде чем растерявшаяся от неожиданности Зара обрела способность двигаться, он навалился на нее сзади и, обжигая ей шею своим дыханием, цинично пояснил:

— Так мне будет удобнее трогать твою грудь.

Зара закусил губу, чтобы не заплакать, и изогнулась под ним. В ее затуманенном сознании пульсировала страшная мысль: Джамал прав. Он, в самом деле, полностью подчинил себе ее тело. Оно действительно послушно откликалось на каждое его прикосновение, тогда как разум вопил от гнева и возмущения, отказываясь мириться с такой наглостью и цинизмом. Да, он не поработил ее душу... но ее душа его просто не интересовала. Ему вполне хватало тела. Он видит в ней только провинившуюся рабыню, но все равно желанную. Он никогда не будет нежен с нею по-настоящему, потому что... потому что ненавидит ее.

* * *

В то долгое, бесконечно долгое утро Джамал еще дважды овладел ею, затем велел принести еды и, подкрепившись как следует, снова вернулся к любовным утехам. Лишь окончательно обессиленный, он приказал Заре одеться, откинул полог шатра и окликнул Гаруна. Тот поспешил на зов господина.

— Отправь пленных на невольничий рынок, — коротко бросил шейх.

— Женщин и детей тоже? — с готовностью откликнулся Гарун.

— Нет, — после короткого колебания ответил Джамал. — С ними слишком много хлопот. — Он не был настолько жесток, чтобы разлучать матерей с их детьми, а это неминуемо бы случилось во время торгов. — Возьми половину людей, остальные поедут со мной на поиски Юсуфа, — быстро добавил шейх, видя недоумение в глазах Гаруна. — Возможно мне не удастся поймать кади на этот раз, но попытаться я обязан.

— А как быть с ней, Джамал? — спросил Гарун, глазами показывая на Зару. — Как ты собираешься поступить с этой берберской ведьмой?

Шейх нахмурился и отвернулся; им владели самые противоречивые чувства, в которых он и сам еще не разобрался. Вот так, сразу, он просто не мог ничего решить и сухо ответил:

— Убери ее с глаз моих долой!

Гарун грубо схватил берберскую принцессу за руку и выволок ее из шатра. По его мнению, Джамал высказался совершенно определенно. Ведь не случайно же еще совсем недавно он хотел продать эту чертову упрямицу на невольничьем рынке. А господин, сколько помнил себя Гарун, никогда не менял своих решений. Ему и в голову не могло прийти, что шейх имел в виду совсем другое: отправить Зару в Эдем, где она должна ожидать его возвращения. С его, Гаруна, личной точки зрения, хозяин был только рад избавиться от строптивой рабыни, которая испортила ему столько крови, и он от души надеялся, что тот, кому она достанется на торгах, сумеет сделать ее послушной. Джамал слишком добр, чтобы быть жертвой неблагодарности, и сам Аллах не желал бы большей справедливости.

— Куда ты собрался меня везти? — спросила Зара, когда Гарун без лишних церемоний втащил ее на коня позади себя.

— На невольничий рынок в Фес. Может, кто тебя и купит, — ответил тот и не без мстительного злорадства добавил: — Таково желание шейха Джамала.

— Нет, ты ошибаешься! Джамал не может... — начала было принцесса и осеклась.

«Может, — ответил ей разум. — Может, потому что ненавидит тебя».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Зара с сильно бьющимся сердцем осмотрелась по сторонам. Ее вместе с другими женщинами привезли в гарем Кадима Эль-Хаки, чтобы продать на следующий базарный день с торгов. Гарун довольно быстро добрался до Феса, сдал Зару и остальных пленных берберов с рук на руки перекупщику, получил деньги и, довольный успешно выполненным поручением, отправился в Эдем.

Женщин отвели в купальню, накормили и раздели в дорогие шелка. Чем лучше выглядит товар, тем выгоднее его можно продать... и этим товаром были они.

«Неужели такую судьбу уготовил мне Джамал в наказание?» — с горечью подумала Зара. Да поможет ей Аллах, если еще какой-нибудь мужчина думает сделать ее своей собственностью. Она будет драться до последнего, не взирая на последствия.

Делать было нечего, только есть и спать, и Заре не оставалось ничего другого, как предаться своим невеселым мыслям. Она вспоминала мрачное лицо Джамала, на котором застыло выражение мучительной нерешительности, когда он велел Га руну увести ее. Да, в то утро он был резок и груб с ней, но она интуитивно чувствовала, что за всем этим стояла не природная жестокость, а гнев, обида и уязвленное самолюбие. Видимо она ошиблась. Только по-настоящему жестокий, бездушный человек мог спокойно продать ее после всего, что было между ними. Принцесса невольно прислушивалась к разговорам других женщин и поражалась, на сколько их заботы и желания отличались от ее собственных. Они мечтали о богатом и щедром господине, который в награду за ночи, полные страсти и любовных ласк, станет осыпать их своими милостями и дорогими подарками. Роль наложниц не только не возмущала их, но вызывала жгучую зависть — ведь наложницы, при всем своем бесправии, стояли куда выше рабынь.

Блондинки, брюнетки, рыжеволосые... Высокие и низенькие, жирные, толстые, полные, худые... На любой вкус! Приходи, выбирай и покупай... их это, похоже, совершенно не волновало, и Зара замкнулась в себе, оставшись наедине со своей бедой. Нашел ли Джамал ее отца? Она сомневалась. Юсуф не первый год скрывался от людей султана, поймать его было не так-то просто.

Внезапно тяжелые занавеси над входом в гарем раздвинулись, и вошел Кадим. Женщины сразу примолкли, с боязливым почтением поглядывая на человека, державшего в своих руках их судьбы. Кадим был роскошно разодетым в яркий шелк и атлас жирным коротышкой с унизанными перстнями пальцами и многочисленными массивными золотыми цепочками на толстой шее; его густая черная борода скрывала безвольный подбородок сластолюбца, а на широком круглом лице угольками поблескивали крохотные глазки.

При виде столь разнообразного живого товара он довольно потирал свои пухлые ручки и широко улыбался.

— Надеюсь, вам здесь нравится, — неожиданно густым басом произнес он. — Скоро все выберете новых хозяев. Мои клиенты — могущественные, состоятельные люди, гаремы которых блистают роскошью и считаются лучшими в подлунном мире.

Зара презрительно фыркнула. Погонщик верблюдов или сиятельный владыка — какая разница? Все мужчины одинаковы, они думают лишь о своих удовольствиях. Когда-то ей казалось, что Джамал не такой, как остальные, но она жестоко ошиблась. Он использовал ее, а потом просто взял да и вышвырнул вон. Неужели ему действительно непонятно, почему

она сделала то, что сделала? Если бы он, гордый шейх Джамал, оказался на ее месте, разве ему не захотелось бы сделать все, чтобы спасти своего отца и вернуть себе свободу?

— Ты, кажется, не согласна? — Вздрогнув от неожиданности, Зара вскинула глаза: перед ней стоял Кадим. — Ты что, не хочешь богатого господина?

— Я не хочу никакого господина, — спокойно заявила она. — По-моему, рабство — самая отвратительная вещь на свете.

Кадим издал утробный смешок, походивший на квохтанье.

— Теперь мне понятно, почему твой прежний хозяин так дешево тебя продал, берберская заноза. Надо будет посоветовать тому, кто сдуру тобой заинтересуется, начать с бастонады. Это больно, но все же лучше, чем лишиться своего острого язычка. И запомни, когда тебя выведут на по мост, ты будешь мила и любезна с покупателями, иначе пеняй на себя. Понятно?

В ответ Зара лишь крепче стиснула зубы.

Обманутый ее молчанием, Кадим довольно ухмыльнулся и, не обращая на нее больше своего драгоценного внимания, выбрал рыжеволосую толстушку: этой ночью она должна была скрасить его одиночество. Та покорно последовала за ним, хотя и с кислым выражением лица. Впрочем, выбора у нее не было. Зара мысленно вознесла: хвалу Аллаху за то, что ее минула чаша сия.

Четыре дня в гареме Кадима показались ей вечностью. Утешало лишь то, что всякий раз, выбирая себе подругу на ночь, купец проходил мимо и останавливал свой горящий похотью взгляд на ком-нибудь другом. Правда, однажды он задержался не надолго рядом с ней, и, казалось, уже готов был позвать ее, но, заметив отблеск ненависти в глазах непокорной рабыни, все-таки передумал.

Наконец день торгов настал. Женщин снова вымыли, переодели и надушили. Зара больше не сопротивлялась, сейчас это было бессмысленно.

Нет, она и не думала мириться со своей судьбой, просто надо было как следует обдумать план спасения. Ведь не так давно ей удалось бежать от самого шейха Джамала!

* * *

Джамал вернулся в Эдем в отвратительном настроении. Ему так и не удалось напасть на след Юсуфа — старый лис был слишком опытен и хитер. Каждый камень, каждая едва приметная горная тропка, каждая расщелина скрывали его, подобно давним, проверенным друзьям. Три дня люди шейха не знали покоя — вновь и вновь они штурмовали самые невообразимые кручи, но все было бесполезно. Берберский кади словно растворился в воздухе, и Джамал скрепя сердце приказал возвращаться.

Единственным утешением было воспоминание о соблазнительном теле Зары, которое, как магнит, тянуло его назад, в Эдем. По крайней мере ему хотелось верить, что он тоскует лишь по ее телу. Она поступила подло, предав его, но Аллах свидетель, он все еще страстно желал ее.

Едва шейх въехал на мраморные плиты двора, Гарун поспешил ему навстречу.

— Добро пожаловать домой, мой господин! Угодно ли было Аллаху помочь тебе отыскать Юсуфа?

Джамал не смог скрыть досады:

— Этот человек, подобно хамелеону, постоянно меняет окраску. Ему снова удалось ускользнуть от меня.

Гарун нахмурился и озабоченно взглянул на шейха.

— Вряд ли это понравится султану. Ты уже был у него с докладом?

— Нет, я спешил домой. Что с пленными? Ты выполнил мое распоряжение?

— Я обо всем позаботился. Они будут проданы на ближайших торгах. Кадим Эль-Хака остался доволен — сильные мужчины нынче в цене... Это же касается женщины... До Джамала не сразу дошел смысл последних слов Гаруна.

— Какой женщины? Тебе было приказано оставить женщин и детей.

На смуглом лице Гаруна отразилось замешательство. Уж не смеется ли над ним Джамал? Страшное предчувствие вкралось в его душу.

Грозный вид хозяина не предвещал ничего хорошего.

— Женщины и дети здесь, в Эдеме. Все, кроме одной.

Гарун увидел, как мертвенная бледность разливается по точеному лицу Джамала, и в испуге отступил. Аллах, спаси и помилуй! Что он наделал?

— Зара! Где она? — В голосе Джамала зазвучала тревога. И что-то еще, от чего все тело Гаруна сковал леденящий ужас.

— Прости, мой господин, если я ошибся. Ты приказал убрать с твоих глаз Зару, и я выполнил твою волю. Она вместе с берберскими воинами была продана работорговцу из Феса.

— Будь ты проклят! — вскричал Джамал, яростно потрясая кулаком перед самым носом Гаруна. — Мне и в голову не приходило продавать Зару. Ты должен был доставить ее сюда и дожидаться моего возвращения!

Гарун рухнул на колени и молитвенно воздел руки. Ему самому ни разу не пришлось испытать на себе последствия гнева шейха, но он неоднократно был свидетелем жесточайших наказаний, которым подвергались те, кто ослушался хозяина.

— Ты как-то упомянул, что хочешь продать Зару. Берберская ведьма заслужила наказание за то, что опоила тебя зельем и устроила побег, вот я и подумал, что ты решил избавиться от нее. Прости, прости меня, господин!

Джамал молча смотрел на Гаруна, стараясь сдержать kloкотавший в груди гнев. Зара потеряна для него! Он больше не сможет ласкать ее гибкое тело и целовать ее нежные губы! Она будет принадлежать другому мужчине, которому никогда не оценить ее чувственности. А ведь он первый пробудил в ней страсть, шаг за шагом посвящая берберскую принцессу в искусство любви.

К Джамалу медленно возвращалось самообладание.

— Когда состояться торги? Моли Аллаха, чтобы уже не было поздно.

Гарун нервно сглотнул:

— Завтра, мой господин. Ведь завтра среда базарный день.

Шейх грубо выругался:

— Как по-твоему, я смогу добраться до Феса к началу торгов? Немедленно отправляйся в деревню и купи мне бегового верблюда. Скачи быстрее ветра! Даю тебе час.

Гарун опрометью бросился выполнять приказ, взлетел в седло и, вихрем пролетев сквозь распахнутые ворота, помчался в деревню. Там он без труда нашел торговца по имени Рашид.

— Скорее! Мне нужен самый быстрый верблюд для шейха Джамала, — крикнул Гарун, потрясая туго набитым золотом кожаным мешочком. — Назови свою цену!

— Шейху предстоит долгий путь? — вкрадчиво спросил Рашид.

Он уже знал, что Джамал ездил на поиски Зары и Юсуфа, но вернулся с пустыми

руками: у него были весьма расторопные осведомители.

— Ты задаешь слишком много вопросов. Выбери лучшего верблюда и назови цену, — осадил торговца Гарун.

— Если шейх едет далеко и не торопится, то подойдет вот этот, — Рашид показал на лежащее неподалеку животное, флегматично жующее свою жвачку. — Он очень вынослив. Но если твоему господину нужна скорость, то я бы посоветовал выбрать... другого.

— Скорость, купец, именно скорость! Шейху надо как можно быстрее попасть в Фес. Я совершил страшную ошибку — отвез его любимую рабыню на невольничий рынок, и теперь он хочет вернуть ее назад.

— Уж не о той ли рабыне ты говоришь, что носит имя Зара?

Гарун прикусил язык, он и так сказал слишком много.

— Тебе-то, какая разница? — раздраженно бросил он. — Выбери лучшего верблюда, возьми деньги и не суйся, куда не просят!

— Что ж, это можно. — Рашид задумчиво обвел взглядом животных, решительно подошел к самому поджарому и длинноногому и сказал:

— Вот, полюбуйся, лучшего тебе не найти.

Гарун начал терять терпение:

— А я и не собираюсь искать. Искать должен ты, мое дело — заплатить и доставить покупку в Эдем. Сколько ты хочешь?

— Всем известно, шейх Джамал очень щедр...

Гарун начал традиционную торговлю.

— Во имя Аллаха, купец! Ты назовешь, наконец, цену или нет?!

— Это не так просто. Мой верблюд — лучший из всех, когда-либо...

— Если ты и дальше будешь тянуть время, я прикажу высечь тебя! — прорычал Гарун.

— Э, да ты, видно, и впрямь очень спешишь, — с притворным сочувствием покачал головой Рашид и назвал такую сумму, что у Гаруна глаза на лоб полезли.

— Ну ты и наглец! — рявкнул он, бросая Рашид свой кошель. — Тебе здорово повезло, что я действительно тороплюсь, иначе я бы с тобой поторговался. Однако... меня ждет шейх, и я не хочу, чтобы мне досталось от него из-за тебя.

Не мешкая, Гарун накинул на верблюда поводок, вскочил в седло и двинулся в путь. Рашид выждал; пока тот скроется из виду, и кликнул помощника. Затем выбрал другого верблюда, не уступавшего по силе и выносливости только что проданному, и поспешил прочь из деревни.

* * *

Джамал мчался как ветер. Шейх отправился в Фес один и всю дорогу безжалостно погонял верблюда, как будто сам дьявол гнался за ним по пятам. Незаметно ступились сумерки. Зная, что ночью в горах небезопасно, он решил сделать привал. Шейх спешил и лег рядом с измученным животным, надеясь использовать несколько часов спасительного сна, чтобы с первыми лучами рассвета продолжить эту сумасшедшую гонку. До Феса было еще далеко, и оставалось лишь уповать на то, что все милостивый Аллах сотворит чудо и поможет ему вовремя прибыть на торги.

* * *

Наконец настала очередь Зары разделить печальную судьбу других рабов. Кадим намеренно оставил ее напоследок. Девушку тщательно вымыли и нарядили в полупрозрачные одежды, ни чуть не скрывающие ее соблазнительного тела.

Легкие газовые шаровары облежавшие ее бедра, заканчивались у щиколоток широкой, расшитой самоцветами тесьмой; короткая накидка из тонкого шелка, под которой, подобно двум бутонам просвечивали темно-вишневые соски, едва прикрывала ее грудь. Костюм скорее подчеркивал, нежели скрывал наготу, и Зара вся дрожала, понимая, что ее сервировали как лакомое блюдо для удовлетворения мужских appetитов.

Первыми на продажу выставили мужчин. Затем пришел черед женщин. С нарастающим ужасом Зара наблюдала, как вальяжные, сытые покупатели бесцеремонно осматривают живой товар, ощупывают груди, проверяют, достаточно ли нежна и упруга кожа, беззастенчиво обследуют унизанными перстнями пальцами самые интимные части тела, вызывая грубый смех мужчин и тупое хихиканье женщин.

Большинству рабынь приказали снять одежду, чтобы будущий хозяин мог лучше разглядеть их. Многие, казалось, не только не возражали, но, напротив, кокетливо демонстрировали свое тело, стараясь предстать в наиболее выгодных ракурсах. Таких быстро покупали, и они, довольные, следовали за своими новыми повелителями.

Торжище еще было в самом разгаре, когда Кадим выставил Зару. По толпе пробежал одобрителный гул. Зара стояла, гордо вздернув подбородок, стараясь избегать изучающих взглядов и страдая от бессилия и унижения.

— Покажи нам ее грудь! — крикнул кто-то из первых рядов.

Кадим приблизился к девушке, намереваясь сорвать с нее эфемерную накидку, однако, заметив отсвет пламени, вспыхнувшего в ее глазах, замер с поднятой рукой. Он не сразу понял, куда направлен ее взгляд.

Между тем Зара смотрела на короткий кривой нож, висевший у пояса Кадима. Ее следующее движение было молниеносным и почти инстинктивным. Работорговец осознал, что происходит, лишь почувствовав, как ему в пах уперся острый клинок. Его глаза встретились с глазами Зары простиравшаяся в них решимость не оставляла ни малейших сомнений: берберская шлюха не раздумывая превратит его в жалкого евнуха.

Худшие опасения Кадима подтвердились, когда до него долетел яростный шепот:

— Только тронь меня, арабская свинья, и я скормлю тебе твои собственные яйца.

Кадим чувствовал, как по его спине стекают ручьи пота.

— На что ты надеешься? Если ты меня прирежешь, мои люди убьют тебя на месте.

— Да, но одна мысль, что ты больше никогда непустишь в ход мерзкую штуковину, которая болтается у тебя между ног, послужит мне утешением.

Холодная сталь пропорола ткань одежды, и Кадим жалко взвизгнул.

— Кадим, что ты медлишь? — прокричал тот же голос. — Дай нам полюбоваться на ее грудь!

— Соображай быстрее, — прошипела Зара. — Либо убери свои вонючие руки, либо готовься испытать такую боль, какой ты еще не знал. Что до меня, то я лучше умру, чем подвергнусь надругательству на глазах у этого стада свиней, называющих себя мужчинами.

Кадим судорожно искал выход из положения. Подобная сцена может ему дорого обойтись. Расплатой станет потеря не только прибыли, но и репутации. Позволь он этой сучке публично себя унизить, и ему никогда не получить за нее хорошей цены.

— Хорошо, клянусь Аллахом, я не притронусь к твоей одежде, если ты немедленно вернешь нож туда, откуда взяла.

Какую-то долю секунды Зара недоверчиво выжидала, а затем отдала Кадиму его кинжал. Ей не хотелось спешить навстречу смерти, которая, несомненно, стала бы

расплатой за удовольствие оскотить этого жирного потного араба.

Почувствовав, что сталь вернулась в ножны, Кадим повернулся лицом к толпе и громко объявил:

— Не лучше ли будет оставить пищу для воображения? Посмотрите на эту женщину, разве она не великолепна? Подойдите-ка поближе, и вы убедитесь сами, что ее груди полные и высокие, а соски похожи на восхитительные спелые вишни. Раскройте пошире глаза и посмотрите, что там виднеется сквозь эти прозрачные шаровары! Готов поклясться, что ее ножны примут даже самый длинный клинок.

Похотливые взгляды мужчин жадно ползали по телу Зары, следуя соблазнительному описанию Кадима, которому удалось целиком завладеть воображением толпы. Девушка оставалась безучастной и вздрогнула лишь один раз, когда работороговец развернул ее спиной к зрителям и похлопал по ягодицам.

Кадим не обратил на нее ни малейшего внимания.

— Чем нехороши эти нежные полушария, такие круглые и аппетитные?

Его пальцы впились в тело Зары. Из горла девушки послышался сдавленный звук, похожий на рычание, и Кадим быстро отдернул руки.

— Кто назначит исходную цену? — обратился он к покупателям, желая ускорить торг и поскорее избавиться от этой дьяволицы.

— Она девственница? — поинтересовался толстый бородатый мужчина в тюрбане и белых ниспадающих одеждах.

— Нет, Зара не девственница, но это не должно влиять на цену. Прежний владелец сам занимался ее обучением. Она искушена во всех мыслимых формах любовной игры и способна удовлетворить самого капризного и взыскательного. Вы не прогадаете, прекрасная Зара стоит любых денег.

Услыхав последние слова, толпа заметно оживилась. Первоначальная цена сначала удвоилась, а затем и утроилась; в итоге лишь три покупателя оказались достаточно состоятельными, чтобы продолжать участвовать в дальнейших торгах.

Наконец, мужчина в белых одеждах предложил такую сумму, что двое других вынуждены были отступить.

— Продано! — с важностью провозгласил Кадим. — Рабыня достается — шейху Сиди Бен Науру. Цена была высока, но я уверен, что товар того стоит.

Сиди Бен Наур вышел вперед мелкими шажками. За ним семенил юноша-подросток с лицом ангела. Шейх пухлой рукой похлопал Кадима по щеке:

— Тебе прекрасно известны мои пристрастия, Кадим, и они уж точно не распространяются на женщин с пышными формами. Он рассеянно погладил золотоволосую голову своего спутника. — Мальчики, вроде Ази, больше соответствуют моим вкусам. Лишь изредка я использую женщин, но, чтобы доставить мне удовольствие, они должны быть худощавыми.

Зара смотрела на Сиди с отвращением. Он не только извращенец, но и не стыдится говорить об этом во всеуслышание. Она от души пожалела всех тех бедных детей, которых заставляют удовлетворять его порочные желания.

— Эта рабыня послужит подарком одному моему другу, оказавшему мне неоценимую услугу. Али Бен-Баха — большой охотник до женщин, только он ими быстро пресыщается. Моли Аллаха, чтобы мой подарок понравился ему ведь я выложил за нее целое состояние. Она действительно так опытна в делах любви, как ты говоришь? Мне бы не хотелось

разочаровывать столь уважаемого человека.

— Повторяю, прежний хозяин научил ее не только давать наслаждение, но и получать его. Твой друг останется доволен.

Зара кипела от бессильной ярости. Ее обсуждали так, как будто она была слепая и немая.

— Ну а уж если она разочарует шейха Али Бен-Баха, то он отдаст ее своему старшему конюху. Вот кто настоящий зверь!

Какое-то движение в толпе привлекло внимание Зары. Словно сквозь туман, она наблюдала за мужчиной, который верхом на верблюде пробирался сквозь рыночную толчею, расталкивая разных зевак и навязчивых продавцов. Он явно направлялся к невольничьему рынку.

Ее сердце дрогнуло и полетело в какую-то бездонную пропасть это был Джамал.

Он сразу же увидел Зару. Она была прекраснее, чем звезды и луна, и шейх радостно поспешил ей навстречу. Однако вид обезлюдевшей площади внушал тревожные подозрения. Не опоздал ли он? О, всемогущий Аллах, неужели все потеряно?

Приблизившись, шейх опустил верблюда на колени, резким движением перекинул ногу через седло и соскользнул вниз.

— Я опоздал? — спросил Джамал, заранее зная ответ. Окинув фигуру Сиди Бен-Наура быстрым опытным взглядом, он заключил, что этот толстяк не из тех, кому нравятся женщины.

— Торги уже закончились, — сказал Кадим. Зару продали последней. Теперь она собственность шейха Сиди Бен-Наура.

Джамал старался говорить спокойно, несмотря на то, что сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из его груди.

— Даю двойную цену.

Кадим заволновался, почуяв возможность нажиться. Он уже имел дело с шейхом Джамалом и заключил с ним не одну сделку. Гарун предупредил его, что Зара принадлежит Джамалу, — когда передавал торговцу захваченных в плен берберов.

— Теперь судьба женщины всецело в руках шейха Сиди Бен-Наура. Если он решит продать ее, мне причитается посредническая доля с новой продажи.

Джамал перевел пышащий нетерпением взгляд на Сиди Бен Наура. Его внутреннее напряжение выдавали и плотно сжатые кулаки.

— Какой тебе прок от женщины, Сиди? Насколько я понимаю, тебя скорее прельщают мальчишки?

Зара прерывисто вздохнула, все еще не в силах справиться с шоком, который вызвало появление Джамала. Зачем ему предлагать двойную цену, если он сам отправил ее на рынок? Что-то не сходилось.

Сиди Бен-Наура с негодованием потряс своей пухлой рукой.

— Тебя абсолютно не касается, что я буду делать с рабыней. Она моя собственность, и я не собираюсь продавать ее.

— Я нахожу это странным, мой господин, заметил Кадим. — Зачем ты велел Гаруну продать женщину, если она тебе еще нужна?

Джамал посмотрел на Зару. Его темные глаза казались непроницаемыми, но где-то глубоко, на самом их дне, девушке удалось разглядеть подлинную боль. Она закрыла глаза, чтобы не выдать себя, а когда открыла их, шейх уже отвел взгляд.

— Случилась ошибка. Гарун неправильно истолковал мой приказ. Зару следовало отправить во дворец, а продать только мужчин-берберов. Голос Джамала почти срывался на крик.

— Что скажешь на это, Сиди Бен-Наур? Согласен ли ты продать женщину шейху Джамалу? Мы оба можем сорвать неплохой куш! — глаза Кадима алчно блестели.

Сиди Бен-Наур сделал вид, что обдумывает предложение Кадима. Одной рукой он скреб свой лоснящийся подбородок, а другую не убирал с плеча ангелоподобного мальчика, стоявшего с ним рядом. В конце концов он заявил:

— Нет, я не изменю своего решения. Мой дорогой друг, Али Бен-Баха, — истинный ценитель женщин, всегда готовый полакомиться чем-нибудь свеженьким. У него новый дворец на краю пустыни, неподалеку от Эр-Рашидии. Прекрасную Зару ждут поистине королевские почести: я отправлю ее к Али особым караваном.

— Предлагаю в три раза больше того, что ты заплатил за нее. — Голос Джамала резал, как остро заточенная сталь.

Однако на Сиди Бен-Наура они не произвели никакого впечатления. Это был жестокий и мстительный человек; он отверг бы любое предложение шейха, каким бы выгодным оно ни казалось, только из одного удовольствия отказать ему.

— Нет, мой юный друг, — с мерзкой улыбочкой ответил он и повелительно кивнул Заре: — Иди за мной. Скоро у тебя будет новый хозяин, и ты должна ему понравиться... ради собственного блага.

— Твой друг вряд ли поблагодарит тебя за такой подарок, — едко заметила девушка. — Рабыня из меня так и не получилась. Я строптива и своевольна, горда и непокорна, что же касается мужчин, то я ненавижу это свинское племя. Ты, возможно, и не знаешь, что купил сегодня принцессу Зару — дочь берберского кади Юсуфа. Если Али когда-нибудь и прикоснется ко мне, то лишь один раз. До второго он просто не доживет, обещаю.

Сиди Бен-Наур в ужасе шарахнулся в сторону и буркнул Джамалу:

— О, теперь я понимаю, почему ты продал эту женщину. Надеюсь, однако, что порол ты ее регулярно... Но ничего, Али Бен-Баха и не таких обламывал! В его руках маленькая берберская ведьма быстро прикусит свой острый язычок.

Он дважды хлопнул в пухлые ладоши, и рядом с ним возникли два здоровяка-стражника:

— Уведите девчонку, отправьте ее в мой гарем, да, следите за ней хорошенько! Если потребуется, разрешаю связать ее и наказать плетями.

Джамал готов был броситься на людей Сиди и вырвать Зару из их рук, но он знал, что закон не на его стороне. Бен-Наур купил ее, заплатил за нее большие деньги теперь она его собственность. Ценой невероятного усилия он взял себя в руки и даже умудрился напустить на лицо безразличие.

— Что ж, желаю Али Бен-Баха насладиться твоей новой рабыней, — пожал плечами шейх. Я не жалею, что продал ее... На свете немало красивых и покладистых женщин.

Зара смотрела на него во все глаза и ловила каждое слово, не веря своим ушам. Ей и в голову не могло прийти, что Джамал говорит так от отчаяния и беспомощности. Его появление на торгах потеряло всякий смысл. Зачем ему надо было мчаться сломя голову в Фес, если он не жалеет о том, что избавился от нее? Джамал и впрямь хочет, чтобы она думала, будто попала на невольничий рынок по ошибке?

Шейх ясно видел по лицу Зары, что с ней происходит, но ничего не мог поделать. Он

потерял ее. Скоро она будет принадлежать другому, ляжет в чужую постель, чужие губы коснутся ее тела... От этого можно было сойти с ума, однако шейху оставалось только вернуться домой и постараться забыть о ней.

Джамал повернулся, чтобы уйти. Остаться на рыночной площади не было смысла.

Случилось непоправимое, хотя и не по его вине.

— Как ты мог, Джамал? — крикнула ему вслед Зара, когда люди Бен-Наура потащили ее прочь.

Шейх медленно обернулся, в его черных глазах стояло отчаяние. Их взгляды встретились, и выражали они одно — боль.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В бессильной ярости Джамал мерил шагами устланные коврами полы своих покоев. Едва Зару увели, он сразу же вернулся в Эдем.

С тех пор прошло три дня. Три дня горя, одиночества и пустоты. Три дня и три ночи непрекращающейся муки, когда сердце толкало его броситься на выручку Заре, а разум требовал забыть ее.

Наконец, решение пришло, и все сомнения остались позади. Шейх пинком распахнул двери своей опочивальни.

— Хамет!

Минуту спустя в комнату влетел запыхавшийся евнух.

— Я здесь, господин.

— Найди мне Гаруна! — рявкнул Джамал, и евнуха как ветром сдуло.

— Никогда еще не видел своего господина в таком возбужденном состоянии.

Шейх все еще ходил из угла в угол, когда в комнату вошел Гарун и низко поклонился хозяину.

— Ты посылал за мной, господин?

— Сколько людей ты сможешь посадить в седла на рассвете? — без лишних слов спросил Джамал.

— Двадцать, — не задумываясь ответил Гарун. — Могу и больше, но за ними надо скакать в деревню.

— Двадцати хватит.

— Нам кто-то угрожает? — осторожно поинтересовался Гарун, хотя уже и предполагал, что именно услышит в ответ.

— Насколько мне известно, нет.

— Значит, это мы на кого-нибудь нападём?

Продолжал расспросы Гарун.

— Это будет зависеть от того, хорошо ли охраняется караван Сиди Бен-Наура и захотят ли сражаться его солдаты.

— Уж не тот ли это караван, что...

— Ты очень догадлив, мой друг, — усмехнулся Джамал.

— Благодарю, господин... Но стоит ли портить отношения с соседями из-за какой-то рабыни? Ведь Сиди...

— Ты можешь идти, Гарун, и выполнять мои распоряжения; — резко оборвал его шейх. — Нам предстоит долгая, трудная поездка. Мне донесли, что караван уже в пути, и его надо перехватить прежде, чем он достигнет цели путешествия.

— Я все понял, — склонился в поклоне Гарун. — Люди будут готовы к рассвету. Похоже, ты почувствуешь себя счастливым; лишь тогда, когда Зара снова окажется в твоей постели.

Шейх сдержал резкий ответ, уже готовый сорваться с его губ. Как ни тяжело ему было признаться в этом даже самому себе, но Гарун сказал правду.

* * *

Зара мерно покачивалась на спине огромного верблюда и проклинала его за медлительность и неуклюжесть. В седле бегового верблюда она чувствовала бы себя куда

лучше, но Сиди Бен-Наур настоял, чтобы его новая рабыня путешествовала в «хаудахе» — кресле, больше напоминавшем высокую корзину с занавешенными стенками и матерчатым верхом, защищавшими ее от безжалостных солнечных лучей — и в длинной глухой джеллабе, скрывавшей принцессу с головы до пят и оставлявшей лишь узкую щель для глаз.

Жара внутри «корзины» стояла невыносимая, и девушке время от времени приходилось раздвигать занавеси, чтобы пропустить хоть немного воздуха. Путь до дома Али Бен-Баха был неблизкий.

Горы давно уже остались позади, и теперь караван двигался по краю пустыни — безрадостной каменистой равнине с редкими островками чахлой зелени. Колодцы почти перестали попадаться им на пути, и погонщики останавливали своих животных у каждого, чтобы, пока не поздно, возобновить запасы воды.

Душные знойные дни, когда раскаленный воздух обжигал легкие, сменялись холодными ночами. Зара спала отдельно ото всех, в красивом белом шатре, пол которого выстлала толстыми коврами. Сиди старательно окружал ее роскошью, но это приносило берберской принцессе мало радости. Да и чему было радоваться? Ее везли к новому хозяину, чтобы она стала еще одной бесправной игрушкой в его гареме. Быть может, арабские женщины, с детства воспитанные в покорности любым мужским прихотям, и позавидовали бы такой судьбе, но сердце свободолюбивой берберки сжималось от тоски и отчаяния.

Где сейчас отец? Знает ли о постигшем ее несчастье? Сообщили ли ему уже, что Джамал продал его дочь на невольничьем рынке?

Джамал...

До сих пор Зара старалась не думать о красавце шейхе. Это причиняло душевную боль. Тот взгляд, которым они обменялись... Тогда ей вдруг показалось, что в его глазах она видит ответ собственных чувств... Какая глупость! Но зачем, зачем он приехал в Фес? Почему хотел выкупить ее у Сиди, если сам же приказал продать? Здесь крылась какая-то тайна. Быть может, он не знал, что торги состоятся так скоро, и, когда решил, что уже и так достаточно наказал ее, просто опоздал? как бы там ни было, она никогда ему этого не простит. Так же, как и он никогда не забудет ее предательства.

Зара с горечью подумала, что была для Джамала только забавной игрушкой, жертвой, которую он с легкостью бросил на алтарь своего сластолюбия. Ее же чувства к нему оказались куда сложнее. Она так и не смогла возненавидеть его.

Зара раздвинула занавески и, щурясь от яркого полуденного солнца, стала вглядываться в далекий горизонт. Вскоре ее глаза заболели, и она уже готова была снова вернуться в душный полумрак своей «корзины», когда вдруг увидела, как над пологим склоном одного из барханов возникло едва заметное облачко пыли. «Неужели начинается песчаная буря?» — с тревогой подумала она.

Тем временем облако разрасталось на глазах и стремительно приближалось к каравану; теперь уже его заметили все.

Внезапно Зара услышала знакомый боевой клич, и в ту же секунду из тучи песка вылетело, около двух дюжин беговых верблюдов с всадниками на спинах.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Синие Люди! — в ужасе завопили погонщики каравана и бросились врассыпную.

— Отец! — вне себя от радости крикнула Зара, но ее голос потонул в шуме начавшейся драки.

Солдаты Сиди Бен-Наура бились отчаянно, но не прошло и минуты, как они были

разоружены, а караван — окружен.

Кади Юсуф подъехал к верблюду Зары, опустил свое животное на колени и легко соскочил на землю. Не дожидаясь приказаний, насмерть перепуганный погонщик помог недавней пленнице спешиться, и мгновение спустя она уже оказалась в крепких объятиях отца.

— Слава Аллаху, ты жива и здорова! — воскликнул Юсуф.

— Но как ты узнал, где меня искать? — всхлипнула Зара.

— Нам снова помог Рашид. Гарун примчался к нему, чтобы купить для Джамала резвого бегового верблюда, и проболтался, что тебя по ошибке отправили на невольничий рынок. Джамал хотел успеть в Фес до начала торгов. Едва слуга шейха уехал, Рашид прискакал ко мне и все рассказал. К несчастью, я опоздал в Фес к аукциону, но узнал, что тебя купил Сиди Бен-Наур и повез к Али Бен-Баха из Эр-Рашидии. Собрать людей и броситься в погоню за караваном было делом одной минуты.

— Джамал тоже опоздал на торги, — сказала Зара. — Когда он приехал, меня уже продали. Он старался выкупить меня, но Сиди Бен-Наур наотрез отказался.

— Забудь о шейхе Джамале, дочка. Я найду тебе достойного мужа среди нашего народа. Вместе мы доставим еще немало беспокойства МулаюИсмаилу. Клянусь, ни один его караван не достигнет ворот Мекнеса! А теперь нам пора ехать. Думаю, мои славные ребята уже облегчили поклажу верблюдов Бен-Наура.

* * *

Джамал ехал во главе своего маленького отряда по бесконечным пескам, протянувшимся до самого горизонта. Год за годом, век за веком этим путем шли караваны, перевозя товары и невольников из одного края пустыни в другой.

Острый взгляд шейха заметил впереди облачко пыли, и с его губ слетел крик радости. Наконец-то! Еще совсем немного, и он снова обнимет Зару.

Ехавший рядом с ним Гарун привстал на стременах и показал на приближающийся караван:

— Посмотри! Тебе ничего не кажется странным, мой господин?

Солнце слепило глаза, но Джамал тут же понял, что тот имел в виду. Караван двигался к ним, а не от них. Он направлялся в Фес! Неужели он уже возвращается? Но добраться до дома Али да еще и успеть проделать добрую половину обратного пути за столь короткое время было совершенно невозможно. Стиснув зубы, Джамал пришпорил своего арабского скакуна и помчался наперерез медленно двигающимся верблюдам.

Караван остановился. Погонщики и оставшиеся в живых солдаты с замиранием сердца ждали, чем обернется для них эта новая встреча в пустыне.

— Я — шейх Джамал Абд-Табит! — грозно крикнул он.

Его взгляд лихорадочно скользил по спинам верблюдов в поисках Зары, пока наконец не заметил «корзину». Но почему занавеси опущены? Разве внезапная остановка не должна была вызвать любопытства девушки?

— Отдайте мне принцессу Зару, и вам не причинят вреда! — уже не так уверенно продолжил он.

— Ее здесь нет, господин, — развел руками старшина погонщиков.

— Как это нет? — вскипел Джамал. — Что, во имя Аллаха, вы с ней сделали?

— Ничего, господин, — последовал ответ. — Два дня назад на нас напали Синие Люди. Они ограбили караван и увели принцессу с собой. Теперь нам нет смысла продолжать свой

путь, и мы возвращаемся в Фес.

— Опять этот чертов Юсуф! — скрипнул зубами Джамал. — Но как он узнал про караван?

— Похоже, этот берберский разбойник всеведущ, — пожал плечами Гарун. — Что будем делать дальше, мой господин?

В самом деле, что? Нельзя же бесконечно рыскать по всему Марокко в поисках пропавшей любовницы! Он станет в глазах всех настоящим посмешищем. Неужели он растерял последние крупницы гордости? Одержимость Зарой превратила его в тупого, безвольного раба страсти. Он подвел султана. Он позволил Юсуфу бежать. Он снова нашел Зару и вновь потерял ее. Как объяснить это Мулаю Исмаилу, для которого берберская принцесса была лишь наживкой в его охоте за кади? Владыка жесток и мстителен, ему незнакомо сострадание, он не умеет прощать. Что же ждет теперь его, шейха Джамала?

— Джамал? — словно в ответ на его мысли раздался настойчивый голос Гаруна. — Мы отправляемся в погоню за Юсуфом?

— Нет, — отгоняя последние сомнения, тряхнул головой шейх. — Люди и животные устали. Мы возвращаемся домой.

Гарун бросил на него быстрый сочувственный взгляд и отвернулся. Он отлично понимал, какая буря бушует сейчас в душе его друга и господина, и мысленно поклялся сделать все, чтобы облегчить его страдания.

* * *

Нападения на караваны возобновились с новой силой. Мекнес снова был практически отрезан от всего торгового мира, и султан начал терять терпение. Его потери исчислялись астрономическими суммами, планы срывались один за другим, и все по вине одного человека — Юсуфа.

Берберский кади вообще перестал платить подати; зато все лучше вооружал своих людей, и в городе начали поговаривать о том, что он задумал объединить разрозненные берберские племена.

* * *

Этого Мулай Исмаил допустить никак не мог. Одна мысль о шейхе Джамале и его роли во всей этой истории вызывала у него глухое раздражение. Если бы сластолюбивый юнец меньше думал о том, как ублажить себя, а заодно и дочь мятежного кади, все было бы в порядке. Поимка Юсуфа могла навсегда принести стране мир и благоденствие, а он позволил ему бежать! Негодному мальчишке надо было только сразу же отправить пленника в Мекнес, но он вместо этого затеял какую-то дурацкую игру в любовь. Чем он только думал? По крайней мере не головой, которая, кстати сказать, в любой момент может теперь скатиться с плахи.

Исмаил всерьез подумывал о том, чтобы казнить Джамала, но все-таки решил подождать, дав ему последний шанс. Если он и на этот раз не оправдает высокого доверия своего господина, тогда ему конец.

* * *

Джамал вернулся в Эдем после целого дня охоты со своим любимым соколом. В последнее время он полюбил пропадать в окрестных горах, это немного поднимало настроение и помогало отвлечься от мрачных мыслей.

Гарун, широко улыбаясь, встретил его у ворот конюшни.

— Хорошо ли ты поохотился, Джамал? Послал ли тебе сегодня Аллах удачу?

Шейх бросил к его ногам туго набитый дичью кожаный мешок.

— Похоже, что да, — ответил он, несколько удивленный столь радушным приемом. — Отправь это на кухню... Ты весь сияешь, как новая монета, с чего вдруг?

— Увидишь, — загадочно произнес Гарун. — Хамет ждет тебя в купальне, ты ведь наверняка устал, а ничто так не расслабляет, как горячая вода. — Продолжая улыбаться, он вскинул мешок на плечо и зашагал в сторону кухни.

Джамал в полном недоумении смотрел ему вслед. Что такое стряслось с его верным Гаруном? Уж не повредился ли тот в уме, переусердствовав ночью в объятиях своей ненаглядной Сахи?

Он вошел в дом и сразу же направился в свои покои, где его встретил Хамет, который, казалось, тоже был чем-то страшно доволен. Джамала это начинало раздражать.

— Готова ли ванна? — сухо спросил он и, не дожидаясь ответа, открыл дверь в купальню.

Ничуть не задетый резкостью своего господи на, Хамет семенил следом; его лицо по-прежнему хранило крайне довольное выражение. «Да это просто какой-то заговор счастливых идиотов», горько подумал шейх.

— Уходи, ты мне не нужен, — коротко бросил он. — Я и сам прекрасно могу вымыться. С низким поклоном Хамет поспешно ретировался.

Джамал разделся, с наслаждением окунулся в теплую ароматную воду и закрыл глаза. Его тело постепенно расслаблялось, напряжение и усталость проходили, но боль в душе, казалось, только усилилась. Перед мысленным взором снова вставал образ прекрасной девушки с огромными зелеными глазами и волосами цвета золота... Боль и горечь, горечь и боль. Сколько раз пытался он доказать себе, что она предала его, унизила навлекла на него гнев султана, но все было бесполезно. Джамал не мог ненавидеть ее. И он не мог ее забыть.

Послышался едва различимый шорох легких шагов и шейх нахмурился. Ну почему его не могут оставить в покое?

— Это ты, Хамет? Я же сказал, что не нуждаюсь в твоей помощи, иди займись другими делами.

В ответ раздался приглушенный шумом воды в фонтане женский смешок.

Джамал даже вздрогнул от неожиданности. Его глаза широко распахнулись, он резко обернулся и с изумлением уставился на Саху, Лейлу и Амар, застывших в дверях купальни в самых соблазнительных позах. Одежды на них не было.

— Ты не рад видеть нас? — томно спросила Саха, делая шаг вперед с явным желанием войти в воду.

— А мы так соскучились по тебе, господин! — вздохнула Лейла и последовала за ней.

— Неужели ты прогонишь нас? — в тон им подхватила Амар и присоединилась к Лейле.

Случись такое пару недель назад, Джамал бы только рассмеялся и с радостью принял то, что они явно собирались ему предложить. Но теперь... Его смятение и растерянность сменились нарастающим гневом.

— Зачем вы явились? — стараясь говорить спокойно, спросил он.

Ему не хотелось быть грубым со своими бывшими наложницами, но и долго терпеть их присутствие в своей купальне он тоже не собирался.

— Чтобы доставить тебе удовольствие, господин, — кокетливо взмахнув длинными ресницами, ответила Саха.

— Вы больше не принадлежите мне. Теперь у вас другие хозяева, так что идите и постарайтесь угодить им.

— Гарун сказал, что ты несчастен и мы нужны тебе, — обиженно надула губки Амар. — Кроме того, наши новые господа с радостью согласились позволить нам утешить тебя. Они велели нам оставаться с тобой столько, сколько тебе будет угодно.

— Не понимаю, с чего это Гарун решил меня облагодетельствовать, — покачал головой Джамал. — Он слишком много на себя берет. Возвращайтесь назад и передайте своим мужчинам, что я всем доволен и не нуждаюсь в их помощи.

— Нас накажут, — жалобно пискнула Лейла. — Они подумают, что мы плохо старались и не угодили тебе.

— Позволь сделать тебе массаж, господин, ты всегда получал от него удовольствие, — осмелела Саха, решив взять быка за рога, и положила свою пухлую ладошку на его обнаженное плечо.

По телу Джамала пробежала судорога желания, однако он мягко, но решительно отвел ее руку.

Обнаженная Саха закусил губу и отступила назад. Ее тут же сменила Амар.

— Правильно, господин, — проворковала она, — ведь массаж тебе может сделать и Хамет. Как нам угодить тебе? Хочешь, я останусь с тобой наедине? Или, может, ты желаешь нас всех по очереди так, как мужчины берут иногда мальчиков? Скажи, Джамал, как доставить тебе удовольствие?

Шейх почувствовал, что сейчас из-за долгого воздержания сдастся, и поспешно ответил:

— Если вы действительно хотите доставить мне удовольствие, то возвращайтесь к своим хозяевам и скажите им, что послужили мне на славу. Другого мне от вас не надо.

— Но ведь это же будет неправдой! — в отчаянии всплеснула руками Амар. Она искренне не понимала причины такой холодности, в ее памяти еще слишком живо было то время, когда она изнемогала в его объятиях. — Мы ничего не сделали для тебя! Пожалуйста, не отсылай нас назад!

— Гарун бьет меня по любому поводу, — разрыдалась Саха. — В постели он настоящий жеребец, но требует полной покорности и не терпит малейших капризов!

— А мой новый господин беден, у него не гарем, а настоящий свинарник, — всхлипнула вслед за подругой Лейла. — Умоляю, позволь нам остаться!

— Разве вы уже забыли, почему я вас прогнал? — резко спросил Джамал, обводя взглядом лица своих бывших наложниц. — Вы едва не убили человека, не сделавшего вам ничего дурного! Как можно было так хладнокровно дать яд, а потом притворяться, будто ничего не произошло?

— Это все Саха! — запричитала Лейла. — Она сказала, что так будет лучше и для нас и для тебя!

— Я пыталась отговорить ее, но она и слышать ничего не хотела! — поддакивала ей Амар.

— Мерзкие лгуньи! — возмутилась Саха. — Вы же сами толкнули меня на это!

— Пошли прочь! — взорвался Джамал. — Можете остаться в моем гареме, если уж вам так невмоготу, но на глаза мне лучше не попадайтесь!

— Чем тебя околдовала, эта берберская стерва? — не в силах больше сдерживаться, прошипела Саха. — Ведь ты же должен был бы ненавидеть ее! Она плеснула тебе в чай отравы, а сама сбежала со своим разбойником-отцом, разве не так? То, что она сделал с

тобой, ничуть не меньший грех, чем наш. И кто знает, быть может, если бы мой план удался, тебе бы не пришлось так страдать!

— А кто сказал тебе, что я страдал? — невозмутимо осведомился шейх. — Как видишь, я жив и здоров. Мне плеснули, как ты выразилась, не отравы, а сонного зелья. Зара не хотела моей смерти, я просто уснул. Вы же едва не убили ее, так что сравнивать здесь нечего. Вы виновны куда больше, чем она. А теперь оставьте меня! Убирайтесь в гарем, но постарайтесь не слишком долго там задерживаться: у вас есть обязанности перед своими новыми господами...

Одна за другой бывшие наложницы понуро покинули купальню. Стоявший в дверях Хамет не понимал, что происходит. Раньше любая женщина, выходящая от его господина, блаженно улыбалась, этим же словно дали выпить по стакану уксуса. Впрочем, долго на эту тему ему размышлять не пришлось: его окликнул Джамал.

— Ты звал меня, господин? — робко спросил евнух, поспешно явившись на зов.

— И тебя, и Гаруна следовало бы сначала высесть, а затем четвертовать! — кипя от злости, проговорил шейх. — Как вам на ум пришло прислать ко мне этих... этих шлюх?

— Мы хотели порадовать тебя, господин! — пролепетал Хамет. — Ведь ты не был с женщиной с тех пор как... ну, в общем, очень давно. Если твои бывшие возлюбленные больше тебе неинтересны, позволь мне съездить на невольничий рынок и купить там нескольких девственниц, готовых удовлетворить любые твои желания.

— О Аллах! — в отчаянии вскричал Джамал. — Неужели ты до сих пор так ничего и не понял? Да не нужны мне никакие девственницы! Мне нужна только... — Внезапно он осекся на полуслове. То, чего он хотел, касалось только его самого, и ему впервые вдруг стало стыдно раскрывать душу перед безразличным, хотя и, безусловно, преданным слугой.

— Если бы господин уточнил, что именно ему нужно, я бы...

— Я устал, Хамет. Оставь меня.

Евнух обреченно вздохнул и двинулся к дверям.

— Эй, постой! — окликнул его шейх. — Найди Гаруна, пусть явится немедленно.

Джамал выбрался из воды, обтерся огромным пушистым полотенцем, затем накинул на плечи халат и прошел в небольшую комнатку, служившую ему кабинетом. Там он достал новое, остро отточенное перо, склянку с чернилами, лист пергамента и быстро набросал послание. Едва чернила успели высохнуть, вошел Гарун.

— Ты звал меня, господин? — расстроено спросил он. — Хамет сказал, что женщины не смогли услужить тебе. Если Саха чем-то обидела тебя, только скажи, и я так ее накажу, что...

— Забудь о женщинах, Гарун, они ни в чем не виноваты, дело на этот раз дело в другом. Я возвращаюсь в море. Султан уже дышит мне в затылок, так что пора переменить обстановку. Найди человека, которому бы ты верил, как себе, и пусть он доставит это письмо в Танжер капитану Брахиму.

Он свернул пергамент, запечатал его своим перстнем и вручил Гаруну.

— Ему надлежит собрать команду, позаботиться о провианте и подготовить корабль к отплытию. На это уйдет несколько дней. Пусть гонец также особо предупредит Брахима, что о моем скором отплытии никто пока не должен знать.

— Ты уверен, что поступаешь правильно, Джамал? — не на шутку встревожился Гарун. — Во имя нашей старой дружбы не обижайся на меня, но разве бегство решит твои проблемы? Я же вижу, что с тобой происходит. Берберская девчонка сидит в тебе, как

наконечник стрелы в ране. Ты без малейшего сожаления выгнал своих наложниц, но потеря Зары сводит тебя с ума. Мне кажется, было бы лучше...

— Я не спрашивал твоего совета, мой друг, — мягко, но решительно перебил его шейх. — Ты не моя совесть и не мой отец. Зара сделала свой выбор и мне остается только смириться с этим. Пусть живет как хочет, я слишком горд, чтобы бегать за ней и дальше. Если отец и соплеменники так для нее важны... то, значит, я ей не нужен. Зара подобна ветру в пустыне — летит куда хочет. Ее нельзя ни приручить, ни тем более сломать. Она часть своей земли, своего народа — гордый, вольный дух, не знающий сетей и оков.

— О Аллах! — схватился за голову Гарун. — Да ты же любишь ее! Вот уж никогда не думал, что мне будет суждено увидеть шейха Джамала Абд-Табита, терзаемого муками любви! Вокруг столько женщин, как же тебя угораздило влюбиться именно в ту, которую ты не можешь получить? О, я вовсе не имею в виду ее чувства к тебе. Принцесса Зара обречена, и ты это знаешь. Султан не успокоится, пока головы Юсуфа и его дочери не украсят шпили Мекнесской крепости. Забудь ее, пока она не довела тебя до беды!

Каждое его слово хлестало Джамала, как бич. Изо всех сил стараясь сохранить остатки самообладания, он отпустил Гаруна, отдал необходимые распоряжения Хамету и заперся у себя в опочивальне.

Только здесь шейх смог дать волю своим чувствам. Если бы он успел в Фес до начала торгов, Зара сейчас была бы с ним. Если бы он настиг тот проклятый караван раньше Юсуфа, все теперь было бы иначе... Пожалуй, со временем он даже сумел бы простить Заре ее предательство.

А может, уже простил? О Аллах, как сладостно было бы жить с ней, любить ее, иметь от нее детей...

Но судьба распорядилась иначе. Юсуф опередил его. Что ж, наверное, так даже лучше... во всяком случае, для Зары.

* * *

Джамал с головой ушел в дела, готовясь к отъезду в Танжер. Он совершенно позабыл о Сахе, Лейле и Амар, которые продолжали блаженствовать в его роскошном гареме их новые господа тоже пока не вспоминали о них, полагая, что бывшие наложницы шейха сейчас нужнее ему самому.

Приготовления к отплытию шли полным ходом, когда в Эдем из Мекнеса внезапно прибыли вооруженные солдаты Мулая Исмаила. Султан требовал немедленного присутствия Джамала в своем дворце. На вопрос шейха, в чем дело, начальник стражи ответил только, что Юсуф снова стал нападать на караваны.

Зная мстительную натуру Исмаила, Джамал подозревал, что султан задумал расправиться с ним за побег берберского кади. Судьба снова повернулась к нему спиной.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Как обычно, дворец Мулая Исмаила был полон просителей и прочей самой разношерстной публики, жаждущей аудиенции владыки. Джамала быстро провели сквозь круглую залу, где султан, сидя на резном троне, вершил государственные дела в окружении своих визирей и советников. Проходя мимо распахнутых настежь массивных дверей черного дерева с затейливой золотой отделкой, шейх успел увидеть владыку в пурпурных одеждах, сосредоточенно изучающего какой-то документ. Если султан и заметил его, то не подал виду.

Помещение, куда препроводили Джамала, тут же заперев за ним дверь, поражало скудостью своего убранства. Оно больше напоминало тюремную камеру, нежели одну из комнат для аудиенций, где шейху приходилось бывать и раньше. Узкое окно, забранное толстой решеткой, пропускало мало света, и убогая обстановка — выдавшая виды кушетка, низенький обшарпанный столик и сундук для одежды, выглядела несколько зловеще. Мрачное впечатление, правда, немного скрашивали стоявшие на столике блюдо с фруктами и пиала, от которой исходил аромат хорошо заваренного мятного чая.

Джамал не сразу заметил низенькую дверь, совершенно сливавшуюся с серой, ничем не задрапированной стеной, а когда открыл ее, то оказался сначала в крохотной купальне, а затем — в небольшом, но аккуратном садике, обнесенном неприступной стеной.

Сбежать отсюда было невозможно. Его самые худшие опасения подтвердились: он стал пленником Мулая Исмаила.

Джамалу казалось, что на него уже веет ледяным дыханием смерти, и ощущение это пришлось ему не совсем по вкусу. Он вернулся в комнату, взял с блюда яблоко, надкусил его и в задумчивости опустил на скрипучую кушетку.

Внезапно загремел замок, и в его темницу проскользнула тоненькая, как статуэтка, девушка в прозрачных одеждах рабыни. Она была очень красива: иссиня-черные волосы изящно обрамляли точеное лицо, а огромные, с поволокой, темные глаза казались бездонными, и их выражение сулило наслаждение.

— Меня зовут Зейнаб, господин, — пропел голосок, подобный звону серебряного колокольчика. — Я принесла тебе полотенца и свежую одежду. Ты позволишь мне присутствовать при твоём купании?

— Кто прислал тебя? — удивленно спросил Джамал.

— Наш великий султан, господин. Он сказал, что после долгого пути в Мекнес ты захочешь принять ванну, и велел мне прислуживать. Она кокетливо взмахнула длинными ресницами и призывно улыбнулась: — Он сказал также, что я должна исполнять любые твои желания.

Джамал не сдержал горького смешка:

— Значит, приговоренному к смерти будет позволено вкусить земных радостей, прежде чем предстать перед Всевышним?

Зейнаб, казалось, смутили его слова.

— Не понимаю, о чем ты, господин... Я здесь лишь затем, чтобы служить тебе.

— Что ж, Зейнаб, пойдем, согрей мне воду и приготовь купальню, — вздохнул Джамал. — Сначала ты вымоешь меня, а потом посмотрим, годишься ли ты еще на что-нибудь.

На самом деле его мысли, разумеется, были заняты собственной судьбой, а вовсе не любовными утехами.

Юная рабыня улыбнулась; статный молодой шейх понравился ей с первого взгляда, и доставить ему удовольствие было бы наверняка гораздо приятнее, чем толстому бородатому султану, нередко прибегавшему к ее услугам.

Расслабившись в теплой воде и наслаждаясь тем, как ручки Зейнаб умело ласкали его тело, Джамал продолжал думать о том, чего же все-таки хочет от него султан. Исмаил любил пытать свои жертвы перед смертью, но пока что все, происходившее с ним, можно было назвать как угодно, но только не пыткой. А вдруг это не более чем новая, изощренная уловка владыки, решившего отвлечь, успокоить своего «гостя» с тем, чтобы внезапный конец показался ему особенно горьким и мучительным?

Внезапно ответ пришел сам собой. Его вызвали в Мекнес вовсе не для того, чтобы казнить, и юная Зейнаб просто аванс, своего рода взятка. Джамал готов был поспорить на все свое немалое состояние, что Мулай Исмаил придумал для него какое-то новое задание, вне всякого сомнения связанное с поимкой или убийством кади Юсуфа и принцессы Зары.

Когда купание было окончено, шейх вылез из маленького бассейна и оделся во все чистое. Зейнаб заботливо помогала ему, не упуская случая скоро прикоснуться к его телу.

— Не желает ли господин проверить, на что я гожусь? — лукаво напомнила она, и ее нежные ручки обвили вокруг его шеи.

Зейнаб была молода и прекрасна. Ее тонкое, гибкое тело вызывало горячее желание, и Джамалу стоило немалых усилий не пойти на поводу у султана, рассчитывавшего именно на то, что он не выдержит и сдастся.

— Разве я тебе не нравлюсь, господин? — промурлыкала рабыня, тесно прижимаясь к нему. — Меня научили доставлять удовольствие мужчине самыми разными способами. Если тебе больше нравится смотреть, как я буду изнемогать от восторга, то у меня с собой серебряные шарики. Если хочешь, можешь меня в любой позе, я буду только счастлива. Так как же мне услужить тебе, господин?

Как ни странно, ее призывные слова, которые, казалось бы, должны были возбуждать и зажигать в мужчине страсть, вызвали у него лишь тягостное чувство, близкое к отвращению. Зейнаб было не больше пятнадцати, а вела она себя как искушенная, умудренная опытом шлюха.

— Ты подобна нежному цветку, Зейнаб, — мягко отстраняясь, ответил он, — и наверняка найдется немало мужчин, которые почли бы за счастье сорвать его... Но только не я, и только не сегодня.

Зейнаб опешила от удивления. Так с ней еще никто не обращался.

— Ты не хочешь меня?! — У нее задрожал подбородок, а на глаза навернулись слезы. Затем она неожиданно упала на колени, обняла ноги Джамала и взмолилась: — Пожалуйста, не говори об этом султану! Иначе меня накажут.

Шейх поднял ее на ноги ласково погладил по голове.

— То, что произошло или не произошло в этой комнате, останется между нами. А теперь возвращайся в гарем. Если султан спросит, я отвечу ему, что ты доставила мне поистине неземное наслаждение.

— Но почему ты не хочешь, чтобы это произошло на самом деле? — явно успокоившись, с любопытством поинтересовалась Зейнаб. — Женщины тебя не возбуждают? О, если ты хочешь мальчика, то я...

— Во имя Аллаха, прекрати нести чушь! Поверь, я никогда не был извращенцем. Я люблю женщин, но... Ну ладно раз уж ты так настаиваешь, я открою тебе один секрет. Я люблю одну женщину и хочу только ее. И это, как не трудно догадаться, не ты. Теперь понятно? Султан вздумал использовать меня для каких-то своих целей. Он подsunул мне тебя, рассчитывая, что после такого подарка я уже не смогу отказаться.

Зейнаб понимающе кивнула, расслабилась и внезапно стала выглядеть много старше своих лет.

— Той, кого ты любишь, очень повезло, вздохнула она. — Я ей от души завидую.

— А теперь иди, Зейнаб, — мягко подтолкнул ее к дверям шейх. — И скажи султану, что все, прошло именно так, как он хотел.

Рабыня выскользнула за дверь, громко заскрежетал засов, и наступила тишина.

Джамал приготовился к ожиданию, постаравшись поудобнее устроиться на узкой кушетке. Рано или поздно султан позовет его к себе и выскажется напрямик.

Он оказался прав. Не прошло и часа, как дверь снова открылась, и начальник стражи молча поманил его за собой.

Роскошно обставленная комната, куда его привели, примыкала к личным покоям султана. Здесь, помимо прочей мебели, стояли и два одинаковых кресла с высокими резными спинками.

Кресла располагались друг напротив друга, как бы подчеркивая, что, это место для серьезного разговора двух равных собеседников.

Не зная, в какое из них сесть, Джамал стоя обдумывал предстоящую встречу. Заранее он знал только одно: что бы ни предложил ему Исмаил, это не сулит ничего хорошего.

Время тянулось томительно медленно. Примерно через полчаса шелковые портьеры на одной из стен раздвинулись и вошел Мулай Исмаил. Он прошествовал к ближайшему креслу и с достоинством опустился на алую подушку сиденья. Шейх тут же опустился на колени, как и предписывал придворный ритуал.

— Встань, Джамал, — сухо произнес султан, но не предложил шейху сесть и выпить с ним чаю, как это было в прошлый раз. Так он впервые дал почувствовать свое высочайшее неудовольствие. — Думаю, тебе понравился мой маленький подарок. Я сам обучал Зейнаб искусству любви, и теперь с ней мало кто может сравниться.

— О, повелитель, она просто бесподобна, — сдержанно подтвердил Джамал. Если ожидал большего, то напрасно.

Исмаил недобро усмехнулся, его прищуренные глазки пытливо скользили по лицу шейха в поисках признаков страха. Но и здесь его ждало разочарование.

— Ты огорчил меня, Джамал, — наконец сказал он. — Очень огорчил. Я думал, что тебе можно верить. Оказывается, нет. Мне и в голову не приходило, что берберская ведьма так околдует тебя, что ты забудешь о долге перед своим господином. Побег Юсуфа на твоей совести. Ты был обязан немедленно отправить его в Мекнес, а не держать у себя в Эдеме.

— Прошу извинить меня, владыка, но все обстояло иначе, и берберская принцесса здесь абсолютно ни при чем. Едва мне стало известно, что ты снова хочешь отправить меня в море, как я настолько разволновался, что, каюсь, забыл о своем долге. Сам подумай, мой повелитель: надо отремонтировать судно, набрать новую команду, запастись провиантом, пополнить пороховой погреб, вычистить пушки и прочее оружие... в общем, дел невпроворот. Это-то и послужило причиной моего преступного невнимания. Юсуф бежал, но лишь по моей вине.

— Подумать только, какое благородство! — фыркнул Мулай Исмаил. — В прошлый раз я уже прислушался к твоим красивым речам, и это привело к беде. Мои караваны подвергаются нападению у самых ворот Мекнеса. Юсуф со своей девчонкой грабят меня и на мои же деньги покупают своим людям оружие... Я долго думал, как поступить с тобой Джамал. Не буду скрывать, ты заслуживаешь самого серьезного наказания. Вплоть до смерти. Но у меня доброе сердце, и я решил дать тебе еще одну, последнюю возможность искупить вину.

— Я не заслужил подобного великодушия, — с плохо скрытой иронией ответил Джамал.

— Конечно, не заслужил, — совершенно серьезно подхватил Исмаил, — но в память о твоём отце я дарю тебе шанс остаться в живых. Если ты и на этот раз не оправдаешь моего доверия, пощады не жди. Справишься успешно, я подарю тебе Зейнаб. Ты и представить себе не можешь, что она умеет, у нее незаурядный талант доставлять мужчинам удовольствие.

— Так скажи же, владыка, что я должен сделать? — Джамалу не терпелось узнать, что ему предстоит.

Лицо султана исказила гримаса ненависти.

— Принеси мне головы Юсуфа и его дочери. И не возвращайся до тех пор, пока в горах останется хотя бы один берберский разбойник. Мне надоело терять караваны. Ты не дурак, Джамал, и понимаешь, что еще одной неудачи я не потерплю. И никакого снисхождения к Заре не проявляй, она слишком похожа на своего отца. Я все сказал. Я велю передать в твоё распоряжение сотню отборных солдат.

— А если я откажусь? — с вызовом спросил Джамал. Устроить охоту на женщину, которую он любит? Это казалось диким.

— Не откажешься, — усмехнулся султан, — ты слишком любишь жизнь. На рассвете Хасдай зайдет за тобой. Возвращайся с победой, иначе... Все, можешь идти.

Джамал молча поклонился и направился к выходу, где его ждала стража. Спорить с султаном было бесполезно. Если же он упрется и наотрез откажется искать Юсуфа, вместо него пошлют кого-нибудь другого, а его самого казнят, и тогда вообще никто не сможет встать между злым султаном и прекрасной Зарой. Пока же ему дарованы жизнь и свобода, он сумеет постоять за себя и... за других.

* * *

Как и обещал султан, на рассвете дверь темницы Джамала распахнулась и вошел Хасдай.

— Да благословит Аллах начало нового дня! — набожно поклонившись в сторону Мекки, сказал он и повернулся к Джамалу: — Приветствую тебя, господин. Сто лучших воинов ждут тебя у ворот. Я отобрал самых проверенных и свирепых, тех, кто даже при одном упоминании о берберах рычит от ненависти. Они помогут тебе найти непокорного кади и расправиться с ним.

— И я приветствую тебя, Хасдай, — коротко бросил Джамал, выходя в коридор. Его переполняли самые мрачные предчувствия, и он не был в настроении ни с кем беседовать.

Во дворе шейх окинул изучающим взглядом построившихся солдат султана и... замер от удивления: неподалеку стоял еще один небольшой отряд во главе с Гаруном.

— Они прибыли из Эдема час назад, — негромко пояснил Хасдай. — Если хочешь, можешь тащить их собой.

Настроение Джамала при виде знакомых лиц немного улучшилось, и, едва Хасдай

отошел проверить выючных верблюдов, он поспешил к Гаруну. Тот, не слезая с коня, с грустной улыбкой приложил правую руку к груди и склонился в полупоклоне:

— Я подумал, что мы можем тебе понадобиться. В Эдеме все были обеспокоены этим срочным вызовом в Мекнес, и мы поспешили вслед за тобой. Хасдай мне все объяснил. У тебя нет выбора, Джамал. Если тебе дорога жизнь, ты должен выполнить приказ султана. Юсуфу и Заре подписали смертный приговор, и не в твоих силах что-либо изменить.

Шейх молча подошел к Касыму, похлопал его по шее и вскочил в седло. Подчиненные ему солдаты замерли в ожидании приказа выступить, но Джамал медлил. Почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, он интуитивно поднял глаза и скрипнул зубами от ярости: на балконе башни, самодовольно улыбаясь, стоял султан. Шейх резко вскинул руку, и отряд с шиканьем и свистом сорвался с места.

* * *

Зара с удивлением следила за Рашидом, вихрем примчавшимся в лагерь и остановившим своего верблюда у шатра Юсуфа. Кади вышел ему навстречу, и девушка поспешила к нему, чтобы узнать последние новости.

Прежде чем расспрашивать Рашида, Юсуф, по обычаю, предложил ему выпить чаю, и все вошли в шатер. Зара быстро приготовила ароматный напиток, гонец с благодарностью взял пиалу, сделал глоток и только после этого заговорил:

— Шейха Джамала под охраной доставили в Мекнес. Гарун последовал за ним, взяв с собой небольшой отряд. Я решил, что тебе будет полезно это знать.

— Ты прав, друг, — кивнул Юсуф, — спасибо. Что еще удалось тебе узнать?

— Ходят разные слухи, но наихудшие, к сожалению, похожи на правду. Под начало шейха Джамала отдано сто отборных солдат армии султана. Ему приказано привезти тебя и Зару в Мекнес живыми или мертвыми.

— Аллах нас защитит, — с немало удивившей мужчин уверенностью сказала Зара. — Джамал не такой человек, чтобы устраивать бойню. Он не палач, и никакой приказ султана не может его изменить.

— Что-то я не знаю никого, кто бы нарушил приказ Мулая Исмаила и остался после этого в живых, — не без ехидства заметил Юсуф. — Даже если Джамал решится на такое, его никогда не поддержат солдаты.

Кади был умен и наблюдателен, он давно уже понял, что Зара всерьез увлечена молодым шейхом и не находит себе места с тех пор, как они бежали из Эдема. Знал он также и то, что из этой любви ничего не выйдет, просто не может выйти, и от души жалел дочь.

— Что же нам делать? — встревожилась она. — Если на нас действительно устроят облаву, то рано или поздно затравят, как диких зверей.

— Надо уходить на юг, в Атласские горы, — ответил Юсуф. — В крайнем случае, перевалив через хребет, мы сможем спрятаться в пустыне. — Внезапно он улыбнулся и добавил: — Твоему Джамалу придется изрядно побегать, чтобы найти нас.

— Никакой он не мой, — изрядно смутившись, с болью в голосе сказала Зара и добавила: — Он... он враг!

Спустя несколько часов караван Синих Людей уже держал путь в сторону Атласа.

* * *

— Они здесь проходили, — сказал Гарун, наклоняясь над твердой каменистой землей.

— Как давно? — спросил Джамал.

— Трудно сказать. Может, два дня назад, может, две недели... кто знает!

Втайне Джамал был рад тому, что кади Юсуф успел уйти далеко вперед. Шейх еще не знал, как поступить, если они вдруг наткнутся на лагерь берберов. Неминуемо вспыхнет бой, и Зара может погибнуть... Ее жизнь и безопасность с каждым днем, с каждым часом значили для него все больше. Слава Аллаху, у него еще было время подумать... и решить, что делать дальше.

— Они направляются в Атласские горы, — предположил Гарун, когда дороги Рифских гор остались далеко позади. — Юсуф умен. Если ему удастся добраться до границы Сахары, мы никогда не найдем Синих Людей среди моря барханов.

— Наверное, нам лучше вернуться в Мекнес и объяснить это султану, — предложил Джамал — это дало бы Заре и ее отцу еще несколько недель отсрочки.

— Ты в своем уме?! — гневно сверкнул на него глазами Хасдай. — Приказ владыки ясен, как день: искать Юсуфа до тех пор, пока не найдем. Если ты не ценишь свою жизнь, то мне моя дорога. О, не зря Исмаил велел мне приглядывать за тобой! Он считает, что тебе уже нельзя верить, как раньше. С тех пор как берберская принцесса попала в Эдем, с тобой стали происходить странные вещи. Помилуй Аллах, по словам Султана, дошло даже до того, что ты сначала поймал Юсуфа, а потом чуть ли не отпустил его!

— Я не отпускал Юсуфа, — устало вздохнул Джамал. — Это долгая история, Хасдай, и ты все равно ничего не поймешь, так что позволь мне ее не рассказывать... Ну что, едем дальше?

Этот разговор подтвердил подозрения шейха: люди Исмаила не спускали с него глаз. Значит, надо быть осторожнее в словах и поступках. Пусть их бдительность притупится, иначе в решающий момент ему придется совсем туго.

Погоня продолжалась. Неделя проходила за неделей, но они не встречали никаких следов Синих Людей. Отряд перевалил через южный хребет Высокого Атласа и спускался теперь по поросшему лесом горному склону к краю пустыни.

Впереди лежала бескрайняя Сахара, и Хасдай решил остановиться на несколько дней, чтобы запастись водой и провиантом, прежде чем углубляться в пески.

Тем вечером они остановились на ночлег у самой границы пустыни. Пока солдаты разбивали лагерь, Хасдай выставил часовых и послал несколько человек разведать окрестности. Не прошло и часа, как они примчались назад с возбужденно горящими глазами и доложили, что совсем рядом, за каменистой грядой, у излучины обмелевшей речушки, стоят берберские шатры. У Джамала упало сердце.

— Атакуем на рассвете, когда они меньше всего будут нас ждать, — мрачно усмехнулся Хасдай, кликнул помощника и начал быстро отдавать приказы. Когда тот кинулся исполнять их, он повернулся к Джамалу и с подозрением спросил: — Согласен ли господин с моим решением?

Шейх был готов убить его на месте, но что бы это изменило?

— Совершенно согласен, — ответил он, стараясь ничем не выдать своего состояния. — А теперь извини, мне надо заняться моими людьми и оружием.

Гарун стоял неподалеку и все слышал.

— Какие будут распоряжения, господин? — негромко спросил он.

— Я должен предупредить Зару.

— Но это же предательство! — ахнул Гарун.

Глаза Джамала лучше всяких слов отражали внутреннюю борьбу, разрывавшую его душу на части. Если он исполнит приказ султана, то Зара погибнет. Если предупредит ее, то

предаст своего владыку. Любое решение было невероятно тяжелым, но его сердце уже сделало свой выбор.

— Я хорошо знаю Мулая Исмаила, друг мой, в волнении сжимая и разжимая кулаки, ответил шейх. — Он жесток и бессердечен, ничто не доставляет ему такого удовольствия, как созерцание пыток. А теперь представь себе, что сделает он с Зарой и ее отцом. Я не могу этого допустить. Я уважаю твои чувства, Гарун, и не могу требовать, чтобы ты поступился ради меня своей честью. Можешь считать себя свободным ото всех обязательств передо мной.

Гарун растерянно заморгал и отступил на шаг.

— Ты гонишь меня?

— Да. Это единственный способ спасти тебя от гнева султана. Я не хочу, чтобы из-за меня кто-то страдал.

— Я твой друг, — решительно тряхнул головой Гарун, и в его голосе прозвучала обида. — Друг и преданный слуга. Я не могу бросить тебя в беде. Кроме того, я не испытываю особой любви к Мулаю Исмаилу. Кто он мне? Что хорошего сделал? Мой отец был слугой и другом твоего отца. Они вместе сражались и вместе погибли. Мы с детства вместе. Нет, делай со мной что хочешь, но я останусь с тобой.

Джамал был тронут до глубины души.

— Хорошо. Мне и вправду может понадобиться твоя помощь.

— Скажи, что надо делать?

— Пока ничего. Когда люди Хасдая улягутся спать, я проберусь в лагерь Юсуфа, а как быть дальше — решу на месте.

— Я пойду с тобой.

— Это очень опасно.

— Знаю. Но без меня тебя точно сцапают либо наши часовые, либо берберские.

— Отправляйся в шатер, когда все утомонятся, я за тобой зайду. Молись, чтобы ночь была темной.

* * *

Прошло не меньше часа, прежде чем полог шатра поднялся и раздался шепот Гаруна:

— Пора, Джамал! Хасдай ушел к себе, остальные спят. Я предупредил наших людей, чтобы, в случае чего, нам дали знать.

Ночь была холодной, но черная шерстяная джеллаба шейха надежно защищала его от пронизывающего ветра. Сам Аллах, казалось, помогал им: тучи скрыли луну, и их лагерь окутал непроглядный мрак.

— Давай поделимся и доберемся до лошадей поодиночке, — шепнул Джамал. — Смотри, не наткнись на часовых.

Шейх и Гарун добрались до своих лошадей почти одновременно, взяли их под уздцы и, стараясь не шуметь, отвели подальше от лагеря. Там они вскочили в седла и помчались вперед.

* * *

Зара проснулась оттого, что внезапно стало нечем дышать. Чья-то ладонь крепко зажала ей рот. Она в испуге открыла глаза. В шатре было темно, ночной гость предусмотрительно погасил масляную лампу.

— Не сопротивляйся и не кричи, принцесса, я не причиню тебе вреда, — раздался над ухом знакомый шепот.

Джамал! Зара попыталась вырваться, но он придавил ее к земле.

Ее охватил ужас. Все кончено! Теперь Джамал отвезет их с отцом в Мекнес, где их ждет топор палача...

— Если ты обещаешь не поднимать шума, я отпущу тебя. Поверь мне, Зара, я не сделаю тебе ничего плохого. На этот раз я пришел, чтобы помочь. Так я могу убрать руку?

Принцесса решительно кивнула, хотя и не поверила ни одному его слову. Пусть он только снимет ладонь с ее губ... Или, может, стоит сначала выслушать его? Закричать она всегда успеет.

Джамал отпустил Зару, помог ей сесть и опустился рядом.

— Слава Аллаху, я успел вовремя. Через несколько часов, на рассвете, здесь будут солдаты Хасдая. Тебе немедленно надо уходить. Собери свои вещи, мой конь ждет неподалеку.

— Одна я никуда не пойду, — твердо заявила Зара. — Мне надо предупредить отца.

— Послушай, я не могу ждать. Собирайся быстрее, иначе мне придется связать тебя и увезти силой.

— Ты можешь как-нибудь задержать солдат? — взмолилась Зара. — Если нет, то позволь мне хотя бы предупредить отца. Пойми, я не могу бежать, бросив его на произвол судьбы! И не только его, но и моих соплеменников. Здесь же женщины и дети! У тебя что, совсем нет сердца?

Ее слова, казалось, не произвели на него никакого впечатления, и она в отчаянии принялась колотить кулачками по его груди. Джамал схватил ее за руки, и она открыла рот, собираясь крикнуть... У шейха оставался лишь один способ помешать ей, и он не преминул им воспользоваться: их губы встретились и слились в жарком поцелуе.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Одного прикосновения Джамала было достаточно, чтобы в теле Зары вспыхнула и разлилась горячая волна желаний. Ее дыхание участилось, пальцы сами собой вцепились в его джеллабу, а голова покорно откинулась назад. Охваченный тем же чувством, шейх негромко застонал и повалил Зару на устланный мягкими коврами пол...

Эти часы перед рассветом, полные опасности и страсти, стали часами любви, вся острая, неповторимая полнота которой, казалось, открылась Заре впервые. Она не помнила и не думала ни о чем, кроме одного: он здесь, он рядом, он пришел, он любит ее... Они давно уже скинули одежду и истово наслаждались телом друг друга. Зара охотно, даже радостно отдавалась ему снова и снова, а Джамал был неутомим, черпая в каждом проникновении в сладостную плоть своей возлюбленной новые силы.

Наконец, когда далекий горизонт окрасили первые лучи восходящего солнца, Джамал пришел в себя; словно опомнившись, он вскочил на ноги и быстро оделся.

— О Аллах! — в отчаянии простонал он. — Я совсем потерял голову... Ты просто околдовала меня, и я обо всем забыл. Прости, но едва я увидел тебя, просто перестал владеть собой. Вставай, дорогая, времени совсем не осталось. Мы должны были быть уже далеко отсюда.

Зара еще не совсем оправилась после бурной ночи, ее затуманенный взор недоумевающе скользил по напряженному лицу Джамала. Наконец смысл его слов дошел до нее, и она резко села. Сознание прояснилось. Горькая правда реальной жизни вновь встала перед ней во всей своей устрашающей наготе.

— Поторопись, — нервно повторил Джамал. — Нам надо ехать.

— Я уже сказала, что не пойду с тобой, — с трудом выговорила она. — Я не могу бросить отца. Пойми, Джамал, я, похоже, действительно стала относиться к тебе по-другому, но ни это, ни то, что произошло между нами, не может изменить моего решения.

— Даже если вам снова удастся бежать, султан найдет вас и казнит. Это вопрос времени, поверь мне. Раз уж Мулай Исмаил чего-то захотел, он не отступится, пока не получит желаемого. И рано или поздно голова Юсуфа все равно украсит шпиль одной из дворцовых башен.

Губы Зары упрямо сжались:

— Ты хочешь запугать меня?

— О нет, к сожалению... Я с тобой предельно откровенен. Пожалуйста, не теряй времени, Зара. Ты куда уязвимее своего отца, он-то по крайней мере сможет за себя постоять. Если же вас схватят вместе, страх за тебя свяжет ему руки. Представь себе, каково будет Юсуфу смотреть на твои мучения в подвале пыток Мекнесского дворца. Что он сможет сделать? Ничего! А так ему хотя бы останется шанс с честью погибнуть на поле боя.

— Нет! — в ужасе воскликнула Зара. — Его надо предупредить! У нас есть еще время, чтобы спастись самим и увести людей!

Джамал никогда не поднимал руку на женщин и всю жизнь презирал мужчин, которые не задумываясь пускали в ход кулаки или кнут, но Зара не оставляла ему выбора.

— Прости меня, принцесса, — вздохнул он, — Аллах свидетель, я не хотел этого делать, но и оставить тебя здесь я тоже не могу. Это слишком опасно.

— Постой! — встрепелась Зара. — Ты не можешь...

Шейх не дал ей договорить. Мелькнув, подобно молнии, его кулак нанес ей достаточно сильный, но хорошо рассчитанный удар в подбородок. Ее голова запрокинулась, и она потеряла сознание.

Подхватив на руки бесчувственное тело принцессы, Джамал с раскаянием произнес:

— Надеюсь, дорогая, ты когда-нибудь простишь меня.

Сказав это, он вышел из шатра и, крепко прижимая к груди свою драгоценную ношу, быстро покинул берберский лагерь.

Гарун ждал его в условленном месте.

— Слава Аллаху, ты вернулся! — с облегчением вздохнул он. — Я уж подумал, что тебя схватили и требуется моя помощь.

— Я же запретил тебе вмешиваться, что бы ни случилось, — проворчал Джамал. — Но ты зря беспокоился, все прошло удачно.

— Мне кажется, не обошлось без осложнений? — кивнул он на бездыханное тело в руках своего господина. — Что с ней?

— Она без сознания, — неохотно ответил Джамал. — На уговоры времени не оставалось вот и пришлось, хм-м, прибегнуть к более действенным методам.

— Понятно, — усмехнулся Гарун. — Если бы ты и раньше был с ней пожестче, все могло б сложиться иначе. Впрочем; что сейчас об этом говорить... Если у тебя есть какой-то план, то не пора ли поделиться им со мной?

— Именно так я собирался поступить, друг мой, — кивнул Джамал. — Ты отвезешь Зару в Эдем и будешь ждать меня там. Садись в седло, я передам ее тебе. Когда доберешься до ближайшей деревни, купи ей коня или верблюда.

— А ты? — нетерпеливо спросил Гарун. — Что ты собираешься делать?

— Тебе это вряд ли понравится; поэтому оставайся лучше вневедении, — усмехнулся Джамал, поцеловал Зару в губы и протянул ее Гаруну. — Береги ее, мой друг. Помни, что она мне дороже жизни. Возьми и этот кошелек, здесь хватит золота для вас обоих.

— Мне нелегко будет выполнить твое поручение, — покачал головой Гарун, беря деньги. — Не позавидовал бы я тому, кто окажется рядом, когда она придет в себя. Зара — дикая кошка, и, боюсь, мы вряд ли доедем вместе до Эдема.

— Делай что хочешь, но она не должна вернуться к отцу, — твердо сказал Джамал.

— Как ты объяснишь Хасдаю мое отсутствие?

— Что-нибудь придумаю. Будь осторожен, старайся избегать проторенных путей. В Эдеме же скажи Нафисе и Хамету, чтобы они заперли Зару в гареме и не спускали с нее глаз. Я сам разберусь с ней, когда вернусь.

— Да сопутствует тебе удача! — в прощальном жесте поднял руку Гарун. — Не хочу беречь твою душу, но не забывай, что теперь ты враг султана и он не успокоится, пока не отомстит.

— Это мое дело, Гарун. Поезжай и постарайся нигде не задерживаться. Да благословит тебя Аллах!

— И тебя тоже! — ответил он и тронул коня.

Джамал проводил его взглядом и, вздохнув, снова направился в сторону берберского лагеря. Зара ни за что не простит его, если он бросит Юсуфа и его людей на произвол судьбы, даже не предупредив о грозящей опасности.

Несколько часов назад шейх потратил немало времени, прежде чем нашел шатер Зары, теперь же, чтобы как можно быстрее встретиться с Юсуфом, ему оставалось только одно:

«случайно» наткнуться на часового. Он шел открыто, не скрываясь и не пытаясь приглушить шаги, но берберский лагерь, казалось, вымер, видимо, беглецы чувствовали себя уже в безопасности и ослабили бдительность.

Наконец, когда до шатров оставалось всего несколько метров, его план сработал: раздался грубый окрик, и ему навстречу выскочили два заспанных стражника с копьями наперевес. Джамал молча развел руки в стороны, показывая, что безоружен и не собирается бежать.

Вскоре на шум вышел и сам берберский кади.

— Ты? Здесь? — изумился он. — Клянусь бородой пророка, я или все еще сплю, или Аллах лишил тебя разума. Как ты нас нашел? Где твои люди?

— Я пришел один, — спокойно ответил Джамал. — Прикажи всем уйти, нам надо поговорить без свидетелей.

Юсуф подозрительно покосился на шатер Зары. Почему она не выходит? Неужели еще не проснулась, несмотря на шум?

— Ладно, — наконец сказал он, — следуй за мной. — Дело, похоже, важное, иначе ты бы вряд ли осмелился явиться сюда в одиночку. Но помни, если это, какая-то хитрость, тебе не сносить головы.

Джамал кивнул в ответ и вошел вслед за кади в его шатер. Юсуф зажег масляную лампу и сурово взглянул на него.

— Говори, чего ты хочешь.

— Я должен предупредить тебя. Меньше чем в полчаса езды отсюда стоят лагерем солдаты султана. Они обнаружили ваш лагерь вчера и собираются атаковать на рассвете. Торопитесь, у вас мало времени.

— А почему я должен верить тебе? — подозрительно прищурился Юсуф. — Ты ведь служишь султану.

— Я служу только самому себе, а сюда пришел ради Зары. Я намерен жениться на ней и не хочу, чтобы твоя смерть омрачила наше будущее счастье.

— Намерен жениться! — возмущенно фыркнул Юсуф. — До чего же ты самоуверен, шейх Джамал. Давай позовем сюда Зару и спросим у нее, что она думает по этому поводу. Мою дочь не так-то легко заставить выйти замуж против ее воли.

— Давай не будем сейчас спорить об этом, Юсуф, у тебя не так много времени. Скоро здесь будут солдаты султана. Немедленно сворачивай лагерь и уходи. Исмаилу нужна твоя голова. Возможно, тебе на это наплевать, но мне далеко не безразлично, что будет с Зарой, поэтому она поедет со мной.

— Не думаю, что тебе удастся ее уговорить, — задумчиво покачал головой кади. Он начинал верить, что шейх хочет только добра, но слишком хорошо знал строптивый нрав своей дочери.

Джамал собрался с духом и сказал:

— Зары в лагере уже нет. Около часа назад она уехала в Эдем в сопровождении верного мне человека. Как только смогу, я присоединюсь к ним.

Вне себя от ярости, Юсуф схватился было за ятаган, но вовремя опомнился.

— Она сделала это добровольно?

— Нет, — честно признался Джамал. — К сожалению, она отказалась покинуть лагерь, не предупредив тебя, и мне пришлось... отправить ее насильно. Зара значит для меня все, хотя и видит во мне врага. Но, клянусь, настанет время, когда я докажу ей свою любовь.

Лицо Юсуфа смягчилось.

— Я мог бы убить тебя, Джамал, но это не поможет мне вернуть дочь. К несчастью, ты прав. Султан гонит меня по всей стране, как дикого зверя, и рано или поздно прикончит. Если Зара будет со мной, ее постигнет та же судьба... Ты действительно любишь ее?

— Я по ней просто с ума схожу, — признался Джамал. — И люблю такую, какая она есть, вздорную, непокорную, капризную. Еще никогда в жизни я не встречал женщину, которая вызвала бы в моем сердце столь сильное чувство, и я своей жизнью отвечаю за ее счастье.

Юсуф удовлетворенно кивнул. Для избалованного, сластолюбивого мужчины, слывшего первым красавцем далеко за пределами своей страны, это было невероятное признание.

— Похоже, ты неплохо изучил мою дочь, шейх Джамал. Если помнишь, я как-то уже предлагал тебе взять Зару в жены, а ты хотел сделать из нее наложницу.

— Тогда мне глаза застила похоть, и я вел себя как дурак. Но мы теряем драгоценное время. Я должен вернуться к себе до того, как меня хватятся. Предателей ждет плаха... Куда ты думаешь направиться?

Юсуф задумчиво поскреб в затылке и пожал плечами:

— Пока не решил.

— У меня есть предложение, — сказал Джамал. — Хорошо ли ты знаешь Западную Сахару?

— Достаточно, чтобы не умереть от голода и жажды, — усмехнулся кади. — Мы ведь номады, Джамал, кочевники, идем туда, куда влекут нас ветры.

— Я советую тебе укрыться там. Когда сюда явится Хасдай со своими солдатами, он увидит следы, ведущие в пески, и не рискнет искать тебя в пустыне. А через некоторое время ты сможешь вернуться в Рифские горы, но, если хочешь, чтобы тебя оставили в покое, лучше не трогай караваны султана. Ты и так уже хорошо поживился за его счет.

— Благодарю тебя за совет, Джамал, и вижу, что дан он от чистого сердца, однако понапрасну обещать ничего не стану. Пойми, хоть я и кади, но за мной стоит мой народ, его воля и его нужды. Мулай Исмаил обложил нас такими податями, что сам превратил в разбойников. Мы грабим, чтобы выжить. Я могу лишь попытаться удержать своих людей в Рифской крепости в течение этой зимы, но не дольше. Прощай, Джамал, и береги мою дочь.

Они обменялись ритуальными поклонами, и шейх покинул лагерь.

* * *

Привязав Касыма рядом с другими лошадьми, Джамал бесшумно проскользнул в свой шатер и лег не раздеваясь. Ему казалось, что он слишком возбужден, чтобы уснуть, однако вскоре его веки отяжелели и сомкнулись.

Но едва сон коснулся его глаз, полог шатра распахнулся, и вошли два вооруженных солдата, с которыми следовал Хасдай. Джамал резко сел на своем ложе и с хорошо разыгранным недоумением уставился на них.

— Что это значит? — требовательно спросил он. — На нас напали?

— Нет, — сухо бросил Хасдай, в его глазах вспыхивали и гасли недобрые искры.

— Тогда, быть может, вы ошиблись шатром?

— Где ты был? — не удостоив шейха ответом спросил Хасдай.

— Выходил облегчиться, — брякнул Джамал первое, что пришло в голову.

— Похоже, это была большая тяжесть, усмехнулся солдат, — ведь ты отсутствовал всю ночь.

— А имеешь ли ты право допрашивать меня, раб? — негодуяюще воззрился на него шейх.

— Боюсь, что да, господин, — спокойно ответил Хасдай. — Такое право дал мне сам великий... султан. Часовой видел, как ты и твой слуга покидали лагерь, но не придал этому значения. Однако вас не было слишком долго, и я уже собрался послать людей на поиски, когда ты вернулся. Кстати, где Гарун?

— Мне не спалось, и мы решили немного проехаться вокруг.

— Где Гарун? — невозмутимо повторил Хасдай.

— Я послал его в Танжер с важным поручением. — Джамал сказал первое, что пришло на ум.

— Ночью?

— Дело не терпит отлагательств. Капитан моего корабля ждет меня в Танжерской гавани. «Грабитель» давно готов к новому рейду, но меня, как ты знаешь, срочно вызвали в Мекнес, и я не успел предупредить Брахима, что выход в море откладывается.

Это была ложь, шитая белыми нитками, но Джамал не смог придумать лучшего объяснения.

— У меня нет оснований сомневаться в твоих словах, господин, — сухо кивнул Хасдай, — но, надеюсь, тебя не обидит, если во время атаки рядом с тобой будет пара моих солдат. Это для твоей безопасности... А теперь поднимай своих людей, мы выступаем. Да поможет нам Аллах!

Когда он отошел достаточно далеко, Джамал действительно поспешил к своим воинам, но вовсе не затем, чтобы готовить их к нападению. Быстро объяснив им, куда и зачем на самом деле уехал Гарун, он велел воспользоваться суматохой сборов, незаметно покинуть лагерь и поспешить в Эдем. Гаруну надлежало срочно отвезти Зару на «Грабитель» и отправить в Англию, к матери шейха. Если солдаты Джамала и были удивлены, то ничем не выдали своих чувств: они были по-настоящему преданы своему господину, и его приказ обсуждению не подлежал.

Их снова постигла неудача — враг ушел. То, что лагерь сворачивали в страшной спешке, было совершенно очевидно: повсюду валялись какие-то забытые мелочи, рваная упряжь, колья от шатров. Никогда еще осторожные берберы не оставляли столько следов.

Хасдай в гневе сломал рукоять плетки и сплюнул на песок.

— Их предупредили! — глухо прорычал он. — И теперь Юсуф ушел в пески и надеется, что мы не осмелимся преследовать его там. О Аллах, за что ты отвернулся от нас?

Его горящий яростью взор остановился на Джамале.

— Ты арестован, за предательство.

— Аллах совсем лишил тебя рассудка? — с напускным возмущением воскликнул тот.

— Взять его! — рявкнул Хасдай, и два солдата мгновенно скрутили шейху руки.

— Где твои люди? — внезапно спросил чернокожий исполин, оглядываясь по сторонам. — Ты отослал, их? Что ж, вовремя, иначе они разделили бы твою судьбу — судьбу предателя. Когда вернемся в Мекнес, владыка сурово покарает тебя. Пеняй на себя — ты сам сделал свой выбор.

Стараясь смириться с неизбежным, Джамал мрачно кивнул.

— Как скоро меня отправят в Мекнес? — спросил он.

— Не сейчас. Владыка не простит мне, если не воспользуюсь моментом и не попытаюсь догнать Юсуфа, пока он не ушел глубоко в пустыню. Ты же под стражей отправишься в лагерь, будешь ждать нас там.

— Преследовать Юсуфа в песках — безумие, — заметил шейх. — Твои лошади увязнут в первом же бархане, ты не знаешь, где искать воду... Смотри, Хасдай, и сам погибнешь, и людей погубишь.

— Довольно! — визгливо крикнул тот. — Ты предал нас, а теперь смеешь давать советы?

Джамал только пожал плечами.

* * *

Зара медленно приходила в себя. Две вещи она поняла сразу: во-первых, ее куда-то везут на лошади, а во-вторых, ей не давала упасть из седла чья-то сильная рука. В том, что это рука не Джамала, у нее не было никаких сомнений. Эта рука была широко костной и мясистой с короткими толстыми пальцами — ничего общего с утонченной аристократичностью молодого шейха.

— Ты очнулась? Это хорошо, — сказал Гарун, увидев, что девушка открыла глаза.

Челюсть отчаянно болела. Почему? Кто это сделал? Память подсказала ей ответ, и приступ злости заставил ее выпрямиться.

— Он ударил меня! Джамал меня ударил! Зачем он это сделал, Гарун?

— Для твоего же блага. Иначе тебя невозможно было заставить покинуть лагерь. Во всем виновато твое упрямство.

— Где он? Куда ты меня везешь?

— Джамал остался с отрядом, а я везу тебя в Эдем, где ты будешь в безопасности.

— Так, значит, моему отцу все еще грозит опасность! Джамал нападет на наш лагерь! — Зара повернулась в седле и уперлась кулачками в грудь Гаруна. — Разворачивай коня, мне необходимо их предупредить!

— Я дал слово своему другу и господину, что доставлю тебя в Эдем. Успокойся, Зара, Джамал не допустит, чтобы твой отец пострадал.

— Правда? — оживилась она. — Он тебе так сказал?

— Нет, да ему и не надо было ничего говорить. Я слишком давно его знаю. Он любит тебя, значит, сделает все, чтобы смерть отца не заставила тебя страдать. После нашего отъезда он вернулся в твой лагерь и, полагаю, предупредил твоего отца.

— Ты уверен, что он это сделал?

— Совершенно уверенным можно быть только в одном, — невесело усмехнулся Гарун, — в том что все мы смертны.

— Тогда мы должны вернуться.

— Слишком поздно. Мы недалеко от Тинерхира, деревни, где Джамал велел мне купить для тебя лошадь. Кроме того, для путешествия через Высокий Атлас нам надо запастись провизией.

Зара ничего не ответила, но про себя твердо решила, что никуда не поедет, не узнав, что произошло там, на краю пустыни. Кроме того, Джамал ударил ее, а она никому не позволит поднимать на себя руку. Пока же надо вести себя покорно, чтобы Гарун ничего не заподозрил...

Успокоенный ее кажущимся смирением, Гарун и в самом деле подумал, что поручение шейха оказалось не столь сложным, как он ожидал вначале.

Гарун спал, завернувшись в одеяло и положив голову на седло. От запястья его правой руки тянулся тонкий, но прочный кожаный ремень, другой конец которого был накрепко привязан к щиколотке Зары. Он делал так каждую ночь, и, казалось, берберская принцесса

молча выносила это унижение. На самом же деле, едва он засыпал, она набрасывалась на замысловатый узел, но все ее усилия развязать его заканчивались ничем.

Этой же ночью узел поддался. Не прошло и пяти минут, как принцесса, освободившись, осторожно прокралась к лошадям. В Тинерхире Гарун купил ей чистокровного арабского скакуна, настоящего красавца, и она с первого взгляда полюбила его.

Не теряя времени на седло и уздечку, Зара отвела коня подальше, вскочила ему на спину и растворилась в ночи. Гарун обнаружил побег только на рассвете, когда его разбудили первые лучи солнца. Он глухо выругался, но особо расстраиваться не стал: Да, ее выходка означала досадную задержку, но ему слишком хорошо было известно, куда направилась беглянка, и оставалось лишь следовать за ней.

Хасдая и его людей не было семь дней. Все это время Джамал провел в лагере под бдительной охраной шестерых чернокожих солдат, почитавших своего начальника не меньше Аллаха. Руки шейха почти постоянно были связаны, свободу передвижения ему максимально ограничили, так что о побеге не могло быть и речи.

Отряд султана вернулся с пустыми руками. Обозленный неудачей, Хасдай приказал сворачивать лагерь и возвращаться в Мекнес.

Он впервые подвел своего владыку, и виновен в этом был шейх Джамал.

Зара скорчилась за огромным валуном, нависавшим над горной тропой, по которой неторопливой вереницей двигалась конница Мулая Исмаила. Еще задолго до появления первого всадника, которым, разумеется, был Хасдай, чуткое ухо Зары уловило далекий стук копыт. И она успела найти надежное укрытие.

Всадники, кажущиеся сверху совсем не грозными, проплывали под ней один за другим, и она уже начала терять интерес к этому зрелищу, когда вдруг увидела Джамала. Он ехал в плотном кольце стражи, его руки были связаны за спиной, оставляя ему возможность управлять конем только коленями. Зара едва не вскрикнула. Джамал пленник? Но почему?

Значит, Гарун не солгал. Шейх действительно вернулся в лагерь и предупредил кади Юсуфа. Отец успел увести своих людей, и предательство Джамала раскрылось. Теперь его ждала верная смерть.

Погруженная в эти гнетущие мысли, оглушенная топотом копыт и фырканием лошадей проходящей мимо конницы, девушка не услышала легкие шаги за спиной. Внезапно чья-то рука закрыла ей рот, и она в ужасе обернулась.

— Не вздумай крикнуть. Тогда нам конец!

Гарун! Как он сумел так быстро найти ее? Зара кивнула, и он отпустил ее.

— Ты знаешь, что случилось? — быстро шепнула она. — Джамала схватили!

Лицо Гаруна помрачнело.

— Выходит, он оказался прав. Теперь его везут в Мекнес на пытки и казнь.

— О Аллах! — простонала Зара. — Неужели мы ничего не можем сделать? А где люди Джамала, почему их не видно?

— Он наверняка отослал их из лагеря... и этим спас, поставив под удар только себя. Нас двое, а у Хасдая сотня солдат. Мы бессильны помочь ему, Зара.

Да, все было против них. Что делать? Ввязываться в драку бессмысленно, но и время терять нельзя, ведь каждый час, каждая минута приближают Джамала к плахе. Ах, если бы только... Мозг Зары лихорадочно заработал.

— Мы должны найти отца, — решительно сказала она. — Он поможет нам спасти шейха.

— Кади Юсуф и его люди сейчас далеко, в песках Сахары, — покачал головой Гарун. — Я уверен в этом, ведь только там он мог скрыться от Хасдая.

— Но Хасдай возвращается в Мекнес, и, значит, отцу нет больше смысла отсиживаться в пустыне.

— Куда же он, по-твоему, направится?

— Назад, в Рифские горы. Исмаилу и в голову не придет снова искать его там. В лагере было много женщин и детей, они устали от тяжелых переходов и хотят домой. К тому же близится зима. Наша деревня в горах окружена надежными стенами, это настоящая крепость, и там нам неопасны никакие атаки солдат султана. Надо спешить, Гарун.

Если на то будет воля Аллаха, отец спасет Джамала

* * *

Три недели спустя, перевалив через отроги Высокого Атласа и обойдя стороной Мекнес, они добрались до берберской деревни, где родилась Зара. За день до них туда же прибыл Юсуф.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Появление Зары в деревне было для Юсуфа полной неожиданностью. Внутренне он уже смирился с потерей, и вот она снова с ним и молит помочь человеку, отнявшему у нее свободу. Конечно, Юсуф понимал, что Джамал по-настоящему любит его дочь, но рисковать собственной жизнью ради шейха все же не хотел. Дело казалось абсолютно безнадежным, шансы Джамала сохранить голову на плечах равнялись нулю.

— Прощу тебя, отец, — молила Зара, — не забывай, что мы обязаны ему жизнью. Не могу понять, как Хасдай узнал об измене, но в любом случае наш долг — помочь Джамалу.

Юсуф посмотрел на встревоженное лицо дочери. С нею трудно было не согласиться. Но прежде чем рисковать своими людьми, требовалось кое-что прояснить.

— Ты и в самом деле любишь шейха Джамала, и никакой мужчина из нашего племени не может заменить его?

— Да, отец, хотя, Аллах свидетель, он не питает ко мне тех же чувств. Джамал ведет себя как собственник, но такой уж он есть, и его не переделать. — Зара вспыхнула и отвела глаза. — Мне не нужен другой мужчина.

— Этот шейх действительно властолюбив, вздохнул Юсуф, — но он поставил на карту честь и жизнь, решив предупредить нас, и теперь ему предстоит жестокая расплата.

Зара гордо вздернула подбородок:

— Нет, если только мне удастся ему помочь я могу рассчитывать на тебя, отец? Гарун ждет ответа.

— Ответь мне еще на один вопрос, дочь. Даже в случае нашего успеха Джамалу придется покинуть Марокко. В этой стране ему негде скрыться от мести султана, да и он сам прекрасно понимал, на что идет, помогая нам. Готова ли ты последовать за ним?

Зара покраснела, ее рука инстинктивно легла на живот. Она была уверена, что носит ребенка Джамала, ребенка, которого уже заранее любила.

— Мне было бы больно расстаться с тобой, отец. Но почему ты уверен, что Джамал захочет взять меня с собой?

— Готов поклясться, он не уедет без тебя.

Заметив, что Зара намерена возразить, Юсуф быстро добавил:

— И я настоятельно советую тебе отправиться с ним. Поверь, тебе тоже лучше уехать отсюда. Я бы ни за что не сказал это, не будь уверен, что Джамал по-настоящему любит тебя.

— Джамал любил многих женщин, — отозвалась Зара. В отличие от отца она не была так уверена в любви Джамала. — В любом случае я приму решение, когда настанет время. А сейчас мы должны подумать о том, как помочь ему сохранить жизнь.

— Хорошо, давай обсудим план. Зови Гаруна.

Завидев острые шпили дворца, высящиеся над могущественным Менкесом, Джамал испытал странное облегчение. Наконец-то многодневное изнурительное путешествие пришло к концу, и вскоре его участь определится. Шейх не боялся смерти. Его печалило лишь то, что придется умереть, не увидев напоследок прекрасных глаз Зары. По крайней мере теперь она в безопасности, ведь за многие годы службы Гарун еще ни разу не подвел шейха и наверняка проследит за тем, чтобы его возлюбленная благополучно добралась до берегов Англии.

Узкие кривые улочки старого города кишели людьми, с любопытством глазевшими на вооруженных до зубов стражников, которые направлялись к покоям султана. Прижимаясь к каменным стенам, чтобы не попасть под копыта лошадей жители Мекнеса оживленно обсуждали судьбу пленника. Некоторые узнавали Джамала и не могли скрыть удивления. Возбужденный гул толпы преследовал шейха до самого дворца.

Въехав через задние ворота, путники миновали служебные постройки, цветущие сады и, наконец, приблизились к святой святых — самому дворцу.

Хасдай отослал эскорт, и солдаты с явным облегчением поспешили к казармам, не желая быть на месте своего командира, которому предстояло сообщить султану о том, что Юсуфу вновь удалось ускользнуть.

— Слезай, шейх, — приказал Хасдай. — Султану наверняка стало известно о нашем прибытии, едва мы пересекли границу города. От Исмаила ничего не утаить, у него тут целая сеть шпионов.

Джамал соскользнул на землю, повернулся к Хасдаю и вытянул связанные за спиной руки.

— Развяжи меня. Теперь даже при всем желании мне не удастся бежать.

В последнем Хасдай не был так уж уверен:

Этот Джамал хитер как лиса. Однако, поразмыслив, достал нож и одним резким движением рассек веревки.

Острый клинок задел руку, хлынула кровь, и Джамалу пришлось закусить губу, чтобы удержаться от крика. Прошло несколько минут, прежде чем шейх оправился от боли и смог говорить.

— Спасибо, — отрывисто бросил он.

Прежде чем Хасдай успел ответить, появилась дворцовая стража. Один из солдат остановился перед ним, смерил его взглядом и холодно сказал:

— Султан ждет тебя с докладом в главной зале. Хасдай грубо толкнул Джамала вперед. Его отнюдь не радовала предстоящая аудиенция. Мулай Исмаил обладал изменчивым нравом, и предсказать его реакцию было невозможно. Если он по настоящему разгневется, то не колеблясь прикажет заодно с Джамалом казнить и Хасдая. Но куда страшнее смерти были пытки, к которым султан прибегал весьма охотно.

В приемной султана было многолюдно. Очевидно, Джамалу предстояло пережить публичное унижение. Мало кто осмеливался прямо взглянуть в глаза шейху, опасаясь навлечь на себя недовольство Исмаила. Прокладывая путь среди толпы, Джамал осознавал, что его вид оставляет желать лучшего. Усталость, грязь, утомительная дорога наложили на него отпечаток, сейчас он не был похож на самого себя — ухоженного, щеголевато одетого.

Он опустил на колени рядом с Хасдаем. Склонился в молчаливом приветствии.

— Где кади Юсуф и его дочь? — прогремел голос Исмаила. — Судя по всему, вы их снова упустили? Встаньте. Я жду объяснений!

Хасдай в замешательстве переминался с нога на ногу. Ему не раз приходилось видеть султана в гневе, и он знал, чего ждать. Взглянув на Джамала, он мысленно воззвал к Аллаху, моля о чуде: Хасдай всегда испытывал к шейху уважение и даже восхищение, но верность султану была превыше всего.

— Я сам все расскажу, Хасдай, — уловив его нерешительность, сказал Джамал и обратился к правителю: — О великий Исмаил, не вини капитана Хасдая Я один отвечаю за неудачу.

Черные пронзительные глазки султана впились в него.

— С нетерпением жду объяснений, шейх Джамал. Неужели я ошибся, поверив тебе еще раз? Неужели ты предал меня?

Джамал глубоко вздохнул, собираясь с силами.

— Назови мой поступок как хочешь, но я признаю, что предупредил Юсуфа о предстоящем нападении и тем самым позволил ему скрыться.

Исмаил вскочил с искаженным от ярости лицом.

— Предатель! — проревел он, указывая на Джамала мясистым кроваво-красным пальцем, на котором красовался перстень с огромным камнем. — Что толкнуло тебя на измену?

Джамал открыл было рот, но не успел ничего сказать: его опередил султан:

— Можешь молчать. Я и так знаю. Это все из-за берберской принцессы. Она околдовала тебя, ты глупец, Джамал! Нет такой женщины во всем мире, которая бы стоила жизни мужчины. — Исмаил недобро улыбнулся. — Я придумаю наказание, которое соответствовало бы твоей вине. Сначала тебя подвергнут пыткам, ну а затем медленная смерть. А когда боль станет нестерпимой, подумай о ласках, которыми одаривала тебя берберская шляха.

— Позволь напомнить тебе, великий султан, о тех богатствах, что принесли твоей казне мои морские рейды. За долгие годы службы я не подал ни единого повода усомниться в моей верности. Но я не мог допустить смерти Зары. Вся моя вина состоит в том, что я слишком люблю ее. Если ничто, кроме моей смерти, не способно унять твой гнев, что ж да будет так.

— Неразумная любовь — большая глупость, — сурово ответил султан. — Ты совершил ошибку и расплатишься за нее жизнью. Меньшая цена меня не устраивает, и тебе прекрасно это известно. — Исмаил задумчиво потеребил свою бороду. — Но твоя правда. В прошлом ты верно служил мне и изрядно пополнил мою казну. За это я удостою тебя милости. Прежде чем начнутся пытки, я дарю тебе два дня и две ночи, чтобы ты обрел мир с Аллахом. Во вторую ночь тебе будет дозволено последний раз испытать близость с женщиной. Кажется, тебе понравилась моя малышка Зейнаб? Можешь взять ее. А после смерти все то, чем ты владеешь, включая корабль, перейдет в мою собственность.

Две ночи, у него будет всего лишь две ночи, чтобы подумать о Заре. О том, что было, и о том, что могло бы быть. Что до имущества, оно мало волновало его. Значение имела лишь Зара, ее безопасность.

* * *

Джамал с удивлением обнаружил, что его вновь заточили в ту же маленькую комнатку, в которой содержали в прошлый раз. У него был доступ в купальню и небольшой садик, обнесенный высокой каменной стеной. Надежды на бегство не оставалось. Стены были совершенно неприступны — кроме того, что высоки, сверху в них было вмуровано битое стекло.

Долгое время Джамал изучал ограду, раздумывая, нет ли у него возможности раздобыть что-нибудь, вроде веревки, достаточно прочной, чтобы выдержать его вес. Но даже будь она у него, ее все равно не за что зацепить по ту сторону стены. В саду не было ни одного дерева — только цветы и низкий кустарник. Тяжело вздохнув, шейх вернулся в комнату и растянулся на узкой кушетке. Он устал. Очень устал...

Джамал проспал всю ночь мертвецким сном, а когда на следующее утро проснулся, первой его мыслью было то, что начинается его последний день на земле.

* * *

Зара смешалась с группкой женщин-рабынь, прислушиваясь к их болтовне. Она приехала в Мекнес накануне вместе с отцом и Гаруном. Ее старания были вознаграждены: оказалось, что это рабыни из дворца султана, и все они захлеб обсуждали пытку и казнь Джамала, назначенные на следующий день.

— Это так романтично, — томно вздохнула маленькая брюнетка. — Говорят, шейх предал султана из-за женщины.

— Хотела бы я быть на ее месте, Талиа, — откликнулась другая рабыня.

— Зейнаб, тебе приходилось услаждать шейха. Каков он?

— Очень милый, — со вздохом ответила Зейнаб, — и обходительный, но он любит другую. Наш господин приказал мне скрасить ему последнюю ночь.

— Я бы с удовольствием поменялась с тобой местами, — с нескрываемой завистью отозвалась Талиа.

— Ладно, пора возвращаться, — сказала Зейнаб. — Я еще должна подготовиться для встречи с Джамалом. Хочу, чтобы он умер счастливым.

Женщины захихикали, взяли наполненные водой кувшины и неторопливо направились ко дворцу. Зара последовала за ними, жадно ловя долетавшие до нее обрывки фраз.

— Ты будешь услаждать шейха прямо в темнице? — спросила Талиа, которая никогда там не была, но слышала, что это ужасное место.

— Шейха Джамала содержат не в темнице.

Ему отвели одну из небольших комнат

* * *

Получив необходимую информацию, Зара поспешила к отцу, чтобы сообщить, куда привести лошадей. Все остальное зависело только от нее.

* * *

Несколькими часами позже под видом рабыни Зара вошла в ворота дворца, неся на плече кувшин с водой. Спрятав тело под свободной джеллабой, а лицо под чадрой, берберская принцесса неузнанной пробралась на женскую половину.

Она полностью осознавала грозившую ей опасность, но предпочитала не думать о ней. Когда вчера Зара прибыла в Мекнес, весь город уже будоражили слухи о предстоящей казни самого верного и почитаемого слуги султана. Зара и кади Юсуф сменили свои синие одежды, выдававшие в них берберов, на белые и слились с возбужденной толпой. Если все пойдет по плану, то отец и Гарун будут ждать ее после полуночи у восточной стены дворца.

Солнце еще стояло в зените, но Заре предстояло успеть многое, прежде чем спасительная темнота и прохлада накроют землю. Успех всего предприятия зависел от Зейнаб, от ее сговорчивости.

Не выпуская из рук кувшин, Зара отыскала дворцовые кухни.

— Вылей воду в котел, — приказал ей чей-то голос.

Исполнив приказ, Зара обернулась и увидела женщину с пронизательным, острым взглядом, помешивавшую какое-то варево.

— А теперь пошевеливайся, переверни вертел с барашком.

Зара поспешила выполнить и это распоряжение, а затем, как будто невзначай, спросила:

— Ты видела Зейнаб?

— Зейнаб больше не работает на кухне, ее место в гареме. Сегодняшнюю ночь она проведет с приговоренным к смерти шейхом, — женщина многозначительно

ухмыльнулась. — По крайней мере он перед смертью изведает наслаждение.

Несколько минут Зара продолжала молча работать, но, как только рабыня повернулась к ней спиной, быстро выскользнула за дверь. Моля Аллаха, чтобы ее не узнала Бадрия, присматривавшая за наложницами и рабынями в гареме султана, Зара направилась по запутанным дворцовым коридорам на женскую половину. Она была рада, что за время своего недолгого пребывания тут в качестве пленницы успела немного изучить расположение комнат, в противном случае, ей ничего бы не стоило затеряться в этом лабиринте.

— Женщина, что ты здесь делаешь?

Зара похолодела. Не хватало только, чтобы ее схватила дворцовая стража. Смирненно опустив глаза, она ответила:

— Я новенькая во дворце. Мне приказали пойти в купальню прислуживать наложницам султана.

— Ну так иди, и нечего глазеть по сторонам, — грозно сказал стражник.

Не произнеся больше ни звука, Зара поспешила дальше, стараясь больше не попадаться никому на глаза, и вскоре оказалась перед резными дверями гарема.

В купальне царило оживление, здесь собрались почти все наложницы великого владыки. Зара тщетно пыталась понять, кто из них Зейнаб ведь она видела ее в джеллабе и чадре, а здесь одеждой в лучшем случае служили полупрозрачные наряды. Внимание берберской принцессы привлек разговор двух необыкновенно красивых женщин, только что вышедших из бассейна и закутавшихся в огромные пушистые полотенца.

— Он слишком молод и красив, чтобы умереть, — сказала одна, рыжеволосая, притворно вздохнула.

— Жаль, что не меня выбрали скрасить ему последнюю ночь, — отозвалась вторая, пухленькая шатенка с миндалевидными глазами. — Уж я бы постаралась на прощание.

— Ты же знаешь, что наш господин никогда бы не послал предателю свою жену или наложницу, — надменно заметила первая. — Ублажать узников — удел рабынь, и Зейнаб как раз для этого годится. Мне вообще не понятно, что она делает в нашей купальне. Нет, ты только посмотри на нее! — возмущенно воскликнула она, показывая пальчиком в сторону миниатюрной брюнетки, грациозно перешагивавшей через низенький бортик бассейна. — Она держится так, словно нам ровня!

Потеряв интерес к их беседе, Зара неторопливо направилась к той, кого они с таким пренебрежением обсуждали. Лицо юной женщины, почти девочки, было воистину прекрасно, но сейчас на нем лежала тень печали. Она проскользнула мимо вальяжно развалившихся на низких кушетках наложниц и взобралась на массажный стол.

Зара с сильно бьющимся сердцем подошла к ней.

— Расслабься, Зейнаб, и лежи спокойно, — сказала она, начиная втирать в ее золотистую кожу густой ароматный крем. — Похоже, все женщины султана тебе страшно завидуют. Многим хотелось бы занять твое место в постели шейха.

— Все это очень грустно, — ответил мелодичный голосок, напоминавший звон серебряного колокольчика. — Я никак не могу поверить, что Джамал изменник. Он такой великодушный и благородный!

— Ты успела узнать его? — удивилась Зара.

— Нет, к сожалению, но мне почему-то кажется, что, если он и предал султана, у него были бы серьезные основания. Знаешь, — добавила Зейнаб, заговорщически понижая

голос, — Джамал любит одну женщину, так любит, что готов пойти ради нее на смерть. Он сам мне так сказал. Ходят слухи, что это берберская принцесса, дочь кади Юсуфа. Из-за нее-то он и изменил султану. Представляешь, шейх, рискуя жизнью, пробрался ночью в лагерь ее отца и предупредил Синих Людей об опасности. Вот и получается, что как бы я ни старалась этой ночью, он все равно будет думать о своей принцессе.

Руки Зары продолжали массировать спину Зейнаб, но в ее душе бушевала настоящая буря. То, что она задумала, было безумием, но как еще можно иначе спасти Джамала?!

Делая вид; что тщательно разминает плечевые мышцы девушки, она склонилась почти к самому ее уху и быстро прошептала:

— Слушай меня, Зейнаб, и слушай внимательно. Постарайся ничем не выдать своего удивления, иначе мне конец. Видишь ли... я и есть та, самая Зара, берберская принцесса, о которой говорил тебе Джамал.

— Ты — возлюбленная шейха?! — ахнула Зейнаб, бросив испуганный взгляд на стоявших у дверей купальни вооруженных евнухов. — Что ж, смелости тебе, видно, не занимать, но как ты решилась прийти сюда?

— Джамал рисковал ради меня жизнью, так неужели я не должна ответить ему тем же?

— Ты любишь его, — сказала Зейнаб, и это не было вопросом.

— Больше жизни, — едва заметно кивнула Зара.

— Да о чем мы говорим? — внезапно спохватилась Зейнаб. — Тебе надо немедленно уходить. Спасайся, Джамалу ты все равно ничем не поможешь!

— И все же я хотела бы попытаться.

— Слишком поздно!

— Послушай, я знаю, как спасти его... но мне нужна твоя помощь. Ты еще очень молода, Зейнаб и, возможно, не знаешь, что, значит любить по-настоящему.

— Как бы я хотела испытать такую же любовь! — завистливо вздохнула рабыня. — Но это невозможно. Мне суждено умереть в гареме, где мое тело принадлежит султану и тем, кому он его время от времени дарит. Я здесь так давно, что даже почти не помню родителей. Они были очень бедны и еще ребенком продали меня в рабство.

— Ты поможешь мне, Зейнаб? — горячо шепнула Зара. — Позволь мне занять твое место сегодня ночью. Мы с отцом подготовили для Джамала побег, и он должен знать об этом, чтобы успеть подготовиться.

— Меня запрут в комнате Джамала и не откроют дверь до полудня. Что будет со мной, если он убежит? Султан придумает для меня мучительный конец! Я бы с радостью помогла тебе, Зара, но я слишком боюсь смерти.

— О чем ты говоришь? — искренне возмутилась Зара. — Неужели ты думаешь, что, спасая Джамала, я погублю тебя? Тебе нечего бояться. Мы поменяемся с тобой одеждами, и ты выйдешь из дворца, а я пойду к Джамалу. В условленном месте тебя встретят мой отец и Гарун, друг Джамала. С ними ты будешь в безопасности. Неужели тебе не хочется стать свободной и встретить ту любовь, о которой ты мечтаешь? Помоги мне, и я помогу тебе!

— Если бы все было так просто! — вздохнула Зейнаб. — Двери гарема на ночь запирают, и я не смогу уйти... — Внезапно в ее глазах вспыхнул огонек. — Впрочем, я знаю одного стражника... Он мне все время подмигивает и норовит ущипнуть. Думаю, он выпустит меня, если я... Если я кое-что ему позволю.

— Так ты согласна?

— Мне очень хочется выбраться отсюда! Я уеду далеко-далеко, где султан меня не

найдет. Хотя он, должно быть, и искать-то не станет...

Зара ободряюще потрепала рабыню по плечу. — Значит, договорились.

Ночь окутала землю черным бархатным покрывалом. Джамал сидел в садике, мрачно глядя на темную громаду стены. Он потратил полдня, скрупулезно прощупывая ее в поисках хоть какой-то впадины, какого-либо выступа, но тщетно. По этой ровной поверхности могла бы взобраться разве что ящерица.

Дарованная ему султаном отсрочка подходила к концу. Завтра в полдень его должны казнить, он бессилён что-либо изменить. Скоро придет Зейнаб. Очень красивая девочка, но ей явно не хватает огня и характера Зары...

В замке загремел ключ, дверь его темницы распахнулась и тут же снова захлопнулась. Джамал с вздохом встал и вернулся в комнату.

Там стояла женщина. На какое-то мгновение шейху показалось, что это не Зейнаб, но, должно быть, неверный свет масляной лампы и широкие, свободные одежды невольницы сыграли с ним злую шутку. Не глядя на нее, он жестом указал на стол и сказал:

— Раздели со мной мой последний ужин, Зейнаб. Как видишь, султан не поскупился на прощальную трапезу.

Женщина едва заметно кивнула, сделала несколько неуверенных шажков и остановилась.

«Почему она молчит? — невольно подумал Джамал. — Неужели ей так тягостно находиться здесь?»

— Не стесняйся, — приободрил он гостью. И сними эту чадру, пусть последним, что я увижу перед смертью, будет твое милое лицо. Женщина не шелохнулась.

— В чем дело, Зейнаб? — удивился шейх. — Что-то не так? Ты сегодня какая-то другая.

— Ты не ошибся, — сказала Зара и откинула чадру.

Джамал в испуге отшатнулся.

— О Аллах, за что ты так жестоко шутишь надо мной? — воскликнул он. — Кто ты? Дух? Привидение? Сгинь, исчезни! Та, кого я люблю, сейчас далеко отсюда!

— Нет, Джамал, — ласково улыбнулась Зара, — я здесь. Неужели ты думаешь, что я позволю тебе умереть? Отец и Гарун неподалеку, они помогут нам.

После этих слов шейх наконец поверил своим глазам. Радость боролась в нем со страхом за свою возлюбленную. Ведь ей отсюда не выбраться! Или она решила умереть вместе с ним?

Он порывисто обнял ее, страстно поцеловал в губы и зашептал:

— Зачем ты это сделала, любовь моя? Смерть не казалась мне такой страшной, пока я думал, что ты в безопасности. Как тебе удалось убежать от Гаруна? А твой отец, он тоже в Мекнесе? Его же могут узнать!

— Мы все продумали, — ответила она, глядя его по щеке. — Когда окончательно стемнеет, отец и Гарун приведут лошадей.

— Через стену не перелезть, — с горечью покачал головой Джамал. — Я уже пытался. Это конец, дорогая... — Внезапно его озарила счастливая догадка. — Для меня, но не для тебя. Ты покинешь эту комнату так же, как и пришла под чадрой. Никто, кроме нас двоих, не узнает, что у меня была не Зейнаб. Кстати, где она? Как тебе удалось ее уговорить? Надеюсь, с ней ничего не случилось?

Зара почувствовала укол ревности.

— Зейнаб в безопасности... Похоже, она тебе небезразлична.

— Она милая девочка.

— Вот именно, девочка, — фыркнула Зара.

— Да ты, никак, ревнуешь? — улыбнулся Джамал.

— Сейчас не время говорить о глупостях, предпочла сменить тему Зара. — Без тебя я никуда не пойду. Ты готов меня выслушать?

— Конечно, готов, но что это меняет? Через стену все равно не перебраться.

— Отец найдет способ вытащить нас отсюда, у них с Гаруном достаточно времени, чтобы составить план.

— Мне нравится твоя уверенность... Я уже говорил, что очень тебя люблю?

Зара забыла об опасности, подстергавшей их.

— Повтори, что ты сказал? — Она не верила своим ушам.

— Я люблю тебя. Все против нас, и нам не суждено быть вместе, но мне хочется, чтобы ты это знала.

Он крепко обнял ее, и она прильнула к нему всем телом. Ей так хотелось верить ему! Но правда ли это? Быть может, он сказал так просто, чтобы утешить ее?

— Я сделал тебя своей рабыней, но и сам попал в рабство, — продолжал Джамал. — Ляг со мной, дорогая, и все оставшиеся часы мы будем заниматься любовью. Я хочу раствориться в тебе, хочу умереть со вкусом твоих поцелуев на губах.

— Ты не умрешь! — топнула ножкой Зара. — Я не допущу этого!

— О, моя отважная воительница! — усмехнулся шейх. — Обещаю, если у твоего отца и Гаруна что-нибудь получится, то впредь буду верить каждому твоему слову. А пока, давай посвятим эту ночь друг другу.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

— Вот теперь я умру счастливым, — произнес Джамал, когда они, устав от ласк, застыли в сладостной истоме в объятиях друг друга.

— Ты не умрешь, — упрямо повторила Зара. — Ты должна мне кое-что пообещать, любимая. Если до рассвета... ничего не произойдет, то, когда откроют дверь, ты выйдешь отсюда и как можно быстрее выберешься из дворца. Затем скажешь Гаруну, чтобы он отвез тебя в Танжер. Там ты сядешь на корабль и отправишься в Англию, где о тебе позаботится моя мать.

— Ты просишь слишком многого, — покачала головой Зара.

— Обещай выполнить мою последнюю просьбу! — потребовал Джамал.

— Я обещаю тебе другое: всю жизнь любить тебя, даже если судьба нас и разлучит.

— К этому выводу, дорогая, ты могла бы прийти гораздо раньше, если бы не твое упрямство, шутливо заметил шейх, целуя ее. — Подумать только, сколько мы потеряли времени!

— Нельзя заставить любить насильно, — очень серьезно ответила Зара. — Я сама должна была разобраться в своих чувствах и... и многое понять. Любить по-настоящему может только свободная женщина, не подчиняющаяся никакому господину, но никак не рабыня.

— Ты для меня больше не рабыня. В душе я давно уже освободил тебя, а теперь делаю это и на словах.

— Твои щедрость и благородство просто поразительны, мой господин, — лукаво улыбнулась девушка. — В душе я никогда не считала себя рабыней.

— Нет, это просто невыносимо! — рассмеялся Джамал. — Ты готова спорить всегда и по любому поводу... Ладно, до появления Гаруна и твоего отца еще много времени, не будем терять его понапрасну.

— А, так ты все-таки поверил, что они придут?

— Всегда приятно верить в хорошее, — пожал плечами Джамал. — Кроме того, когда я сжимаю тебя в своих объятиях, то готов верить во что угодно... Но что-то мы разболтались, а у нас так мало времени.

Когда их силы иссякли, они незаметно для себя уснули. Впрочем, длилось это недолго: Джамал спал очень чутко, и ему вдруг показалось, что они не одни. Он тут же открыл глаза и поднял голову. В комнате по-прежнему было темно, но ему снова почудилось какое-то движение у двери, ведущей в купальню.

Накинув покрывало на обнаженное тело спящей Зары, шейх встал и осторожно двинулся вперед.

В тот же миг в дверном проеме возникла темная мужская фигура и с низким поклоном произнесла:

— Да благословит тебя Аллах, мой господин! Готовы ли вы с принцессой покинуть эту мерзкую темницу?

— Гарун?! — Джамал готов был кричать от радости. — Неужели это в самом деле ты?

— А кто же еще? — последовал ответ. — Похоже, у нас с Юсуфом все получилось. Буди Зару, и собирайтесь, я подожду вас в саду. Только поторапливайтесь.

— Слава Аллаху! Но как тебе удалось проникнуть сюда? Ведь вокруг полно стражи!

— Всему свое время, Джамал. Кади ждет нас снаружи с лошадьми. Поторопись. К тому моменту, когда султан узнает о побеге, мы должны быть уже далеко от Мекнеса, иначе нам не уйти от погони.

С этими словами Гарун снова растворился в темноте.

Зара проснулась от звука голосов, открыла глаза и успела заметить мелькнувшую в дверях тень.

— Джамал? — негромко окликнула она, сядя на кушетке. — Где ты?

— Здесь, любовь моя.

Наконец она сумела его разглядеть; шейх поспешно одевался.

— Я как раз собирался будить тебя, — сказал он, выныривая из широкого ворота своей джеллабы. — Здесь только что был Гарун. Собирайся быстрее, он ждет нас в саду.

Зара мгновенно оказалась на ногах.

— Ну, теперь ты мне веришь? — срывающимся от радости голосом спросила она.

— Конечно, дорогая! — рассмеялся Джамал и крепко ее обнял. — А теперь поспеши. Понятия не имею, как Гарун собирается перетащить нас через стену; но если это кто-то и сможет сделать, то только он.

Не прошло и минуты, как они уже были в саду. Шейх с удивлением уставился на свисающую со стены толстую веревку; в ней не было ничего необычного, если не считать навязанных по всей длине широких петель, заменявших ступени, и мощного железного крюка, надежно крепящего ее наверху. Джамалу еще не приходилось видеть столь странной и остроумной конструкции.

— О чем-то подобном я думал еще на корабле, чтобы было легче взбираться на ванты, — не громко объяснил Гарун. — У моей «лестницы», правда, есть один дефект: по ней очень легко подниматься, но только не спускаться... Нога никак не может попасть в петлю, особенно в темноте. Однако времени продумать все до конца у меня не было, приходилось спешить.

Джамал с уважением посмотрел на него, но все же спросил:

— А как тебе удалось не изрезаться о битое стекло?

— Взгляни наверх, — улыбнулся Гарун.

Шейх поднял голову и различил на самом краю стены что-то белое.

— Что это?

— Толстая овечья шкура. Правда, здорово придумано? В последний момент Юсуф сообразил, как защититься от осколков. Я забросил крюк, взобрался на стену, положил шкуру, перекинул веревку на другую сторону, и вот я здесь.

— Но ты говоришь, что по ней трудно спускаться?

— Да, — вздохнул Гарун, — пришлось помучиться. Но вам это не грозит.

— То есть? — не понял Джамал. — Как же иначе мы окажемся на той стороне?

— Проще простого, — загадочно улыбнулся Гарун. — Когда окажешься наверху, все поймешь сам. Это, кстати, тоже моя идея... Да, чуть не забыл. Юсуф хочет, чтобы первой шла Зара.

— Ты справишься? — с сомнением посмотрел на нее шейх.

— Разумеется! — фыркнула она и, крепко сжав веревку, поставила ногу в первую петлю. — Подсади меня.

Джамал обхватил Зару за талию и легко поднял в воздух; сначала осторожно, а потом все увереннее она принялась карабкаться наверх. Стена была высокая, и лезть пришлось

довольно долго. Добравшись, наконец, до ее вершины, Зара села на овечью шкуру и с опаской посмотрела вниз.

— А что дальше? — нетерпеливо спросил Гаруна Джамал. — Как она спустится? Надеюсь, ты все предусмотрел. Если с ней что-то случится, я никогда тебе этого не прощу.

— Смотри и ничего не бойся, — спокойно ответил тот.

Внезапно Зара решительно поднялась на стене во весь рост и... исчезла.

— О Аллах! — забеспокоился Джамал. — Что случилось?

— Не беспокойся, — терпеливо ответил Гарун, — с ней все в порядке. Теперь твоя очередь. Я последую за тобой и убереу веревку. Султан с ума сойдет, ломая голову, как вам удалось бежать, — с довольной усмешкой добавил он.

Отбросив все сомнения, Джамал быстро полез наверх и без труда достиг края. По ту сторону, едва различимые в темноте, маячили несколько фигур в черных одеждах, а у самого подножия стены стояла запряженная быками огромная арба, доверху наполненная сеном.

— Прыгай! — донесся до него приглушенный голос Зары, и, вдохнув полной грудью, он ринулся вниз с головокругительной высоты.

Приземление было довольно болезненным, но он остался цел и невредим.

— Ты не пострадал? — бросилась к нему Зара.

— Нет, а ты?

— Так, пара синяков, — но ничего серьезного, — ответила она, с гримасой потирая ушибленное бедро.

— Быстрее выбирайтесь из арбы! — зашипел на них Юсуф. — Гарун уже на стене. Или вы хотите, чтобы он свалился на вас?

Они тут же соскользнули на землю.

Первой вниз упала веревка, а вслед за ней, с овечьей шкурой в обнимку, в сено тяжело рухнул Гарун.

— А где стража? — опомнился Джамал. — Эта часть дворца всегда усиленно охранялась.

— Во время падения ты, должно быть, сильно ударился головой, — усмехнулся Юсуф. — Ну что за дурацкий вопрос? Здесь действительно было... хм... несколько стражников, но им всем — надо же, какое совпадение! — внезапно очень захотелось спать. Такой ответ тебя устроит?

— Извини, — смутился Джамал, — вопрос действительно был неуместный.

— Ладно, хватит болтать, — махнул рукой Юсуф. — Надо убираться отсюда, пока мы не перебудили весь город.

Внезапно из густой тени выскользнул какой-то человек, молча вскочил на козлы, стегнул быков, и через мгновение арба растворилась в темноте.

— Пошли, — сказал кади, — Зейнаб ждет нас с лошадьми неподалеку.

— Зейнаб? — изумился Джамал. — Та самая Зейнаб? Да ты в своем уме, Юсуф? Зачем она тебе понадобилась?

— Зара обещала ей нашу защиту. Девчонка вся трясется от страха, вот и пришлось взять ее с собой. В городе ей негде спрятаться: завтра султан прочешет каждый закоулок и наверняка ее найдет. Ведь Исмаил считает, что именно она была с тобой этой ночью, а значит, не могла не видеть, как ты сбежал. Ее обвинят в соучастии и казнят.

— Без помощи Зейнаб у нас ничего бы не получилось, — заметила Зара, — и было бы подло бросить ее на произвол судьбы. Ты не согласен?

— О Аллах, конечно, согласен! — воскликнул Джамал. — Но нам надо торопиться. Мы должны попасть в Танжер до того, как султан конфискует мой корабль.

Следуя за Юсуфом, они углубились в темные кривые улочки, ведущие к старому городу. Зейнаб ждала их в саду недалеко от базарной площади. Вскочив в седла, маленький отряд выехал из спящего города. Через несколько миль кади остановил своего коня.

Небо все еще было черным, без малейших признаков приближающегося рассвета, хотя огромная серебряная луна уже висела над самым горизонтом. Зара молча наблюдала, как на ночное светило медленно наползает туча. Она понимала, что пришло время расставаться: отцу надо было возвращаться в горы. Ее сердце разрывалось на части, ей хотелось и последовать за ним, и остаться с Джамалом.

Теперь Зара чувствовала себя повзрослевшей, настоящей женщиной, которая носит под сердцем ребенка своего возлюбленного, и зародившаяся в ней новая жизнь наполняла все ее существо неизъяснимой нежностью. Но готова ли она проститься с этой дикой, прекрасной землей, которую так любит? Готова ли последовать за Джамалом в чужую страну, страну неверных?

— Здесь наши пути расходятся, — грустные слова Юсуфа прозвучали словно эхо ее мыслей. — В Рифских горах меня ждет мой народ. Я буду скучать по тебе, дочь, но каждый отец хочет лучшей доли для своего ребенка.

Зара почувствовала, что вот-вот разрыдается. — Я... я поеду с тобой, отец! — прошептала она. — Джамал поймет, что я не могу с тобой расстаться.

Шейх подъехал к ней и решительно взял поводья из ее дрожащих рук.

— Ты отравишься со мной, Зара, — не допускающим возражений тоном сказал он. — В Марокко тебя ждет неминуемая смерть. Ты слишком дорога мне, чтобы я мог рисковать твоей жизнью.

— Береги ее, Джамал, — вздохнул Юсуф. Береги хорошенько!

— Зара будет жить со мной в имении графа Лендфорда в Кенте, — сказал шейх. — Туда ты и направляй свои послания.

— А кто такой граф Лендфорд? — любопытствовала Зара. — Ты говорил, что в Англии живет твоя мать. Она его родственница?

— Дело в том, дорогая, что я не только шейх Джамал Абд-Табит, но и Джамал Бентли, граф Лендфорд, — признался он. — До смерти деда я был только маркизом, а теперь вместе с обширными владениями в Англии и Ирландии унаследовал и его титул.

Зара была поражена. Что еще скрывает от нее этот человек?

— У тебя в Англии много жен и наложниц? — робко спросила она.

— Аллах с тобой! — от души рассмеялся шейх. — По английским законам можно иметь только одну жену. Некоторые, правда, заводят себе любовниц, но я не знаю ни одного англичанина, у которого был бы гарем. Тебе нечего бояться, дорогая, я люблю только тебя, и другие женщины мне не нужны.

Это было истинной правдой, и все же кое о чем Джамал умолчал: мать давно уже хотела женить его на одной богатой девице из старинного рода. Он категорически не хотел этого союза, но леди Элоиза и не думала отказываться от своих планов.

— Мне надо сказать дочери несколько слов наедине, — обратился к Джамалу кади Юсуф.

— Пожалуйста, — кивнул шейх, неохотно выпуская из рук поводья ее лошади. — Но помни, что времени у нас мало. Нам надо заглянуть в Эдем, а потом спешить в Танжер.

— Хорошо, — ответил кади, — я буду краток. Отец с дочерью отъехали немного в сторону, и Джамал с Гаруном не могли слышать их разговор.

— Что такое, отец? — обеспокоено спросила Зара. — Ты передумал? Ты хочешь, чтобы я осталась с тобой?

— Я хочу лишь одного: чтобы ты была счастлива, дочка. Если ты чувствуешь, что не сможешь жить в Англии среди неверных, я не могу приказывать тебе ехать с Джамалом. А теперь ответь честно, действительно ли ты так любишь этого человека, чтобы стать его женой. Мое сердце подсказывает мне ответ, но я хотел бы услышать это от тебя.

— Я не стану лгать тебе, отец. Я люблю его. И верю, что он тоже любит меня. Но Англия так далеко... Это все равно, что начать жизнь сначала, среди незнакомых людей и обычаев, — призналась Зара.

— Так ты хочешь остаться в Марокко?

Она опустила глаза и покраснела.

— У меня будет ребенок от Джамала.

— О, теперь мне все понятно! — вскипел Юсуф. — Если бы ты сказала мне об этом раньше, я бы ни за что не позволил тебе рисковать жизнью из-за этого наглого сластолюбца!

— Вот поэтому я и промолчала, — лукаво улыбнулась она. — Джамал, кстати, тоже еще ничего не знает.

Внезапно к ним подъехал шейх:

— Нам пора ехать, медлить больше нельзя.

— Джамал прав, дочка, — покорно кивнул Юсуф, — ты должна ехать. Теперь твое место навсегда рядом с ним. — Он поднял руку в прощальном жесте. — Да хранит Аллах тебя и твоего ре...

— Отец! — предостерегающе воскликнула Зара, обрывая его на полуслове. Ей не хотелось, чтобы Джамал узнал ее самую сокровенную тайну от кого-нибудь, кроме нее самой.

— Что такое? — удивленно вскинул брови шейх.

Зара в отчаянии посмотрела на отца.

— ...И твоего решительного мужа, — невозмутимо закончил тот, незаметно подмигнув дочери.

— И тебя тоже, отец, — с облегчением ответила она.

Юсуф помахал на прощание, и вскоре стук копыт его коня затих в черной дали.

С трудом удерживаясь от слез, Зара долго смотрела в темноту, в которой скрылся ее отец.

* * *

Меньше чем через час четверо всадников уже подъезжали к Эдему.

Хлопая спросонья глазами, разбуженный приездом хозяина Хамет склонился перед своим господином. Приказы сыпались один за другим, и он весь превратился в слух, боясь что-нибудь перепутать.

— У меня очень мало времени, Хамет, — закончил свою речь Джамал. — Нам с Зарой надо отбыть до наступления дня. Скоро сюда явятся солдаты султана, чтобы конфисковать мой дом и имущество, а надо еще многое сделать. Слава Аллаху, в прошлый раз у меня хватило ума перевезти в Англию большую часть моей казны... Сейчас я возьму с собой только немного золота, в Танжере оно мне пригодится. Все остальное надо раздать тем, кто останется здесь, — этого более чем достаточно, чтобы вы смогли начать новую жизнь и

купить себе прощение султана.

В залу вошел Гарун, а за ним — все прочие обитатели Эдема.

— Наш приезд всех разбудил, Джамал, — с поклоном сказал он, — и мы ждем твоих распоряжений.

— Вам наверняка уже известно, — обратился к собравшимся шейх, — что в Мекнесе меня арестовали и собирались казнить. Так вот, я бежал, и скоро меня начнут разыскивать. Своим спасением я обязан принцессе Заре, ее отцу и Гаруну. В Марокко мне оставаться нельзя, султан жаждет моей смерти. Я собираюсь отплыть в Англию и через час покину вас. Поскольку все вы мои верные слуги и я обязан о вас позаботиться, я дарю вам свободу. Рабы, рабыни, солдаты, евнухи и прочая челядь получают достаточно золота, чтобы жить безбедно.

По залу прокатился одобрителный шепот.

— За разделом денег проследит Гарун, — продолжал Джамал. — Вам всем следует покинуть пределы Эдема до того, как сюда придут солдаты Мулая Исмаила. Тому, кто останется, я не позавидую.

Доктор Давид Бен-Израэль выступил вперед.

— Я всегда мечтал побывать в Англии, мой господин, — с почтительным полупоклоном сказал он. — Найдется ли на твоём корабле каюта для моей скромной персоны?

— И для меня, господин! — встрепенулась Нафиса. — Я старая женщина, и мне некуда идти. Прошу тебя, возьми меня с собой! Ты не пожалеешь. Никто, как я, не сможет служить тебе и твоей возлюбленной.

— Я бы тоже хотел отправиться вместе с тобой, господин, — с достоинством произнес Хамет. — Ни один английский слуга не позаботится о тебе так, как я.

— Надеюсь, ты не станешь спорить, что я тоже должен плыть с тобой, — решительно заявил Гарун. — Мы часто вместе бывали в Англии, и я уверен, что пригожусь там тебе не меньше, чем здесь.

Джамал был искренне тронут преданностью этих людей.

— Конечно, вы можете отправляться со мной, но как бы вам не пришлось раскаяться в своём решении, друзья мои, — сказал он. — Англия холодная, сырая страна, с совершенно иными законами и обычаями. Человеку, привыкшему к солнцу и теплу, там будет непросто.

— Да, господин, но зато какое приключение! — возбужденно воскликнул Бен-Израэль. Я, конечно, уже не мальчик, но и не дряхлый старик, чтобы отказываться от такой возможности повидать мир.

Нафиса и Хамет лишь молча поклонились, как бы подтверждая свои слова и свою верность Джамалу.

— Да будет так, — сказал он. — Но большой отряд, направляющийся к Танжеру, обязательно вызовет подозрение. Вот что я предлагаю: мы с Зарой отправимся вперед, взойдем на борт корабля и сразу же отплывем в Могадор, оплот пиратов на Атлантическом побережье. Исмаил не посмеет сунуться туда. Те же из вас, кто решил плыть со мной, встретят «Грабителя» там. Доверьтесь Гаруну, он знает дорогу.

— Мое место рядом с тобой, Джамал, — нахмурился тот.

— Сейчас ты больше нужен им, а не мне возразил шейх. — Не тревожься за нас, мы с Зарой без труда доберемся до Танжера. Кроме того, ты должен проследить, чтобы все мои приказы были исполнены до прихода солдат. Раздай золото, я верю, что ты никого не обидишь. Поручи кому-нибудь из тех, кто остается, съездить в деревню. Пусть люди султана

найдут здесь только голые стены. Если я доберусь до Могадора раньше вас, то мы встретимся в гостинице «Пиратская Берлога».

— А вот я не желаю плыть ни в какую Англию! — раздался капризный голос.

Все оглянулись на Баху. Джамал мысленно выругался: он совсем забыл о своих бывших наложницах. Но теперь Саха принадлежала Гарину, и он уже не имел права решать ее судьбу.

— Ты отравишься туда же, куда и я — хоть в Англию, хоть в ад! — сквозь зубы процедил Гарун. — Собирай вещи, женщина, на рассвете мы выезжаем... Вас это тоже касается, — добавил он, обращаясь к Бен-Израэлю, Нафисе и Хамету. Берите с собой лишь самое необходимое, я не собираюсь искать для вас выючных верблюдов.

— И вот еще что, Гарун, — вспомнил Джамал. — Тебе придется позаботиться и о Зейнаб. Она хочет сопровождать Зару в Англию, и я не могу ей отказать.

Слуга молча кивнул, хотя и не был в восторге от роли няньки при более чем соблазнительной пятнадцатилетней рабыне султана.

Когда все ушли, Джамал прошел в свою опочивальню, где отдыхала Зара. Он очень надеялся, что короткий сон поможет ей восстановить силы, ведь им предстоял трудный путь до Танжера.

Она спала на боку, как ребенок, свернувшись калачиком и подложив под щеку ладони. Шейх улыбнулся, опустился рядом с ней на постель и нежно поцеловал в висок.

— Вставай, соня, — ласково шепнул он. Нам пора ехать.

— А? Что? — мигом пробудилась Зара. Ехать? Я готова. Сколько до рассвета?

— Не больше двух часов, дорогая. Лошади уже ждут. Нафиса собрала нам одежду, а слуги приготовили еду. Тебе надо что-нибудь съесть перед отъездом.

Словно в ответ на его слова в опочивальню вошел Хамет с подносом в руках.

— К седлу одной из лошадей приторочен целый курджум с провизией, господин, — сказал он. — Вам не придется голодать в пути. Да благословит вас Аллах!

— И тебя, Хамет, — ответил Джамал. — Встретимся в Могадоре.

Пока Зара подкреплялась седлом барашка с рисом, запивая еду мятным чаем, шейх рассказал ей о том, что произошло, пока она спала.

— А что, если они будут несчастливы в Англии? — встревожилась берберская принцесса, и кусок миндального пирога застыл в дюйме от ее рта.

— Тогда «Грабитель» привезет их назад в Марокко или куда они захотят.

— А что, если я тоже там буду несчастна? — тихо спросила она.

Джамал долго молчал. Ей уже начало казаться, что он не услышал ее, когда раздался столь же негромкий ответ:

— Я сделаю все, чтобы этого не случилось, любовь моя. Клянусь, ты никогда не пожалеешь, что связала свою судьбу с моей. По дороге в Англию я научу тебя языку и расскажу об обычаях этой страны. Они, наверное, покажутся тебе странными, но, поверь, в них есть свой смысл. Доверься мне, дорогая. Я очень люблю тебя и никогда, ни за что не допущу, чтобы ты была несчастлива.

Эти слова он скрепил таким крепким поцелуем, что у Зары закружилась голова.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Луна вышла из-за облаков, освещая путь двум всадникам, выехавшим из ворот Эдема. Хамет и Гарун проводили своего господина и вернулись во дворец, дабы выполнить в точности все его распоряжения.

Охваченный щемящей тоской, Джамал скакал вперед, ни разу не позволив себе оглянуться.

Там, постепенно тая в ночи, оставался родной дом, радость и гордость его отца. У него было такое чувство, будто он оставил в нем часть самого себя. Пока жив Мулай Исмаил, ему не суждено вернуться в свою любимую страну. Он понимал это, но что-то внутри него отказывалось с этим мириться. И в то же время молодой шейх испытывал странное, лихорадочное возбуждение.

Ему всегда нравилось бывать в Англии. Теперь же он английский граф, достаточно богатый и независимый. Перед ним открывалась новая жизнь, и, будучи по натуре оптимистом, Джамал старался думать о том хорошем, что она принесет.

Заниматься пиратским промыслом становилось все опаснее. Как бы ни нравилось ему привольное морское житье, как бы ни щекотало душу острое ощущение риска, он отдавал себе ясный отчет в том, что пора применить свои таланты на более мирном поприще. Теперь у него была Зара, и он не просил ни Аллаха, ни Иисуса о большем счастье, чем держать ее в своих объятиях и дарить ей радости любви.

Мысли принцессы текли по несколько иному руслу. Она бросила все, что знала и любила, отца, свой народ, свою землю, и теперь ей было по-настоящему страшно. Англия и англичане казались ей далекими и враждебными, ведь ей незнаком даже их язык! То немногое, что успел рассказать Джамал, тоже не вселяло особой уверенности в завтрашнем дне. Правда, женщины там ходят без паранджи, и их не запирают в гаремах, но правда ли это? Весь мир перевернулся, все привычное осталось позади, а впереди ждала лишь полная неизвестность.

А Джамал? Не изменится ли он, оказавшись на своей второй родине? До сих пор Зара думала о нем как об арабе, забывая, что он наполовину англичанин. Как он будет относиться к ней, находясь в окружении белокурых английских красавиц, о которых она столько слышала? А как примут там эту новую, еще не родившуюся жизнь ребенка, что она носит под сердцем?

* * *

Едва утро стало переходить в день, Джамал устроил привал, чтобы немного передохнуть и напоить лошадей. Зара страшно устала, и ему пришлось буквально вынимать ее из седла — сама слезть она уже не могла. Он усадил свою возлюбленную в тени раскидистой оливы и повел лошадей на водопой к протекавшему неподалеку ручью. Когда он вернулся, Зара мирно спала, прислонившись к узловатому стволу...

Прошло два часа. Снедаемый нетерпением и беспокойством, шейх, наконец, не выдержал и разбудил ее.

— Нам пора... давно уже пора ехать, дорогая. Просыпайся!

* * *

Через семь дней и семь ночей они достигли холмов, окружавших Танжер. На окраине Джамал продал за хорошую цену их арабских скакунов, и в город они вошли пешком.

Примыкавшие к старому городу кривые улочки были полны народа. Шумная толпа невыносимо медленно двигалась в сторону базара, и Джамалу казалось, что они никогда уже не доберутся до гавани.

Наконец впереди замаячили мачты стоящих на рейде кораблей, и солоноватый морской воздух ударил им в ноздри. Толпа рассеялась люди в основном стремились попасть на портовый базар, а путь шейха и Зары лежал несколько в ином направлении.

Держа спутницу за руку, Джамал поспешил было к ближайшему причалу, у которого покачивалась на волнах лодка перевозчика, но вдруг остановился и повернул назад.

— Посмотри, сколько здесь солдат, — шепнул он, указав глазами на чернокожих стражей, толпящихся у каждого пирса. — Такого еще никогда не было. Это люди Мулая Исмаила, он успел предупредить их о нашем приезде.

Согласно законам ислама, на Заре была длинная черная джеллаба, закрывавшая ее с головы до ног и паранджа. Она ничем не выделялась среди прочих женщин, но белый тюрбан шейха бросался в глаза, и его мог узнать каждый.

— Не нравится мне это, — сквозь зубы процедил Джамал, когда мимо них, оживленно болтая, прошли еще два чернокожих стража. — В Танжере никогда не было столько солдат. Сейчас слишком опасно пытаться попасть на судно... Следуй за мной и ничего не бойся.

С этими словами он нырнул в узкий грязный переулок, увлекая за собой Зару. Царившее здесь зловоние вызывало тошноту, но шейх уверенно шел вперед. Вскоре кривая, многократно изгибающаяся улочка закончилась тупиком, и Джамал трижды, с разными интервалами, постучал в какую-то едва заметную на фоне сырых серых стен дверь.

Никто не ответил, тогда Джамал в ярости так двинул по ней ногой, что она едва не слетела с петель. В ту же секунду послышались торопливые шаги, дверь приоткрылась, и в образовавшейся щели показалось узкое лицо с хитрыми бегающими глазками и всклокоченной жидкой бороденкой.

— Кто там? — произнес дребезжащий голосок. — Что вам надо в столь ранний час от бедного старого еврея?

— Открывай, Зиновий, и прекрати ломать комедию или ты меня не узнал?

— О Егова, свет несущий! — раздался радостный вопль. — Да это же шейх Джамал Заходи, негодник, дом старого Зиновия всегда твой дом!

Дверь приоткрылась чуть пошире, и Джамал, а за ним и Зара с трудом проскользнули внутрь.

В доме царили полумрак и сырость. Со стен свисали кое-как подвешенные, скрученные ковры, тяжелое старинное оружие и редкой красоты гобелены; самодельные грубые полки ломились от серебряной и золотой посуды.

— Мара, золотко мое, выходи, — донесся голос откуда-то из самого сердца бесконечных коридоров и комнат, — это не грабители, это наш старый друг Джамал.

Шейх усмехнулся и покачал головой:

— Не суди их строго, Зара, люди они довольно странные, но сердца — чистое золото.

Кто это «они», Заре долго гадать не пришлось. Дом, казалось, заходил ходуном, когда, с трудом протиснувшись в дверной проем, в комнату вошла Мара. У берберской принцессы захватило дух: это была женщина воистину необъятных размеров с удивительно добрым лицом.

— Не верю глазам своим, это и вправду шейх Джамал! — густым басом пророкотала она. — А это кто? Подними паранджу, дитя мое, здесь только твои друзья.

Зара быстро взглянула на Джамала, тот с улыбкой кивнул, и она исполнила просьбу великанши.

— Бог ты мой, Зяма, ты только взгляни, какая красавица! — шумно хлопнула себя по необъятным бедрам Мара. — Нет, ну разве ты когда-нибудь видел что-то подобное? Как зовут тебя, дитя солнца и песков?

— Ее зовут Зара, — с улыбкой ответил за нее Джамал. — Она действительно еще не видела ничего в своей жизни, кроме солнца и песков... Но дело в другом, — становясь серьезным, добавил он. — Она моя жена, и нам грозит опасность.

— Так что же ты молчал? — выступил из-за спины Мары щуплый Зиновий. — Говори сразу, что надо? Если денег, то... что-нибудь наскребем — только для тебя, разумеется, ты же знаешь, мы люди бедные, — а вот если тебе нужен добрый кинжал или хороший совет, то я всегда готов.

— Нет, Зиновий, не переживай, — ответил Джамал, — не нужны мне ни деньги, ни кинжалы, ни советы. Денег у меня, кстати, вполне достаточно, чтобы и тебя кое-чем порадовать.

Лицо хозяина расплылось в улыбке.

— И ты в самом деле думаешь, что я возьму с тебя хоть самую мелкую монету? С тебя, купившего мне этот дом? С тебя, спасшего мою бесконечно любимую Мару от насилия? Да ни за что!.. Впрочем, ты же знаешь, у нас подрастают дети, а ремесло ростовщика далеко не так прибыльно, как может показаться. Каждый норовит обмануть! Да и вообще...

— Ладно тебе плакаться, старый друг, — широко улыбнулся Джамал. — Вспомни, сколько раз ты выручал меня из самых разных передряг! Вот и сейчас я пришел к тебе за помощью. Мне надо попасть на свой корабль, но в порту слишком много солдат султана, которым нужна моя голова. — Он бросил на стол тяжелый мешочек, в котором глухо звякнули золотые монеты. — Придумай что-нибудь, и все это будет твоим.

— Нет, Мара, ты посмотри на этого благодетеля, — размахивая руками, запричитал Зиновий. — Он принес нам деньги, когда мы и так перед ним в неоплатном долгу... Ну, ладно, могу ли я что-нибудь придумать? Конечно, могу! Через час ты и твоя Зара уйдете отсюда такими, что вас даже ваши мамы не узнают. Эй, Мара, где тот сундук, что я забрал за долг у купца из Марракеша?

— Да ты же сидишь на нем, старый дурак, — добродушно прогудела Мара.

— И в самом деле! — вскакивая, воскликнул Зиновий. — Надо сказать тебе, Джамал, — доверительно сообщил он, — что купец этот большой плут. Он, как выяснилось, даже и не купец вовсе, а просто мошенник. Здесь, в этом сундуке, всякая ерунда — фальшивые бороды, накладные груди, парики... Давай сделаем так: я его открою, а ты разбирайся сам, что тебе может пригодиться.

С этими словами он откинул крышку небольшого сундука и стал выкладывать на пол самые разные принадлежности актерского ремесла. Мара стояла рядом и довольно кивала.

— Это то, что надо, — констатировал наконец Джамал, когда сундук опустел. — Сколько ты хочешь?

— Не сколько я хочу, а что я хочу, — тут же отозвался задетый за живое Зиновий. — Так вот, я хочу, чтобы ты меня не обижал. Бери все, что хочешь, и чтобы я не видел твоих денег... Да-да, тех самых, что так заманчиво звякают в этом мешочке. Они мне не нужны. Твои деньги — это твои деньги, а я у тебя и так в неоплатном долгу, так что...

— Остановись! — расхохотался Джамал. — Сколько тебе остался должен тот купец?

— Да и не купец он вовсе... — снова начал Зиновий.

— Я тебя спрашиваю, сколько?

— Он... он был должен мне пять золотых, — собравшись с духом, выпалил ростовщик и едва не задохнулся от собственной смелости.

— Всего-то? — небрежно бросил Джамал. — Я покупаю этот сундук. Сколько здесь монет, я не помню, сосчитай сам.

Увесистый мешочек с золотом полетел прямо в руки Зиновия, и тот жадно схватил его.

— О, благодарю тебя, господин... — пролепетал он.

— Я тебе не господин — покачал головой Джамал. — В свое время ты спас меня от ножа убийцы и не спросил за это ни гроша. Даже сейчас я не думаю, что мы в расчете.

Зиновий лишь молча поклонился, а Мара поспешила унести золото подальше от любопытных глаз случайных посетителей.

* * *

Не прошло и часа, как на набережной Танжера показалась странная пара. Пожилой и очень толстый господин гнал перед собой непослушную рабыню, чьи формы мало чем отличались от его собственных. Рабыня явно провинилась, потому что господин страшно гневался, отчего его седые усы вставали дыбом, а густая борода начинала мелко трястись. Выставленная по приказу султана охрана с усмешкой наблюдала за тем, как этот господин неуклюже загоняет непослушную толстуху в лодку, чтобы отвезти на свой корабль... Какой? Да мало ли кораблей стоит на рейде! О, нет, беглого преступника им описали самым подробным образом, и они его ни за что не упустят...

Потеряв интерес к паре толстяков, солдаты снова принялись вглядываться в лица спешащих по своим делам людей.

— Похоже, сработало, — шепнул Заре Джамал.

Оба чувствовали себя страшно неуютно в своих широких бутафорских нарядах, под которые Зиновий и Мара напихали невероятное количество какого-то тряпья и подушечек, придав всему сооружению весьма правдоподобный вид. Верхнюю губу и подбородок Джамала отчаянно щипало от едкого клея, на котором держались усы и борода и который, кстати, ужасно вонял.

Зара с трудом рассчитывала движения своего нового тела, его непривычные габариты не позволяли ей даже толком видеть, куда она ставит ноги.

— Теперь — в лодку, — скомандовал шейх, когда они подошли к концу деревянного причала, первым спрыгнул в качающееся на волнах угловое суденышко и помог спуститься Заре.

Перевозчик, лицо которого вначале оживилось от предвкушения заработка, внезапно насторожился. Видя это, шейх поспешно швырнул ему золотую монету и приказал отчаливать.

Это было роковой ошибкой. Если у лодочника и появились лишь какие-то неясные подозрения, то теперь они переросли в уверенность. Еще когда странные пассажиры спускались с причала, он невольно отметил какое-то несоответствие их облика и поведения: грузный пожилой господин спрыгнул в лодку с почти юношеской грацией, а потом с легкостью подхватил свою спутницу, как перышко, и легко опустил рядом с собой. Откуда у старика столько сил? Когда же ему в ладонь упала золотая монета, он понял, что попал в беду. За перевозку с берега на корабль золотом не платят! Ему явно хотели заткнуть рот. Что делать? Взять деньги и сделать вид, что он ничего не заметил? Но ведь ему придется

вернуться назад, и, если выяснится, что тот, кого разыскивают солдаты султана, благополучно ускользнул от них на его лодке, домой он уже не вернется.

— Эй, стража, сюда! — завопил лодочник что, было, мочи и бросился в воду.

Сверху, на причале, раздался топот стражников. Джамал и Зара в панике вскочили на ноги, и лодка перевернулась. Они оказались в воде.

Перевозчик тем временем уже выбрался, цепляясь за сваи причала, продолжая вопить о том, что это он поймал опасного преступника и заслужил тем самым награду султана.

Бугафорские «телеса» двух беглецов быстро намокли и стали тянуть их ко дну.

— Плыви ко мне! — захлебываясь крикнул Джамал отчаянно барахтавшейся Заре. — Скорее, не то утонешь!

— Я не могу! — сдавленно всхлипнула она. — Я не умею плавать.

Несколькими резкими движениями шейх сорвал с себя бесполезный уже маскарад, бросился к ней на помощь и помог освободиться от лишнего груза.

— Я поплыву к кораблю, а ты держись за меня, — сказал он. — Главное не поддавайся панике, иначе нам обоим конец. Ты поняла?

Зара кивнула и вцепилась в его плечи. Она не только не умела плавать, ей вообще до сих пор не приходилось видеть столько воды.

Несколькими мощными гребками Джамал отплыл от перевернутой лодки и уже направился в сторону своего корабля, когда на причал вылетели разъяренные солдаты. Когда же они увидели мирно покачивающиеся на воде седой парик, накладную бороду и прочие принадлежности недавнего маскарада, их крики перешли в истощный вой. Других лодок поблизости не было, а беглецы уходили прямо у них из-под носа!

Вкладывая в гребки всю свою недюжинную силу, шейх уверенно продвигался к темной массе «Грабителя», маячившей в каких-то нескольких ярдах перед ним, когда в воздухе резко пропела мощная тетива, и рядом с его головой в воду с всплеском вошла короткая толстая стела.

— Под воду, быстро! — в отчаянии крикнул Джамал. — У них арбалеты!

Набрав полные легкие воздуха, Зара послушно нырнула, и только тут шейх понял, что не может последовать собственному совету: он должен оставаться на поверхности, чтобы поддерживать ее и продолжать тянуть за собой.

Расстояние до корабля сокращалось убийственно медленно. Еще две стрелы просвистели, едва не задев их, затем еще одна... Наконец, четвертая оцарапал ему шею, а пятая застряла в плече. От дикой боли перед глазами шейха поплыли алые круги, он дернулся всем телом, изрядно хлебнул соленой воды и хрипло закашлялся.

Заре совсем стало нечем дышать, и она всплыла на поверхность. Окровавленная спина Джамала привела ее в ужас, она испуганно вскрикнула и принялась отчаянно барахтаться, пытаясь плыть самостоятельно и не быть больше обузой раненому шейху.

— Не сдавайся! — крикнул ей он, продолжая упрямо продвигаться к кораблю. — Работай ногами, это поможет. Осталось совсем немного...

Его силы быстро иссякали, но и высокий черный борт судна был уже совсем близко.

Зара несколько раз оттолкнулась ногами от воды и с удивлением поняла, что, помогая себе руками, может плыть без посторонней помощи.

Теперь она держалась впереди Джамала; он подталкивал ее вперед и в то же время прикрывал своим телом от арбалетчиков. Те, впрочем, уже не могли из-за увеличивающегося расстояния вести прицельный огонь, и их стрелы падали все дальше и дальше от беглецов.

Наконец темная громада корабля нависла над самыми их головами, и шейх стиснул зубы, вкладывая все силы в последние решающие гребки.

— Цепь! — прохрипел он. — Хватайся за якорную цепь!

Зара вцепилась в холодный мокрый металл, как обезьянка, вскарабкалась по цепи на высоту нескольких звеньев и обернулась, ища взглядом Джамала. Его не было видно. Сердце девушки упало; она уже собиралась выпустить скользкое железо и броситься обратно в воду, когда на поверхности показались его голова и плечи. Лицо шейха было смертельно бледным, губы беззвучно шевелились, словно силясь что-то произнести. Зара схватила его свободной рукой за волосы и подтянула к себе.

— Джамал! — борясь с охватывающим ее отчаянием, позвала она. — Джамал, ты меня слышишь?

Ее голос с трудом проник сквозь пелену боли, и шейх собрал последние силы.

— Да... — едва слышно ответил он. — Лодки... Посмотри, нет ли лодок.

Зара не сразу поняла, что он имел в виду, но инстинктивно взглянула в сторону берега. Там от нескольких пристаней одна за другой действительно отчаливали переполненные солдатами лодки. Две из них были уже почти на полпути к кораблю.

— Погоня! — в ужасе вскрикнула она... — Джамал, за нами погоня!

Но шейх ничего ей не ответил: последняя искорка сознания, вспыхнув, погасла, и он провалился в черную бездну беспомощности.

Заре хотелось выть от страха и бессилия. К ним неумолимо приближалась сама смерть, а она ничего не могла сделать... Где искать помощи? О Аллах, — вспыхнуло у нее в мозгу, — ну конечно на корабле!

Она соскользнула в воду, сняла с себя широкий кушак, и, поддерживая голову Джамала над поверхностью, крепко привязала его к самому высокому, до какого только смогла дотянуться, звену якорной цепи. Затем, убедившись, что волны не захлестывают лицо шейха, Зара снова принялась карабкаться наверх.

Ей пришлось дважды останавливаться, чтобы перевести дух и собраться с силами. Она старалась не думать о том, чем могут обернуться все эти приключения для ее будущего ребенка, а лишь истово молилась, чтобы Аллах не отвернулся от него, и продолжала путь.

Когда содранные в кровь пальцы Зары коснулись наконец досок палубы, у нее не осталось сил даже на то, чтобы позвать на помощь. Вместо крика с ее губ сорвался хриплый стон, и она рухнула на колени.

— Кто здесь? — раздался грозный окрик часового.

Зара с трудом подняла голову: перед ней с ятаганом в руках стоял коренастый человек в грязно-белой джеллабе.

— Кто ты? — требовательно повторил он. — Что тебе надо?

— Потом... Все потом... — хватая ртом воздух, еле выговорила Зара. — Быстрее, поднимите якорь. Там... там шейх Джамал. Он в беде... За нами погоня...

Часовой уставился на нее, словно она была русалкой, явившейся из морских пучин и еще не освоившей язык людей. Он ничего не понял из ее слов.

— Как ты здесь оказалась? — снова начал он свои расспросы.

Зара лишь слабым жестом указала на море, чем окончательно повергла несчастного в мистический ужас.

— Что здесь происходит? Кто эта женщина?

Рядом с часовым возник высокий красивый, мужчина с узким загорелым лицом и

колючими черными глазами.

— Ты капитан Брахим? — немного отдышавшись, спросила Зара.

— Да, — удивился тот. — Откуда ты меня знаешь?

— Нет времени объяснять... За нами гонятся солдаты султана. Я привязала Джамала кушаком к якорной цепи. Он ранен. Прикажи поднять якорь!

— Шейх здесь? — воскликнул капитан и перегнулся через борт. То, что он там увидел, заставило его действовать немедленно.

— Поднять якорь! — рявкнул он. — Живее, остолопы!

Загрохотала якорная цепь, и на шум сбежалась вся команда. Минуту спустя Зара с замиранием сердца смотрела, как Джамала отвязывают и осторожно кладут на палубу. Капитан тут же склонился над ним.

— Как он? — негромко спросила Зара.

— Слава Аллаху, жив, — ответил Брахим, — но потерял много крови. Постой, он пытается что-то сказать...

Губы шейха дрогнули:

— Могадор... Поднимай паруса... Нельзя... терять... время...

Капитан повернулся к команде и начал отдавать приказы. Все бросились по своим местам, работа закипела. Вскоре паруса поймали ветер, и «Грабитель» рванулся вперед.

Зара бросила взгляд за борт и усмехнулась: лодки с солдатами возвращались к берегу.

— Перенесите шейха в каюту, — приказал матросам Брахим. — Да поосторожнее!.. Так кто же ты, женщина? — с любопытством спросил он принцессу, когда все его распоряжения были выполнены.

Зара повернулась, чтобы ответить, и вдруг почувствовала, как палуба качнулась и поплыла у нее из-под ног. В ушах раздался странный звон, перед глазами завертелись верхушки мачт, и она потеряла сознание.

Брахим успел подхватить ее на руки. Голова девушки откинулась назад, мокрые спутавшиеся волосы рассыпались, почти касаясь палубы. Капитан снова подивился ее редкой красоте, которую лишь подчеркивали бледность и трогательная беззащитность.

Когда Зара пришла в себя, она лежала в капитанской каюте рядом с Джамалом. Первым, что бросилось ей в глаза, было мрачное выражение лица Брахима.

— Что, так плохо? — с тревогой спросила она.

— Я осмотрел его, — глухо ответил капитан. — Рана очень серьезная. Боюсь, даже самый лучший врач не сможет ему помочь.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

— В Могадоре нас ждет его личный врач, — заметила Зара. — Он слывет настоящим волшебником и не позволит Джамалу умереть.

— Даже при попутном ветре до Могадора не меньше пяти дней пути, — покачал головой Брахим. — Теперь жизнь и смерть шейха всецело в руках Аллаха.

— Он будет жить, — твердо ответила Зара. — Вели принести мне бальзам, корпию и бинты, я сама буду ухаживать за Джамалом до нашего прибытия в Могадор. Если возможно, то добавь парусов, капитан, и молись о крепком ветре.

Хотя Брахим даже не знал, кто эта юная женщина, он подчинился ей без возражений. Когда он ушел, Зара сняла со спины Джамала пропитавшуюся кровью тряпку и взглянула на глубокую рану, оставленную стрелой. К счастью, кровотечение почти прекратилось, должно быть, благодаря холодной соленой воде. Берберская принцесса слабо разбиралась в медицине, но от кого-то слышала, что морская соль оказывает также дезинфицирующее воздействие.

Вскоре капитан вернулся и протянул ей плоскую деревянную коробку:

— Вот то, что ты просила. Ты умеешь обрабатывать раны?

— Нет. — Казалось, Брахим даже испугался ее вопроса. — Джамал всегда сам лечил раненых членов команды, и у меня нет ни малейшего опыта. Это может подождать до Могадора?

— Ни в коем случае. Если рану не очистить, может начаться заражение.

Тяжело вздохнув, Зара сама принялась за работу. Она старалась вспомнить все то немного, что он когда-либо доводилось слышать об искусстве врачевания. Когда корпия перестала впитывать кровь, она смазала края раны целебным бальзамом и наложила тугую повязку. Дважды, через час, она меняла ее, а потом обратилась к Брахиму:

— Теперь мне нужна тонкая иголка и шелковая нитка.

Капитан тут же их принес, и Зара приступила к самому трудному. Ее пальцы дрожали, пот заливал глаза, а губы были искусаны до крови. Наконец после нескольких неудачных попыток, ей удалось стянуть края раны ровным рядом аккуратных стежков.

— И сам Джамал не сделал бы лучше, — одобритительно кивнул Брахим. — Надеюсь, это поможет... Но я так до сих пор и не знаю, кто ты?

— Зара... — внезапно раздался голос шейха вернее, его слабое подобие, — и он открыл глаза.

— Джамал! — вне себя от радости воскликнула принцесса. — Ты очнулся!

— Где я?

— На борту «Грабителя». Мы плывем в Могадор. Скоро ты поправишься, и все будет хорошо.

— К сожалению, это неправда, дорогая. Я умираю. Где капитан?

— Я здесь, господин, — выступил вперед Брахим.

* * *

Джамал хотел крепко сжать руку Зары, но она почувствовала только слабое движение его пальцев в своей ладони.

— Мы хотим пожениться, капитан, — продолжал шейх. — Немедленно. Приведи свидетелей и начинай церемонию.

— Стоит ли так торопиться, господин, время...

— Вот именно, время, — прохрипел Джамал, пытаясь приподняться на ложе. — У меня его почти не осталось. Но прежде чем умереть, мне хотелось бы видеть Зару своей женой. Кроме того, еще до прибытия в Англию, она должна стать графиней Лендфорд. Это важно, особенно... особенно когда меня не станет. Пожени нас, капитан, и оформи все положенные бумаги, пока я еще в состоянии произнести собственное имя и подписаться.

— Послушай, Джамал, тебе нужен покой, чтобы поправиться, — взмолилась Зара. — Нет никакой необходимости устраивать свадьбу прямо сейчас, я могу и подождать...

— Зато я не могу, — отрезал он, снова напомнив прежнего властного шейха. — Ты слышал меня, капитан? Зови свидетелей и начинай.

Брахим поспешно вышел.

— Тебе бы не мешало переодеться, дорогая. В углу каюты ты найдешь сундук, а в нем — новые джеллабы. Выбирай любую.

Его тихий голос звучал спокойно и был исполнен нежности, но Зара не обманывалась: он страдал от невыносимой боли. Лицо шейха цветом напоминало бумагу, на лбу выступили крупные капли пота, и даже немногочисленные слова давались ему с трудом.

* * *

Зара открыла сундук, взяла первую попавшуюся джеллабу и едва успела нырнуть в нее, как вернулся капитан в сопровождении двух членов команды.

— Ты уверен, господин, что хочешь этого? — смущенно спросил Брахим.

— Даже больше, чем остаться в живых, мой друг, — вздохнул Джамал. — Позволь представить тебе принцессу Зару, женщину, похитившую мое сердце. Пожени нас. Мне осталось совсем не долго...

Он почти физически чувствовал, как жизнь уходит из него. Перед глазами то и дело вставал странный образ: вход в бесконечный черный туннель. Но Джамал не мог позволить себе ступить в него, пока Зара не получит то, что он хотел ей дать — свое имя и богатство, сулящие любимой свободу и независимость.

Брахим сделал все, что требовали в данном случае законы ислама, и объявил Зару и Джамала мужем и женой. Собрав последние силы, шейх подписал бумаги, затем снова рухнул на подушки, глубоко вздохнул и закрыл глаза. Он был доволен. Теперь, что бы с ним ни случилось, Зара надежно защищена. Мать должна одобрить его выбор. Все будет хорошо...

— Я оставлю вас наедине, — торжественно заявил Брахим. — Когда мужчина на пороге смерти, он должен быть в объятиях любимой.

— Ты прав, — прошелестел голос Джамала. — Я доверяю тебе взять в Могadore на борт моих друзей и доставить их в целостности и сохранности в Англию. Когда я умру, корабль останется тебе.

— Господин, я...

— Оставь нас, — сказала Зара, и капитан с поклоном удалился.

В последних словах Джамала звучала полная отрешенность от земных дел. Больше всего Заре было то, что он явно смирился с близким концом и не хотел больше бороться за жизнь. А ведь она еще не успела сказать ему о ребенке. Быть может, узнав о его существовании, Джамал вновь бы ощутил вкус к жизни?

Она упала на колени перед кроватью и погладила его по голове.

— Джамал?

Никакого ответа.

— Ты слышишь меня, Джамал?

Молчание.

— О, Джамал, любимый мой, не покидай меня! — разрыдалась Зара. — Тебе есть ради чего жить! Я скоро рожу тебе ребенка!

Джамал словно издалека слышал зовущий его голос, но слишком обессилел, чтобы отвечать. Черный зев бесконечного коридора призывно распахнулся перед ним, гипнотизируя, маня туда, где ждут лишь покой и забвение. Покой и забвение... Достаточно сделать шаг, один только шаг, и...

— Не уходи, Джамал! Ты нужен мне. Ты нужен нашему ребенку! — Ее охватила злость. Да как он смеет? — Ты не имеешь права бросить нас!

Опять этот голос... Теперь он звучит настойчивее... Зачем он тревожит его? Почему не дает шагнуть в бесконечность и обрести покой и забвение...

— Джамал, ты слышишь меня? У нас скоро будет ребенок! Не уходи, вернись! Ты нужен нам!

Веки шейха дрогнули. Зара решила, что это хороший знак, и с новыми силами стала говорить, шептать, молить, припав к его уху. Она интуитивно чувствовала, что не должна позволить ему забыться, что ее единственный шанс вырвать его из цепких когтей смерти, это не оставлять его наедине с беспомощностью.

Этот голос... Он все громче и явственнее... Ребенок? Какой ребенок? У него нет детей. Почему Зара мучает его? Почему не отпустит, не оставит в покое... Ребенок? Снова ребенок...

Мука становилась невыносимой. Джамал не мог ни шагнуть в коридор, ни вернуться назад. Зара... Она хочет что-то сказать ему. Что ж, пусть скажет. А потом он уснет и будет спать... спать... Что он чувствовал там? Боль. Значит, чтобы вернуться, надо вспомнить боль...

Зара всем своим существом ощущала, как в нем сначала затеплилась, а потом разгорелась, может быть, последняя искорка жизни. Несколько раз слабо дрогнув, веки шейха медленно поднялись, и он взглянул ей прямо в глаза.

— Ты слышишь меня, Джамал?!

— Ты сердись на меня? — едва слышно прошептал он. — За что?

Зара смахнула слезы. Он все еще с ней, но в любой момент может уйти... В любой момент! Эта мысль жгла ей мозг, доводила до исступления.

— Ты слышал хоть что-нибудь?

Джамал попытался вспомнить и еле заметно кивнул:

— Был голос... Чей-то голос. Он звал меня, приказывал вернуться назад. Я не хотел возвращаться... но голос заявил, что я бросаю своего ребенка. Но у меня нет ребенка! Что бы это могло означать, Зара?

Это объяснение, казалось, стоило шейху последних сил. Глаза его закрылись, и он безвольно откинулся на подушку. Но у Зары появилась надежда — ей удалось докричаться до своего любимого! Пусть лишь на время, но удалось. Сейчас это было самым главным.

— Я ношу под сердцем твоего ребенка, любовь моя. Я давно хотела сказать тебе, да все как-то не находила подходящего момента. А сейчас мне показалось, что ты уходишь от меня, и я... я так испугалась, что уже не успею поделиться с тобой этой новостью!

Из ее глаз снова хлынули слезы, и она закрыла лицо руками.

Джамал с трудом открыл глаза и смотрел на нее пустым, безжизненным взглядом; медленно, слишком медленно слова Зары доходили до его гаснущего сознания.

— Я так устал... — прошептали его губы.

В этот момент дверь каюты отворилась, и вошел капитан Брахим. Он собирался сказать молодой вдове несколько слов утешения, но так и застыл на пороге, увидев, что Джамал еще жив. И не только жив, но и еще что-то говорит!

— Ты, должно быть, волшебница, госпожа! — ахнул он. — Я глазам своим не верю!

Джамал, казалось, внезапно почувствовал прилив сил.

— Моя жена владеет огромной силой, Брахим, — вполне внятно произнес он. — Силой, позволившей ей вызвать меня назад из царства теней. Теперь я знаю, что должен жить. Мне есть ради чего жить, старый друг. Я скоро стану отцом.

Значит, он все слышал! Зара почувствовала такое облегчение, что готова была смеяться от радости.

— Да, любовь моя! — воскликнула она, покрывая поцелуями его лоб и щеки. — Живи! Пожалуйста, живи ради меня, ради наших будущих детей, ради... ради чего угодно, только живи!

Уст Джамала коснулась ласковая улыбка, затем его глаза закрылись, а голова упала набок. Брахим бросился вперед:

— Он?

— Спит, — счастливо вздохнула Зара, указав глазами на равномерно вздымающуюся и опадающую грудь шейха.

— Я не знаю, какое чудо удалось тебе сотворить, но да благословит тебя за это Аллах! — едва не прослезился капитан. — Отныне и навеки каждое твое слово для меня и моей команды закон. Только прикажи, и мы достанем тебе луну с неба!

— А что, и прикажу! — устало улыбнулась Зара. — Но только не луну, а кое-что посущественнее: горячую воду и побольше полотенец для Джамала, а также что-нибудь съестное для меня. Похоже, я проголодалась.

* * *

Шейх спокойно проспал всю ночь и большую часть следующего дня. Смерть, казалось, отступила, но его лихорадило — то знобило, то бросало в жар. С помощью двух членов команды, добровольно вызвавшихся помогать ей, Зара протирала влажными полотенцами пылающую кожу Джамала или, отсылая матросов, ложилась рядом с ним и согревала его своим телом. Он был все еще в тяжелом состоянии, но по крайней мере жив. Если им не изменят попутные ветры и милость Аллаха, то скоро они доберутся до Могадора, и доктор Давид Бен — Израэль спасет его.

Когда корабль бросил якорь в могадорском порту, Джамал все еще был без сознания. Капитан Брахим с несколькими матросами на лодке отправились на берег, и на пристани их встретил Гарун, с нетерпением ожидавший прибытия судна.

— Слава Аллаху, мне не пришлось тебя искать, — сразу перешел к делу Брахим. — Дорога каждая минута. Где остальные?

— В гостинице, как и договаривались. Мы приехали вчера ночью. А где Джамал?

— Шейх смертельно ранен. Мулай Исмаил наводнил все причалы Танжерской гавани солдатами, и им с Зарой не удалось проскочить незамеченными. Но даже раненный, он сумел добраться до корабля вплавь.

Рука Гаруна стальным капканом сомкнулась на плече капитана.

— Только не говори мне, что он умер, — глухо произнес он. — Я все равно не поверю!

— Нет, Джамал не умер, но очень плох. То, что он дотянул до Могадора, просто чудо. Не иначе как сам Аллах направлял руки Зары, когда она ухаживала за ним. Но теперь ему нужен врач, и немедленно.

— Я привезу его вместе с остальными. Лодки уже наняты и ждут нас с самого рассвета. Гостиница была буквально в двух шагах от гавани, и вскоре все беглецы из Эдема со своим скарбом отплыли на корабль. Бен-Израэль сидел на носу передней лодки, нетерпеливо ерзая и то и дело понукая гребцов.

Едва ступив на палубу «Грабителя», он сразу бросился в капитанскую каюту. Зара с волнением наблюдала за тем, как лекарь осматривал рану.

— Кто лечил его? — наконец спросил Бен-Израэль.

— Я, — смущенно ответила Зара. — Но у меня нет никакого опыта в подобных делах. Мне, правда, удалось промыть и зашить рану, однако, не имея лекарств, я и не могла помочь по-другому.

— Ты все сделала правильно, госпожа, — кивнул Бен-Израэль. — Беда лишь в том, что в рану попала инфекция, и началось воспаление: ее придется открыть и снова очистить — все нужные лекарства у меня с собой. Зрелище будет не из приятных, так что я бы советовал тебе на это время выйти. Мне поможет Хамет или Нафиса.

— Я останусь, — твердо заявила Зара.

Однако Бен-Израэль оказался прав: долго она не выдержала. К горлу подкатила тошнота — сказалась беременность, да и долгие бессонные ночи рядом с мечущимся в бреду Джамалом тоже не прошли даром. Едва каюта наполнилась запахом разлагающейся плоти, а из вскрытой раны брызнул гной, Зара закрыла рот ладонью, мучительно борясь со рвотой.

Бен-Израэль снова предложил ей выйти, но сама она уже не могла этого сделать — начала кружиться голова, и помогавший вместе с ней пекарю Хамет вынес ее на руках на палубу. Свежий воздух быстро сделал свое дело, и она уже самостоятельно отправилась в другую каюту, чтобы немного отдохнуть.

— Не волнуйся, госпожа, — напутствовал ее Хамет, — Джамал в хороших руках. Ученый доктор ни за что не даст ему умереть. Тебе пора подумать и о себе. Иди, а я пришлю Зейнаб.

Через минуту в каюту вбежала запыхавшаяся служанка.

— Ох, госпожа, мы все страшно волнуемся за шейха Джамала! — затараторила она. — Надо же было случиться такому несчастью! Но теперь все, похоже, будет хорошо. Капитан Брахим говорит, что мы отплываем со следующим приливом.

— Тебе не страшно уезжать в Англию? — спросила Зара.

— В Марокко у меня никого нет, — пожалала плечами Зейнаб, — а если султан доберется до меня, то меня ждет смерть. Что же мне остается? Я хочу служить тебе, а раз ты плывешь в Англию, то и я отправлюсь туда же.

Зара вздохнула. Что толку рассказывать этой девочке о своих тревогах и опасениях?

Зейнаб сочувственно взглянула на нее:

— Ты выглядишь очень усталой, госпожа. Тебе просто необходимо хорошенько выспаться. Ты, часом, не больна?

— Нет, Зейнаб, но скоро я подарю Джамалу ребенка. Ты права, нам надо отдохнуть... и мне, и малышу. Последние дни были очень трудными.

С этими словами она закрыла глаза и через мгновение уже спала. Зейнаб на цыпочках

покинула каюту, чтобы поделиться с остальными радостной вестью.

— Что ты сказала? — не поверила своим ушам Саха, когда Зейнаб пересказала ей и Нафисе слова Зары.

— Она беременна, — повторила юная рабыня. — Это такое счастье и для нее, и для Джамала! Они ведь так любят друг друга.

— Эта худосочная дикарка недостойна такого мужчины, как Джамал, — сторя от зависти, прошипела Саха. — Но ничего, рано или поздно она ему надоеет, и, когда это случится, я уж постараюсь оказаться рядом и утешить его!

— Теперь ты принадлежишь Гаруну, и я бы не советовала тебе забывать об этом, — холодно заметила Нафиса. — Раз Джамал прогнал тебя, то никогда уже не позовет, не такой он человек.

— Наш господин горяч, но отходчив, — усмехнулась Саха. — Ему и раньше доводилось принимать опрометчивые решения.

— Тебе лучше успокоиться, Саха, иначе ты снова накличешь на себя беду, — вздохнула Нафиса. — Пойми, тебе совершенно не на что рассчитывать. Капитан Брахим сказал мне, что Джамал и Зара поженились пять дней назад здесь, на борту «Грабителя». В Англии у мужчины может быть только одна жена, и гаремов они не содержат.

— Джамал женился на этой берберской потаскушке? — взвыла Саха, чувствуя, что готова задушить Зару голыми руками. — Поверить не могу, что он сделал такую глупость... Хотя, может, это и к лучшему. Говоришь, она беременна? Отлично! Скоро ее так раздует, что на нее смотреть-то будет противно, не то что ложиться с ней в постель. И вот тогда шейх снова начнет меня замечать, а Гарун не посмеет встать у него на пути.

Тут даже кроткая миролюбивая Зейнаб не выдержала. Сжав кулачки, она двинулась на бывшую наложницу шейха с такой ненавистью в глазах, что та невольно попятилась.

— Ты злая, низкая, подлая дрянь! — срывающимся голосом крикнула Зейнаб. — Да как ты смеешь строить какие-то козни против тех, кто добрее и лучше тебя? Запомни, если с Зарой или ее ребенком что-нибудь случится, однажды утром ты не проснешься. Это обещаю тебя я, Зейнаб!

— Ого! — одобрительно усмехнулась Нафиса. — Похоже, Саха, ты напоролась на достойного противника.

— Да брось ты, — с деланным безразличием бросила та, — она всего лишь глупое, наивное дитя.

— Я давно уже не дитя, — вызывающе улыбнулась Зейнаб, — и если подумать, неизвестно, кого предпочел бы шейх — тебя или меня. Но мне нравится Зара, и я никогда не причиню ей вреда. Что же до глупости и наивности, то во дворце султана даже такие, как ты, быстро умнели.

Смущенная столь страстной отповедью, Саха поспешила ретироваться.

Выздоровление Джамала шло просто с фантастической скоростью. Вскоре его лицо обрело нормальный цвет, сменив смертельную бледность, и шейх уже мог самостоятельно принимать пищу. Едва не приведшая к смерти инфекция была уст ранена. Раненый по-прежнему много спал, восстанавливая силы.

Плавание длилось уже несколько дней, когда Зара вошла в каюту Джамала, чтобы в очередной раз поправить ему постель и узнать, как он себя чувствует. Шейх очень осунулся и похудел, но она с радостью видела, что в его черных глазах снова вспыхивают столь хорошо знакомые ей искорки. Он улыбнулся ей и похлопал рукой по постели рядом с собой,

приглашая присесть.

— Тебе лучше? — обрадовалась Зара.

— Да, дорогая, благодаря тебе.

— Бен-Израэлю, — поправила его она, — ведь это он спас тебе жизнь.

— Моя жизнь была спасена задолго до его прибытия на борт, — задумчиво сказал шейх. — Знаешь, любимая, я и сам до сих пор не могу понять, как тебе это удалось. Я стоял у самых врат смерти, когда ты позвала меня назад. Я не хотел возвращаться. Боль сводила меня с ума, страдания были невыносимы... Передо мною простиралось черное ничто, сулят мир и покой.

Он попросил пить, и Зара подала ему кубок с целебным настоем.

— Я боялась, что ты не слышишь меня, сказала она. — Это было ужасно.

Его ладонь ласково коснулась ее щеки.

— Как давно ты узнала, что у нас будет ребенок?

Она смущенно опустила глаза. До сих пор Джамал не заговаривал об этом. Почему? Рад ли он? Или, наоборот, огорчен, но не хочет ее расстраивать?

— Незадолго до того, как мы с отцом приехали в Мекнес, чтобы спасти тебя.

— О Аллах! — Несмотря на слабость, шейх весьма выразительно показывал свое неудовольствие. — Ты рисковала жизнью, зная, что носишь нашего ребенка? Тебя же могли схватить, ранить или даже... — Он вздрогнул, представив себе, как легко мог потерять ее.

— Но я не могла позволить, чтобы тебя казнили! — возмутилась Зара. — Как видишь, все закончилось не так уж плохо. Мы оба живы, а малыш, как говорит доктор, развивается нормально. — Она положила руку себе на живот и робко спросила: — Ты... рад, что у нас будет ребенок?

— Рад ли я? — горячо воскликнул Джамал. — Да я просто счастлив! Тебе столько пришлось пережить. Меня в холодный пот бросает всякий раз, когда я вспоминаю, как ты прыгала с той проклятой стены, скакала в Танжер, а потом плыла к кораблю. — Он покачал головой. — Это просто чудо, что с ребенком ничего не случилось, у нас будет сильный малыш, дорогая. Такой же сильны, как его мать.

— А Ты помнишь, как капитан поженил нас?

— Разумеется. Я хотел защитить тебя, дав свое имя. У меня и так было немалое состояние, а потом я получил наследство, большая часть которого удачно вложена в торговлю или ценные бумаги английских банков. Все это должно было перейти к тебе после моей... То есть если бы мне не удалось добраться до Англии.

— Ну, дорогой, пора уже проститься с мрачными мыслями. Доктор Бен-Израэль говорит, что ты скоро окончательно поправишься. Тебе повезло. Попади та стрела всего лишь на пол дюйма правее, мы бы сейчас с тобой не разговаривали.

— Слава Аллаху! — вздохнул Джамал.

— Ты, наверное, устал. Отдохни, а я пойду распоряжусь насчет еды.

— Только умоляю тебя, не надо больше пресного риса и вареных овощей! — фыркнул Джамал. — Я хочу мяса, вина... короче, всего того, что помогает мужчине быть мужчиной и не терять форму.

— Судя по моим формам, — рассмеялась Зара, выразительно проведя рукой по животу, — ты и так мужчина хоть куда. Ладно, уговорил. Я скоро вернусь и принесу тебе чего-нибудь вкусенького.

Джамал с нежностью смотрел ей вслед. Жизнь быстро возвращалась к нему, неся новые

силы, новые радости. Он снова может видеть, слышать, чувствовать... Рядом с ним та, кого он любит больше самого себя. Так что еще надо для счастья?! С блаженной улыбкой он закрыл глаза и предался сладостным грезам.

— О, так тебе и в самом деле лучше! — раздался уже забытый голос. — Гарун так и сказал, но мне хотелось убедиться самой.

Джамал открыл глаза и с удивлением увидел на пороге каюты Саху.

— Я еще не готов предстать перед Создателем, — охотно ответил шейх; он был слишком счастлив и не хотел никого обижать, хотя этот неожиданный визит и не доставил ему удовольствия. — Мне есть для кого и для чего жить. Зара беременна, и я скоро стану отцом.

Саха криво улыбнулась:

— Да, все вокруг только об этом и говорят. Мне надо кое-что сказать тебе наедине...

Соблазнительно виляя бедрами, она приблизилась к постели.

— Скоро твою Зару так разду... О, господин, я хотела сказать, что скоро твоя возлюбленная Зара уже не сможет усладить тебя. Вспомни, как хорошо нам было вдвоем! И это легко можно вернуть. Я знаю тебя — ты не тот человек, кто может долго прожить без женской ласки. Стоит тебе захотеть, и я дам тебе то, о чем ты мечтаешь.

— Послушай, Саха, — нахмурился Джамал. — К чему все это? Ты давно уже принадлежишь Гаруну, он твой господин, и, кроме того, он мой друг. Иди к нему. Мне бы не хотелось, чтобы нас застали вместе.

— Мне говорили, что в Англии нет господ и рабов, — невозмутимо продолжала Саха. — Значит, там я сама смогу выбрать себе мужчину. И я выбираю тебя.

— А разве тебе не говорили, что у англичанина только одна жена, и он не может держать гарем?

— Да, я знаю, — с деланным смущением потупила глазки Саха. — Но у них есть любовницы.

Ее красивые руки взлетели вверх и легли на два округлых холма, выпирающих из-под джеллабы. — Посмотри на мою грудь! Разве она не прекрасна? Разве не жаждет твоего прикосновения? А мой живот? Он плоский, не то что у Зары!

Саха порывисто схватила его руку и положила ее на свое гладко выбритое и вечно жаждущее удовольствий лоно.

— Разве ты забыл, как оно отзывалось на каждое твое движение? Как оно восхитительно отвечало на твои ласки?

— Ради Аллаха, оставь меня! — Джамал был слишком слаб, чтобы вырвать свою руку из ее цепкой хватки.

В этот момент дверь распахнулась, и в каюту вошла Зара с подносом в руках. Представшая перед ней картина не оставляла сомнений в том, что происходило здесь в ее отсутствие. Саха стояла у самой постели Джамала, зажав его руку между ног. Принцесса не знала, что сказать, и, наверное, просто бы развернулась и ушла, не появившись рядом Гарун; он увидел, что супруга несет шейху еду, и расценил это, как возможность навестить его.

— Саха! — воскликнул он. — Что здесь происходит?

— Убери от меня свою женщину, Гарун, — с трудом выговорил Джамал. — Привяжи ее к кровати, если нужно, но только, ради Аллаха, держите подальше от меня!

Саха завизжала от боли, когда Гарун схватил ее за волосы и поволок к двери.

— Не беспокойся, господин, — вне себя от ярости проворчал он, — я накажу ее. Мне

вообще следовало оставить эту шляху в Марокко. Наверное, только султан смог бы воспитать ее как следует!

— Я не звал Саху, — сказал Джамал, когда они с Зарой остались одни. — Я уже говорил и снова повторяю: мне не нужны другие женщины, кроме тебя.

Принцесса опустила поднос на низенький столик у изголовья его кровати.

— Ты снова полон желаний, дорогой; — грустно произнесла она. — Придет день, и ты вдруг поймешь, что больше не хочешь меня. Полагаю, Саха просто догадалась об этом раньше и пыталась устроить свое будущее. На нее не за что сердиться: ни один мужчина не может сравниться с тобой, даже Гарун. Скоро я буду уродливой толстухой и перестану интересоваться тобой как женщина.

Взгляд Джамала ответил ей красноречивее всяких слов.

— Плохо же ты думаешь обо мне, — с обидой сказал он, — если считаешь, что я отвернусь от тебя. Ведь ты вынашиваешь моего ребенка! Не знаю, быть может, когда-то я мог бы так поступить, но не сейчас. Я очень изменился, и знаешь, почему? Я никогда никого не любил по-настоящему. Но теперь у меня есть ты, и мне больше ничего не надо.

Зара слушала его, и на ее глаза наворачивались слезы радости. О Аллах, как же она любила этого милого, сумасбродного, пылкого человека! Рядом с ним даже незнакомая Англия уже не казалась ей такой страшной.

* * *

С каждым днем здоровье Джамала крепло. Зара, Нафиса и Зейнаб подолгу не выходили из его каюты, затаив дыхание слушая рассказы об Англии, об обычаях и языке живущих там людей. Саха отказалась присоединиться к ним, заявив, что не желает ничего знать о «неверных».

Близилась зима. Над океаном задули холодные ветры, волны из изумрудно-зеленых стали серыми и неприветливыми. В конце ноября «Грабитель» бросил якорь в гавани Бреста у северо-западного побережья Франции.

Джамал чувствовал себя уже достаточно окрепшим, чтобы сойти на берег и позаботиться о теплой одежде для женщин, Гаруна и Хамета. Его гардероб полностью отвечал последней английской моде, и шейх пополнил его лишь шляпой и отороченным мехом плащом.

Когда Зара впервые взяла в руки свой новый наряд, она даже не сразу поняла, как нужно его надевать и как можно в нем ходить. Наконец ей удалось справиться с платьем, со всеми его крючками и завязками.

— Должно быть, это придумал мужчина, от души ненавидящий женщин, — с неудовольствием заметила она. — Оно такое тесное... Пожалуй, я останусь в том, в чем была раньше.

При всей своей неприязни к английской женской моде, она все же не могла не отметить, что Джамал выглядит весьма элегантно в белой льняной сорочке, облегающих штанах с широким атласным поясом и высоких сапогах.

— Меня всегда удивляло, что англичанки тратят столько денег, чтобы надеть на себя как можно больше всяких тряпок, — признал он. Я всегда любил полураздетых женщин и не стану возражать, если ты останешься верна обычаям своего народа... но только тогда, когда мы будем наедине. Сядь, Зара, нам надо поговорить. Скоро мы причалим к английским берегам, а ты еще не все знаешь обо мне

Зара посмотрела ему в глаза. Что еще он хочет ей сказать? Какую тайну хранил все это

время?

— Я слушаю тебя, — упавшим голосом ответила она, не ожидая от этого разговора ничего хорошего.

— Помнишь, ты как-то спросила, есть ли у меня в Англии жена, и я ответил, что нет?

Принцессе показалось, что палуба корабля внезапно накренилась.

— Так ты солгал? У тебя есть там жена? — едва слышно спросила Зара.

— Нет, дорогая, кроме тебя, я ни на ком не женат, — поспешил успокоить ее Джамал. — Но моя мать присмотрела мне подходящую невесту. Я видел эту юную леди в свой прошлый приезд в Англию, и она мне совершенно не понравилась. Тем не менее матушка продолжает настаивать на своем. О нет, тебе нечего опасаться, я просто хотел, чтобы ты об этом знала. Моя мать замечательная женщина — умная, добрая, щедрая, и ты ей непременно понравишься. Узнав, что я уже сделал свой выбор, она примет тебя с распростертыми объятиями. Она давно хотела, чтобы я осел в Англии, принял титул деда и стал членом палаты лордов.

Зара не знала, как отнестись к его словам. В отличие от него, она вовсе не была уверена, что встретит такой уж теплый прием со стороны свекрови.

— Если я не понравлюсь твоей матери, ты всегда сможешь развестись, — грустно сказала она. — Нет ничего проще.

— Только не в Англии, — возразил Джамал. — И потом, почему я должен разводиться с женщиной, которую люблю? С матерью моего ребенка? — Он притянул Зару к себе и принялся расстегивать пуговицы ее платья. — О, теперь я понимаю, почему англичанки остаются девственницами до свадьбы, — проворчал он. — Они просто не могут самостоятельно снять с себя всю эту ерунду.

— Что ты делаешь? — вспыхнула Зара. — Мне здесь даже не во что переодеться. Мой халат остался в другой каюте.

— Отныне и впредь ты будешь спать со мной. Мне надоела холодная постель. А когда приедем в Англию, у нас будет общая спальня. Вообще-то у англичан принято, чтобы муж и жена занимали разные комнаты, но меня это всегда только раздражало.

— У них действительно странные обычаи, — искренне удивилась Зара. — Боюсь, я не скоро к ним привыкну.

— И не пытайся, любовь моя, — улыбнулся Джамал. — Ты мне нравишься такой, какая есть.

— Раз уж мы заговорили об Англии, — заметила она, — то что ждет там Гаруна, Нафису, Зейнаб, Бен-Израэля и остальных? Они останутся твоими слугами?

— Из Нафисы, без сомнения, выйдет отличная нянька для нашего малыша. Моя мать, кстати, знает ее еще с тех времен, когда был жив отец, и они жили в Марокко. Хамет и Зейнаб будут служить нам, если захотят. Мы будем им хорошо платить, и они смогут уйти, когда накопят достаточно средств и пожелают жить самостоятельно. Что же касается Бен-Израэля, то он великолепный врач, и я ни за что с ним не расстанусь. Он еще пригодится и нам, и нашим детям.

— Остается Гарун. Какой ты видишь его судьбу?

— Он не раз бывал со мной в Англии, ему уже знакомы и язык, и обычаи этой страны. Я готов предоставить ему то место, которое он захочет. В конце концов, Гарун мой друг, и это многое для меня значит. Мне хотелось бы видеть его рядом с собой, но если роль слуги ему неприятна, он может сделать свой выбор.

— Может ли? Как ты говорил, вы с ним вместе с самого детства. Ваши отцы тоже были дружны... Так неужели ты полагаешь, что Гарун захочет строить свою жизнь отдельно, независимо от твоей?

— Есть одна вещь, которую ты не принимаешь в расчет. Он отнюдь не беден. Ему причиталась весьма солидная доля с каждого нашего пиратского рейда. Я по дружбе посоветовал ему вкладывать деньги в те же банки, что и я. В итоге его деньги превратились в весьма солидное состояние. Мои доходы, правда, были много больше... Любовь моя, имею счастье сообщить тебе, что ты вышла замуж за невообразимо богатого мужчину. Мои владения...

— Постой, — мягко перебила его, Зара. — Мы обсудили с тобой всех, кроме Сахи. Мне кажется, она несчастна. Гарун не любит ее по-настоящему. Если он бросит ее, то что будет с ней в чужой стране?

— Не знаю, — пожал плечами Джамал. — Прости, но я не хочу сейчас думать о ней. Мне и своих забот хватает... Ох, прости, наших!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

В холодный и сырой декабрьский день «Грабитель» бросил якорь в лондонском порту. Стоя на пронизывающем ветру и глядя на неприветливый, окутанный туманом берег, Зара подумала, что сама природа предостерегает ее; но тут же прогнала эту мысль. Они с Джамалом любят друг друга, и дитя их любви живет в ее чреве.

Путь из Марокко занял чуть больше шести недель. За это время все, кроме Сахи, научились сносно говорить по-английски. Рана Джамала почти зажила, и он снова стал самим собой. Зара, по крайней мере, могла судить об этом по тому, как часто он хотел заниматься с ней любовью.

— Готова ли ты ступить на этот берег?

Они, обнявшись, стояли на носу корабля.

Зара до бровей закуталась в длинную меховую накидку и с опаской посмотрела на лежащий перед нею порт с безликими строениями из известняка и угрюмой башней маяка.

— Здесь совсем не так, как в Танжере. Все какое-то серое и... грязное. Где горы? Где зелень? Где хотя бы белокаменные дома?

— Ничего такого здесь нет, Зара. Виной тому угольная пыль. Если ты хочешь увидеть зелень, то надо ехать в глубь страны. Горы же есть только в Шотландии и Уэльсе. Кстати, там расположено одно из моих имений. Думаю, оно тебе понравится.

— А куда мы поедем, когда сойдем на берег?

— В графство Кент, там мой дом. Мама не любит Лондон и большую часть времени проводит в провинции. Я пошлю Гаруна вперед, чтобы он предупредил ее о нашем приезде. О том, что мы поженились, ей пока знать необязательно.

Гарун просто скажет ей, что я прибыл не один, и попросит выделить моим гостям пять комнат.

— Ты полагаешь, это правильно? — несмело спросила Зара, которой пришлось не по душе подобные предосторожности.

— Что? Пять комнат? О, их там сколько угодно.

— Да нет, не говорить твоей матери о нас. О том, что мы муж и жена.

— Ты не так меня поняла, — успокоил ее Джамал. — Я просто не хотел, чтобы это сделал Гарун. Мы сами ей скажем.

— Как мне называть ее?

— Ее имя, полное имя Элоиза Бентли, леди Лендфорд. Но ты можешь звать ее просто «миледи», по крайней мере до тех пор, пока она сама не предложит тебе что-то другое. Вы сразу подружитесь, я уверен.

— Как далеко отсюда находится Кент?

— Путь туда не так уж долог, но я не хочу, чтобы ты утомилась в дороге. Ночевать мы будем в гостиницах. Ехать, конечно, можно и не останавливаясь на ночлег, но зимой это просто ужасно, особенно когда гололедица. Кроме того, так мы неминуемо нарвемся на «рыцарей дорог».

— А кто они?

— Бандиты, которые нападают по ночам на богатых путешественников, грабят их и убивают. Но не волнуйся, с нами этого не случится.

— Трап спущен, господин, — доложил капитан Брахим. — Если хотите, можете сойти

на берег.

— Да, — ответил Джамал, — но сначала я пойду один. Надо найти большой экипаж, купить лошадь для Гаруна и нанять охрану, а потом все мы отправимся в Кент.

— А какие будут распоряжения относительно корабля?

— Если ты не против провести несколько недель в Лондоне, я постараюсь найти для «Грабителя» груз. И вообще, я решил наградить тебя за верную службу, так что отныне корабль твой у меня много дел в Англии, да и пиратский промысел мне надоел.

— Благодарю тебя, мой господин, твоя щедрость воистину не знает границ... — низко склонился перед ним капитан.

— Я долго не задержусь, — сказал Заре Джамал, когда Брахим ушел. — Не стой долго на холодном ветру, так легко простудиться. Лучше иди в каюту и жди меня там.

— Хорошо, любимый, — ответила она и поцеловала его. — Поторопись, мне не терпится увидеть твой дом и твою мать.

Наблюдая за Джамалом, легко сбегавшим по трапу на неприветливый английский берег, Зара снова подумала о том, как ей повезло. Она любила этого красивого мужчину всей душой, ей нравилось дотрагиваться до него, целовать его, чувствовать объятие его сильных рук. Острота наслаждения, которое они дарили друг другу вовремя любовных утех, не только не притуплялась, но открывалась каждый раз с какой-то новой, еще не познанной ими стороны. Все это было так, и казалось, теперь уже ничто не может помешать их счастью, однако Зару не оставляло странное, щемящее чувство. Англия — холодная страна, она поняла это с первого взгляда. Не изменится ли здесь Джамал? Неохладят ли свинцово-серые пейзажи его пылкую, страстную душу? Ведь он наполовину англичанин. До сих пор она знала только ту его часть, что выросла в стране жаркого солнца и раскаленных песков, но какова другая? А вдруг разговор об английской невесте был не случаен, и он просто готовил ее к тому, что рано или поздно им придется расстаться? У каждой земли свои законы, традиции и обычаи. Сумеет ли принять их она, берберская принцесса Зара? Примут ли они ее?

На душе у Зары было беспокойно. Есть ли здесь ее единоверцы? Не считается ли оскорблением для того, другого Бога произнести вслух «О Аллах!»? Да и услышит ли ее Аллах в этой чужой стране?

Вопросы нескончаемой чередой мелькали в сознании Зары, и ответить на них она пока не могла. Быть может, со временем...

* * *

Джамал вернулся на корабль гораздо позже, чем ожидал. Поиски экипажа, способного вместить их всех, заняли довольно много времени, и в итоге ему пришлось купить шестиместный экипаж, за который заломили целое состояние. Сработан он, правда, был на славу, и шейх не стал торговаться: путь предстоял нелегкий, и комфорт стоил любых денег. Нанять двух верховых для сопровождения и опытного кучера оказалось значительно проще.

— Какая красивая повозка! — в восхищении воскликнула Зара, открывая лакированную дверцу.

— Экипаж, милая, — с улыбкой поправил ее шейх и вошел следом за ней.

Вскоре все заняли свои места, и кучер стегнул лошадей.

До Чатема они добрались без приключений и остановились там на ночлег. По сравнению с Эдемом, гостиница показалась Заре ужасно убогой. На ужин им подали пирог с олениной, ростбиф с кровью, вареный картофель и тушеную капусту. Тяжелая пища камнем

ложилась на желудок, и принцесса едва притронулась к ней. Зара надеялась, что потом принесут фрукты, и она насытится ими, но этого не случилось, и ей пришлось отправиться в постель голодной.

— В моем поместье все будет по-другому, утешил ее Джамал, укутывая ее меховым покрывалом. — Там очень красиво и уютно, поверь мне. В каждой комнате большой камин, дом окружен садами, и летом мы вдоволь едим фрукты.

— Только летом? — ужаснулась Зара.

— Да, дорогая, — улыбнулся Джамал. — Что делать, привыкай...

Она никак не могла согреться, и он обнял ее, даря тепло своего тела.

— Если все будет в порядке, завтра к вечеру мы доберемся до Мейдстоуна, а Лендфорд всего в пяти километрах к северу. Спи, любовь моя, тебе надо отдохнуть.

Сон не шел к Заре. Чем ближе они подъезжали к Лендфорду, тем сильнее становилось ее беспокойство. Джамал говорил, что его мать добра... Но будет ли она добра к ней, жене своего сына?

* * *

На следующий день экипаж въехал в Мейдстоун. День был серым и морозным, ледяной ветер колот лица, залетая в приоткрытые окна повозки. Проведя много зим в горах, Зара страдала меньше, чем Зейнаб и Саха, которые все время дрожали от холода и кутались в меховые накидки.

Вскоре селение осталось позади, и, миновав бескрайние, скованные морозом поля, они въехали в темную дубовую аллею, ведущую к высокому каменному зданию с бойницами и остроконечными башнями, шпили которых, казалось, пронзали низко нависшие серые облака. Здание производило гнетущее впечатление, оно подавляло своей массивностью и суровой красотой. Зара никогда прежде не видела замков, и это угрюмое каменное сооружение, столь разительно отличающееся от радующих глаз белокаменных дворцов арабского Востока, не понравилось ей с первого взгляда. Оно как будто говорило: «Не подходи ко мне, я твой враг! Во мне ты не найдешь ни тепла, ни любви».

Словно прочитав ее мысли, Джамал сказал:

— Внутри замок не так неприветлив, как снаружи, дорогая. Его нарочно построили таким, чтобы запугивать непрощенных гостей. Он производит мрачное впечатление только на первый взгляд.

— Конечно, я так и подумала, — с вымученной улыбкой ответила Зара.

Экипаж проехал сквозь низкие арочные ворота с поднятой решеткой и остановился у изъеденных временем каменных ступеней крыльца, поросшего порыжевшим от заморозков мхом.

Джамал вышел первым и подал Заре руку. Следом за ней на каменные плиты двора прыгнул Хамет, а за ним — все остальные. Обитые железом дубовые двери замка с пронзительным скрипом распахнулись, и удивительно красивая женщина средних лет в строгих длинных одеждах, легко сбегав по ступенькам, бросилась в объятия Джамала.

— Ох, сын, как я молила Бога, чтобы ты поскорее приехал! — с искренним чувством сказала она. — Ты так редко покидаешь Марокко, что я уже почти потеряла надежду...

Увидев наконец, что они не одни, леди Лендфорд мгновенно умолкла, с достоинством выпрямилась и несколько чопорно обратилась к замершим в нерешительности у экипажа людям:

— Добро пожаловать в наш замок, леди и джентльмены. В этих стенах вас ждет самый

радушный прием. Друзья моего сына — мои друзья. А тебя, Джамал, ждет приятный сюрприз, — с улыбкой добавила она. — Надеюсь, ты будешь доволен.

Она жестом пригласила всех следовать за собой и провела дрожащих от холода гостей в обширный холл со сводчатым потолком и жарко пылающим камином. Женщины сразу же бросились к огню, протягивая озябшие руки.

Зара с удовольствием отметила про себя, что Джамал сказал правду: внутри замок выглядел действительно роскошно. На полу в живописном беспорядке лежали шкуры неизвестных ей животных и дорогие ковры, стен почти не было видно за бесчисленными картинами и гобеленами, повсюду красовались сверкающие рыцарские доспехи и тяжелая дубовая мебель.

Хотя ничто из обстановки — кроме, пожалуй, ковров — даже отдаленно не напоминало ей пышного великолепия восточных покоев, принцесса почувствовала надежду, что сможет быть здесь счастлива.

Зара все еще с любопытством оглядывалась по сторонам, когда Джамал взял ее за руку и подвел к матери. Но прежде чем он успел открыть рот, чтобы представить ей свою жену, у них за спиной раздались легкие шаги, и леди Лендфорд поспешила навстречу привлекательной молодой леди.

— А вот и сюрприз, о котором я говорила! — радостно провозгласила она. — Добро пожаловать, дорогая! Джамал, надеюсь, ты помнишь леди Каролину?

Молодой шейх растерянно кивнул: Каролина, леди Уэлшли, и была той самой девушкой, что прочила ему в жены мать.

— Не правда ли, я хорошо придумала? — с довольной улыбкой сказала леди Лендфорд. — Теперь вся семья в сборе.

— Надеюсь, — несколько жеманно начала Каролина, делая вид, что не замечает никого, кроме Джамала, и обращаясь только к нему, — ты не возражаешь против моего прихода? Леди Лендфорд и я очень рады твоему возвращению.

Зара окинула ее ревнивым взглядом и была вынуждена признать, что не может ни к чему придраться: маленькая ножка, точеная, даже хрупкая фигура, изящные руки, красивая грудь, гордая посадка головы, тонкий прямой нос, огромные серые глаза, роскошные пепельные волосы, перетянутые бархатной лентой... Да, леди Каролина была воистину прекрасна. Но кем она приходится Джамалу?

— Матушка, прежде чем ты продолжишь, я хотел бы внести некоторую ясность, — решительно заявил он. — Позволь представить тебе Зару и моих друзей.

Удивленная резкими нотками, проскользнувшими в его голосе, леди Лендфорд, тем не менее любезно улыбнулась и легким наклоном головы дала понять, что не имеет ничего против.

— Я уже знаю Нафису, Хамета и доктора Бен-Израэля, — сказала она, — но остальные мне незнакомы.

— Саха женщина Гаруна, — Джамал запнулся, подыскивая нужное слово, но по глазам матери понял, что сейчас не стоит объяснять причину своего замешательства, и продолжил: — Зейнаб — служанка Зары, а Зара, — закончил он, обняв берберскую принцессу за талию — моя жена.

Если бы в это мгновение в пол замка ударила молния или внезапно ожила одна из закованных в латы статуй, леди Лендфорд, наверное, была бы не так поражена. Ее рот открывался и закрывался, беззвучно протестуя против услышанного, а в глазах застыло

выражение крайнего изумления.

— Боюсь, мы с вами поторопились, дорогая леди Элоиза, — ледяным тоном заметила Каролина. — Судя по всему, ваш сын по-прежнему предпочитает дикарок воспитанным девушкам из старинных родов. Отец будет весьма разочарован. Вы ведь знаете, с моим приданым я могу выйти и за герцога, не то что за графа-полукровку... В этом доме мне нанесли страшное оскорбление, и я ни секунды здесь не останусь.

Развернувшись на каблуках, она с гордо поднятой головой покинула залу.

Леди Лендфорд словно и не слышала ее, продолжая во все глаза смотреть на Зару.

— Прости, матушка, я не думал, что эта новость вызовет такой отклик, — мягко сказал Джамал.

Леди Элоиза с трудом взяла себя в руки и натянуто улыбнулась:

— Извини, дорогая Зара, это и в самом деле было несколько... неожиданно. Джамал совсем не изменился, ему по-прежнему доставляет удовольствие... удивлять свою бедную старую мать. Добро пожаловать в нашу семью!.. Но где ты нашел такую красавицу, сын? Кто ты? — обратилась она уже к невесте.

— Я берберка, миледи, — с достоинством ответила Зара. — Мой отец — Юсуф, кади нашего народа.

Леди Лендфорд отшатнулась, словно ее ударили. Краска исчезла с ее лица, а глаза вспыхнули лютой ненавистью.

— Так ты дочь Юсуфа?! — с расстановкой выговорила она.

— В чем дело, матушка? — не на шутку встревожился Джамал. — Можно подумать, что ты увидела привидение. Не пугай меня, скажи, что случилось?

— Дочь Юсуфа! — свистящим шепотом повторила леди Элоиза. — Уведи ее отсюда, Джамал! Она оскверняет мой дом своим присутствием!

Зара в ужасе отступила назад. За что? Что такого она сделала? В чем ее вина?

— Матушка, немедленно изволь объясниться! — гневно потребовал Джамал.

— А ты не знаешь? Разве тебе никто не говорил?

— О чем? — в отчаянии воскликнул шейх, чувствуя, что теряет терпение. — Ты не могла бы выразиться яснее?

— Разве ты не знаешь, что твой отец погиб, сражаясь с берберами?

— Конечно, знаю, — пожал плечами Джамал. — Но при чем здесь Зара?

— Так вот его зарубил Юсуф, ее отец! Это он убил моего бедного Ахаба!

Заре казалось, что мир рухнул. Судьба снова сыграла с ней одну из своих самых злых шуток. Едва она начала надеяться, что может быть по-настоящему счастлива, как вновь явились тени прошлого и протянули к ее горлу свои костлявые цепкие руки. Разве сможет Джамал остаться верным своей любви, когда его отец пал от руки Юсуфа?!

— Матушка, я этого не знал! — растерялся Джамал, но тут же бросился на выручку Заре:

— Но как бы там ни было, она не может отвечать за своего отца!

— Прости, сын, — горестно покачала головой леди Лендфорд, — но я не хочу ее видеть. Конечно, я погорячилась и была излишне резка. Твоя... жена может остаться под этой крышей... А теперь мне хочется побыть одной.

Странно, но Джамал не испытывал к Юсуфу ненависти. Он успел неплохо узнать берберского кади, и тот вовсе не казался ему кровожадным злодеем.

— Нет, не уладится, — горько всхлипнула Зара. — Ты и сам знаешь...

Он повернулся к ней и ласково улыбнулся:

— Не переживай так, дорогая. Мы с матерью похожи, она тоже вспыльчивая, но отходчивая. Я поговорю с ней, и все встанет на свои места. Тебе же пока лучше отдохнуть. Ты, наверное, проголодалась?

Зара отрицательно покачала головой. Она и думать не могла сейчас о пище, вся она превратилась в сплошной комок нервов, и даже доносившийся из кухни запах жареного мяса вызывал тошноту. Слова леди Лендфорд ранили Джамала в самое сердце, и Зара отлично это понимала. О Аллах, помоги! Не допусти, чтобы он возненавидел ее!

Ничего не видя перед собой, Зара покорно позволила Джамалу вывести себя из залы. Они шли по каким-то лестницам и коридорам, шейх отвечал на приветствия слуг, но все это казалось ей каким-то нереальным. Должно быть, так чувствует себя человек, которого ведут на казнь. Заре хотелось бы очнуться и снова оказаться в родных Рифских горах... Но это, к сожалению, был не сон.

Войдя в свою комнату, Джамал усадил Зару в кресло у камина, подошел к окну и задумчиво уставился в туманную даль.

— Прости, любимый, я и понятия не имела, со слезами в голосе пролепетала растерянная Зара. — Мне так хотелось понравиться твоей матери!

— Все уладится со временем, — попытался утешить ее Джамал, но его голос дрогнул, и он внезапно понял, что и сам не очень в это верит. Как могло случиться, что он до сих пор не знал имя убийцы своего отца? Почему не искал человека, которому по всем законам любой веры должен был бы отомстить? Потому что это все равно не вернуло бы шейха Ахаба, ответил он себе. Потому что его отец пал в честном бою, а не от руки наемника, и ее убил тот, кого он и сам бы не пощадил.

* * *

Когда Джамал вошел в библиотеку, леди Элоиза уже ждала его. Он пытливо вглядывался в лицо матери, но на нем застыло холодное, отстраненное выражение, подобно маске скрывавшее ее подлинные чувства.

— Как ты себя чувствуешь, матушка? — спросил Джамал, чтобы как-нибудь начать разговор.

— Расскажи мне о Заре, сын, — без лишних предисловий заявила леди Элоиза, — и о том, как тебя вообще угораздило встретить дочь Юсуфа.

— Сядь, матушка, это долгая история. Когда ты выслушаешь ее до конца то, надеюсь, поймешь, почему я так полюбил Зару. Поверь, она значит для меня все, и я скорее расстанусь с жизнью, чем с ней.

— Я с твоего позволения, лучше постою, последовал холодный ответ. — Начинай, я слушаю.

Джамал говорил не меньше часа и закончил свой рассказ такими словами:

— Теперь ты сама видишь, как крепка наша любовь. Зара дважды спасла меня от неминуемой смерти.

— Я понимаю, ты у нее в долгу, — спокойно резюмировала леди Элоиза. — Но неужели нельзя было отплатить ей как-нибудь иначе? Зачем тебе понадобилось жениться?

* * *

В то время как мать и сын беседовали в библиотеке, у Зары созрело решение: она должна присутствовать при этом разговоре, ведь там решается ее судьба! Кто, кроме нее самой, сможет убедить леди Элоизу в том, что у нее нет никого дороже Джамала!

Зара выскользнула из комнаты и спустилась по лестнице, никого не встретив по дороге. Но как найти библиотеку? Она шла по какому-то длинному, слабо освещенному коридору, когда ее внимание привлекли голоса, доносившиеся из-за неплотно прикрытой двери.

Зара уже подняла руку, чтобы постучаться, прежде чем войти, но в это самое мгновение снова раздался гневный голос матери Джамала:

— Леди Каролина в сто раз лучше твоей дикарки! Она наследница огромного состояния, а ее отец член палаты лордов!

— Но я не люблю ее, матушка, — послышался твердый ответ Джамала.

— Подумаешь! Я тоже не любила твоего отца, когда попала к нему в гарем. Любовь пришла потом.

— Зара — моя жена, и давай прекратим этот бесполезный разговор.

— Ты женился на ней по мусульманскому обычаю?

— Разумеется.

— Тогда все обстоит гораздо проще, чем я думала, — с облегчением произнесла леди Лендфорд. — у тебя не будет никаких препятствий для развода, и ты наконец-то сможешь взять в жены леди Каролину. Пойми, я никогда не потерплю рядом с тобой дочь убийцы моего мужа!

Зара не стала дожидаться ответа Джамала, она и так услышала более чем достаточно. Ноги сами несли ее назад, в свою комнату.

Джамал с удивлением взглянул на мать: он еще никогда не видел ее такой агрессивной и враждебной.

— Мне очень жаль, матушка, что ты так болезненно к этому относишься. Я понимаю твои чувства, но не разделяю их. Я любил отца не меньше тебя, но его, в конце концов, убила не Зара, а винить ее в том, что сделал кади Юсуф, я не могу. Если бы не она, я бы сейчас с тобой не разговаривал, не забывай об этом.

Пожалуй, впервые за весь их разговор леди Элоиза посмотрела на сына без гнева.

— Я понимаю, что, скорее всего, несправедлива к ней, но ничего не могу с собой поделать. Ты любишь Зару? Очень хорошо, но не проси меня любить ее!

Джамал уже использовал все свои доводы, и ему больше нечего было сказать.

— Надеюсь, со временем ты изменишь свое мнение о моей жене. Я возвращаюсь к ней, она очень расстроена.

Стоя у окна, Зара чувствовала себя не просто расстроенной, она была опустошена, раздавлена. Она мечтала о счастье, но оказалось, что дочери Юсуфа в нем отказано. Здесь, в Англии, у нее нет будущего. Джамал очень любит свою мать и не пойдет против ее воли. Рано или поздно она убедит его развестись и жениться, на леди Каролине. Так стоит ли ждать этого унижения? О, какой же наивной душой она была! Ей следовало остаться в родном Марокко с отцом и не пытаться занять место рядом с Джамалом в его новой жизни.

Она видела из этого положения только один выход. Ей надо вернуться. Нельзя стоять между матерью и сыном — это сделает несчастными всех. Джамал возненавидит ее за это, и их жизнь превратится в ад.

— Почему ты не спишь, дорогая? — раздался сзади его голос. — Тебе надо отдохнуть с дороги.

Зара, погружившись в свои тяжелые мысли, даже не слышала, как он вошел.

— Я ждала тебя. Ну как, удалось поговорить с матерью?

Он подошел и обнял ее за плечи.

— Не думай о ней. Она никак не может прийти в себя. Известие о том, что ты дочь Юсуфа, поразило ее, возродило прошлую боль. Дай ей время. Я уверен, она полюбит тебя, особенно когда узнает, что скоро станет бабушкой.

Джамал нежно поцеловал ее, и Зара почувствовала, что вот-вот разрыдается. Она так любила его! Так хотела, чтобы он был счастлив! И если для его счастья ей надо будет уйти из его жизни, она уйдет. Он красив, молод и богат, и его женой должна быть родовитая англичанка вроде леди Каролины, а не дочь берберского изгоя.

Зара поцеловала его в ответ, горько сожалея о том, что им уже недолго остается быть вместе. Скоро она вернется на борт «Грабителя» и попросит капитана Брахима доставить ее в Марокко. Но пока этот день еще не настал, пока ей еще позволено любить его, она будет его любить!

— Ты нужен мне, Джамал, — шепнула Принцесса. — Нужна твоя нежность, твоя любовь...

Шейх бережно прижал Зару к себе, пытаясь прогнать то отчаяние и ужас, что застыли в ее прекрасных глазах. Она никогда ничего не боялась, и этот внезапный страх тревожил его.

«Это скоро пройдет, — сказал он себе. — В таком положении все женщины излишне впечатлительны, а тут еще резкие слова, сказанные матерью...»

— Дорогая, — с чувством ответил шейх, — дарить тебе любовь счастье для меня.

Он начал медленно ее раздевать, не спеша расстегивая каждую пуговку, каждый крючок, пока платье не упало на пол. Его жаркие поцелуи покрывали ее обнаженные плечи, шею, грудь...

— Запах твоей кожи восхитителен, — шепнул он. — Она пахнет солнцем и теплым дождем, бархатной марокканской ночью и лунным светом... всем тем, что я так люблю!

И снова его слова проникали в сердце и мозг, возбуждая не меньше прикосновений. Дыхание Зары участилось, пальцы впились в его плечи, глаза закрылись, а с губ сорвался легкий стон.

— Ты лучше всех на свете, — срывающимся шепотом ответила она. — Мне никогда не встретить другого мужчину, похожего на тебя.

— Другого мужчину? — удивился Джамал. — Да уж, лучше не надо, для его же блага.

Он страстно поцеловал ее в губы, и Заре показалось, что весь окружающий мир растворился, остались только они двое.

Его руки скользили по ее спине, гладили ягодицы и бедра, будя в ней желание. Она и не заметила, как оказалась на постели. Джамал широко раздвинул ей ноги и прикоснулся подрагивающим кончиком языка к животу, несколько раз обвел пупок, затем стал двигаться ниже. По венам Зары пробежала волна жидкого огня, воспаляя все тело, гася сознание, заставляя прислушиваться лишь к тому, что происходит там, в той волшебной точке, которая, казалось, начинала разрастаться все шире и шире, заполняя собой весь мир, заслоняя его... Ее тело начало импульсивно подрагивать, а готовый сорваться с губ стон превратился в крик острого наслаждения.

— О Аллах, помоги мне! Я умираю!

— Нет, дорогая. Смерть не так сладка, это подлинное счастье, которое может дать только любовь.

Судороги первого экстаза еще не утихли, а Джамал медленно опустился на нее, стараясь двигаться как можно осторожнее. Она раздвинула ноги еще шире, желая принять его как можно глубже; по телу прокатилась новая, еще более мощная волна желания, хотя это и

казалось уже невозможным.

Они вместе подошли к сладостному концу и вместе испытали небывалый взрыв наслаждения.

Земля разверзлась; небо с треском лопнуло, рассыпая звезды и на нем засияли тысячи солнц.

Прошло немало времени, прежде чем они смогли заговорить.

— Как ты себя чувствуешь? — еще не совсем отдышавшись, спросил Джамал. — Я не сделал тебе больно?

— О, такую боль я готова испытывать всегда...

— Ну уж нет, нам надо быть осторожнее, чтобы не повредить малышу. Постарайся хоть немного поспать.

— Мне будет спокойнее, если ты ляжешь со мной. Я не хочу отпускать тебя... так скоро.

— С удовольствием, любовь моя, но эта кровать, такая узкая для двоих. Нам придется спать на боку. Завтра же займемся устройством спальни...

Сон пришел сразу и был не менее счастливым, чем явь. Когда через несколько часов Джамал проснулся, в комнате уже было совершенно темно, а огонь в камине погас. Он осторожно встал, раздул тлеющие угли, подбросил дров и вернулся в постель. Едва он прижался к Заре, как почувствовал, что его плоть снова начинает бунтовать, требуя любви. Он вздохнул и неохотно вылез из-под одеяла, не желая мешать жене спать.

— Нет, не уходи! — попросила она.

— Я думал, ты спишь.

— Как видишь, нет.

— И все же мне лучше уйти, дорогая. — Он взял ее руку и приложил к своему вновь вставшему члену. — Посмотри, что ты со мной делаешь. Если я останусь, то вряд ли смогу заставить этого жеребца слушаться и вести себя спокойно.

— А я и не хочу, чтобы он слушался. Пожалуйста, Джамал...

Уступая ее просьбе и своему желанию, шейх попросил Зару встать на четвереньки, нежно раздвинул ей ноги и проник сзади. На этот раз он не торопился, наслаждаясь каждым движением, дожидаясь того момента, когда ее возбуждение сравняется с его собственным. Когда же это произошло, он чуть ускорил танец своих чресл, и они снова одновременно пришли к финалу.

Внезапно Зара всхлипнула и горько разрыдалась.

— Что с тобой, любовь моя? — встревожился Джамал. — Почему ты плачешь?

Она не решилась сказать ему правду.

— Потому что я очень счастлива, — солгала она.

Шейх нахмурился: в голосе жены было что-то иное, не позволившее ему поверить ей.

— Ты все еще переживаешь из-за резких слов моей матери, так?

— Я так хотела ей понравиться! — всхлипнула Зара. — А она меня сразу невзлюбила... За что?

— Леди Элоиза еще полюбит тебя, вот увидишь. Надо просто немного подождать. А теперь давай оденемся и спустимся к ужину.

— Иди один, — покачала головой Зара, — и попроси, чтобы мне прислали что-нибудь сюда. Я... я не хочу новых сцен.

— Что ж, — задумчиво произнес он, — возможно, ты и права, так будет лучше. Но

ничего, уже завтра все будет по-другому.

Зара грустно улыбнулась ему. По-другому уже не будет никогда. Ни завтра, ни послезавтра...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Шло время, и Зара все больше укреплялась в своем решении уехать. Леди Элоиза изыскивала сотни предлогов свести Джамала и леди Каролину, не говоря уж о том, что едва ли не каждый вечер приглашала последнюю на ужин.

Однажды карета леди Уэлшли почему-то не приехала за ней, и мать чуть ли не насильно отправила Джамала провожать ее. В другой раз, за столом, леди Каролина устроила «вечер воспоминаний», затеяв разговор довольно личного характера, какие обычно не ведутся при посторонних, давая тем самым понять, что просто не замечает Зары или, по крайней мере, совершенно не принимает ее всерьез. Берберка чувствовала себя лишней и ужасно мучилась, но встать и уйти не позволяли приличия; кроме того, это выглядело бы как вызов, а еще больше обострять отношения с леди Элоизой ей совсем не хотелось. Но причина ее страданий заключалась не только в этом. Джамал и Каролина прекрасно смотрелись вместе. Из них могла бы выйти чудесная пара, и его мать делала все, чтобы так и случилось. Настроение Зары падало, как барометр перед штормом, и в тот день, когда леди Уэлшли снова явилась в замок, желая: «покататься верхом с леди Элоизой», берберка поняла, что ее терпению пришел конец. Предлог был вызывающе прозрачен: все знали, что мать Джамала неважно чувствовала себя в последние дни, и ни о какой совместной верховой прогулке заведомо не могло быть и речи.

Как и следовало ожидать, сославшись на не здоровье, леди Лендфорд предложила сыну поехать вместо нее. Зара надеялась, что хотя бы на этот раз Джамал даст ясно понять, что их неуклюжий заговор ему надоел, и откажется, однако все его протесты выглядели довольно жалко, и дело кончилось тем, что он пошел переодеваться для прогулки.

С трудом сдерживая гнев, Зара высказала ему все, что думает по этому поводу.

— Мне бы не хотелось выглядеть грубым, дорогая, — со вздохом ответил он, — но ты, безусловно, права. Попытки моей матери разлучить нас слишком откровенны, и я обязательно с ней поговорю. Обещаю тебе, это в последний раз... Кстати, если хочешь, можешь к нам присоединиться.

Заре показалось, что ей дали пощечину. Она не ожидала от него подобной бесчувственности.

Он что, действительно не понимает? Широкая одежда пока что скрывала ее изрядно округлившийся живот, но скоро не поможет и она. Сама мысль о конной прогулке внушала ужас. А что, если лошадь понесет? А если споткнется и сбросит ее? Что будет тогда с ребенком? О нет! В отличие от Джамала, теперь ей приходилось думать, не только о себе и своих удовольствиях.

— Извини, но сегодня я что-то не в настроении, — холодно ответила она.

— Дорогая, ты нездорова? — встревожился Джамал.

— Да, дорогой, и довольно давно, — не удержалась от колкости Зара. — И у моего нездоровья есть название: беременность!

— Неужели ты полагаешь, что я забыл об этом? — Его улыбка лучилась нежностью и любовью. — Наш ребенок... Знаешь, мне кажется, что я уже отец мы будем очень любить его, правда?

Сердце Зары дрогнуло, но она не позволила его сладким речам снова увлечь ее:

— Тебе пора идти. Невежливо заставлять леди Каролину ждать.

— Да плевать я хотел на леди Каролину! — возмутился Джамал, решительно стягивая с себя камзол для верховой езды. — Этот глупый фарс итак слишком затянулся. Пора поставить точку. Мне, правда, не хотелось расстраивать мать, но я тоже так больше не могу.

На этот раз Зара одержала победу, но она снова встала между матерью и сыном, и это не принесло ей никакой радости.

* * *

Прошло несколько дней, прежде чем Заре наконец представилась возможность незаметно покинуть замок. Было воскресенье; выглянуло солнце, и немного потеплело. Еще загодя Джамал и Гарун решили отправиться на соколиную охоту и выехали чуть свет. Леди Элоиза сочла этот день подходящим, чтобы навестить соседей, и тоже покинула замок. Свекровь даже не предложила своей невестке сопровождать ее, но Зару это нисколько не обидело: она вообще старалась меньше попадаться ей на глаза, не желая новых конфликтов.

Зара сразу поняла, что это ее единственный шанс отправиться в Лондон. Собрав самые необходимые вещи и поспешно упаковав их, она уже направилась к двери, когда, как назло, в комнату вошла Зейнаб с подносом в руках: было время завтрака.

— Ты куда-то едешь? — удивленно спросила она.

Зара в отчаянии опустила на край постели. Лгать было бесполезно, Зейнаб все равно бы ей не поверила. Пришлось сказать правду:

— Я решила вернуться на родину.

Зейнаб поставила поднос на стол и с жалостью посмотрела на свою госпожу.

— Ты хорошо подумала? — спросила она.

— Лучше некуда. У меня нет больше сил. Я не могу безучастно наблюдать, как леди Элоиза медленно, но верно портит наши отношения с Джамалом. Наверное, она права, и ему будет лучше без меня. Он женится на леди Каролине и будет наконец-то счастлив.

— Как ты можешь такое говорить — изумилась Зейнаб. — Джамал любит тебя, и он отец твоего ребенка. Неужели ты думаешь, что он позволит тебе уехать?

— Не знаю, — едва слышно ответила Зара и уже громче добавила: — Так будет лучше. Джамал поймет меня и не станет мешать.

— Да ты просто не в себе! — всплеснула руками Зейнаб. — Надо позвать доктора Бен-Израэля, он даст тебе какое-нибудь лекарство, и ты сможешь рассуждать здраво.

— Нет, Зейнаб, пожалуйста! — взмолилась Зара, хватая ее за руку. — Ты не должна никому ничего говорить. Обещай мне! Кроме тебя, я здесь никому не верю.

— Даже не проси меня об этом, — покачал а головой Зейнаб. — Ты не доберешься до Лондона. Это чужая страна, и я слишком люблю тебя, чтобы отпустить одну в таком состоянии...

— Можешь так не переживать, — раздался насмешливый голос. — Зара будет не одна. А до Лондона мы легко доберемся. Нас довезет кучер, уж он-то наверняка знает дорогу.

Обе женщины испуганно обернулись: в дверях стояла Саха.

— Нас? — переспросила Зара. — Что ты хочешь этим сказать?

— Мне тоже осточертела эта проклятая Аллахом страна, — зло ответила Саха. — Я ненавижу Англию! Джамал как-то сказал, что здесь я буду свободна и смогу поступать как захочу. Вот я и решила вернуться в Марокко. Еще по дороге сюда капитан Брахим предложил мне стать его наложницей, а я, дура, отказалась. Но ничего, теперь-то у меня мозгов прибавилось! Он совсем еще не стар, достаточно богат и красив... Я тебе больше скажу, — добавила она, послав Заре хитрую улыбку. — Я уже договорилась с кучером. Конечно, это

стоило мне определенных... трудов, но он согласился. Однако, — Продолжала Саха, — Мне, честно говоря, странно, что ты тоже надумала ехать, хотя я и не могу тебя за это осуждать. Недавно мы перекинулись с леди Элоизой парой слов, и она дала мне ясно понять, что никогда не признает тебя членом своей семьи. Придет день, и Джамал возненавидит тебя за то, что ты постоянно ссоришь его с матерью.

— Не слушай ее, Зара! — испугалась Зейнаб. — Она все врет!

— А как же Гарун? — спросила принцесса, делая вид, что не заметила реплику своей служанки. — Ты бросишь его?

— А что мне Гарун? — с неприязнью передернула плечами Саха. — Здесь Англия, и он мне больше не господин. Теперь я сама себе хозяйка. Кроме того, — добавила она, скользнув острым, как кинжал, взглядом по Зейнаб, — последнее время он слишком увлечен кое-кем другим, чтобы уделять мне свое внимание.

— Ты никогда не любила его! — вспыхнула Зейнаб. — Он очень хороший человек и заслуживает лучшей женщины, чем такая неблагодарная дрянь, как ты!

— А за что мне быть ему благодарной? — искренне возмутилась Саха. — За то, что он бил меня? За то, что каждую ночь брал грубо и без малейшей ласки, как какое-нибудь животное? Да, ты права, я никогда не любила его. Для меня существовал на свете только один мужчина Джамал, и я не делала из этого тайны! Но раз уж в его сердце нет места для бедной Сахи, что ж, сойдет и капитан Брахим. Мне глубоко наплевать, как вы все ко мне относитесь, но я ведь тоже женщина и хочу, чтобы меня любили! С самого детства я была вынуждена драться зубами и ногтями за свое место в жизни.

Саха внезапно начала свою исповедь и уже не могла остановиться:

— В бедной семье родилась красивая девочка, судьба которой была predeterminedена с самого начала. Мне не было и тринадцати, когда меня, договорившись с отцом, изнасиловал заезжий купец. Отец получил за это пригоршню монет, а я — боль и унижение. И тогда я поняла, что меня никто не защитит, что мне надо самой сражаться за свое будущее. Я убежала из дому и несколько лет жила с торговцем верблюдами, богатым стариком, который был добр ко мне и многому меня научил. Потом он умер, и его сын, предпочитавший мальчиков, продал меня на невольничьем рынке.

Мне повезло — меня купил шейх Джамал. Он был молод и красив, ласков и терпелив, и я привязалась к нему всей душой... А затем появилась Зара, и моему счастью пришел конец. Виновата ли я в этом? Нет! Из-за тебя, гордая принцесса, я — да простит меня Аллах! — чуть было не стала убийцей и жестоко поплатилась за это. Единственный мужчина, которого я любила, отверг меня и отдал другому. Подарил, как вещь, как надоевшую игрушку... Ладно, хватит, что-то, я разоткровенничалась. Как видишь, Зейнаб, моя история чем-то напоминает твою, и я не держу на тебя зла. Бери Гаруна, он твой, будь с ним счастлива, если сможешь... Так ты едешь со мной, Зара?

— Нет, не делай этого! — снова взмолилась Зейнаб, на которую грустная исповедь Сахи не произвела никакого впечатления ей и самой было что порассказать, но это не заставляло ее делать гадости другим. — Останься, она же нарочно зовет тебя с собой, чтобы погубить!

— Я готова, — ответила Зара, хотя слова служанки и заставили ее задуматься. — Пойдем, нам надо торопиться.

— Подумай о Джамале! — в последний раз попыталась остановить ее Зейнаб. — Представь, как он будет разгневан!

— Я уже разгневан! — раздался громовой голос шейха; дверь распахнулась, и он вошел в

комнату. Его лицо было чернее тучи, глаза метали молнии, а тонкая линия побелевших губ напоминала шрам, оставленный кинжалом. — Оставьте нас! — потребовал он. — Мне надо поговорить с женой наедине.

Зара сильно побледнела, насмерть перепутанная Зейнаб поспешила ускользнуть, но Саха лишь гордо вскинула подбородок: в ее глазах стояли отчаяние и вызов.

— Прежде чем ты уйдешь, Саха, — с угрожающим спокойствием проговорил Джамал, — я хочу тебе кое-что сказать. Сегодня утром я случайно разговорился с кучером, и он поведал мне немало интересного. Мы с Гаруном обсудили это и пришли к выводу, что тебе действительно лучше уехать. Он отвезет тебя в Лондон и переговорит с капитаном Брахимом. Если тот захочет принять тебя, ты останешься у него, если нет, он отвезет тебя назад в Марокко, где вручит тебе по моей просьбе сумму, достаточную, чтобы начать жизнь свободной женщины. Не думай, что это просто, но твой характер подскажет, как поступить. Я не стану наказывать тебя за твои происки и козни, да простит тебя Аллах! Иди, я все сказал.

— Джамал, я...

— Не надо ничего говорить, Саха. Ступай, карета ждет тебя.

Она решительно направилась к дверям, но чуть задержалась на пороге, и прощальный взгляд, брошенный ею на Джамала, был по-прежнему полон обожания.

— Прощай, господин...

— Прощай Саха.

Дверь закрылась, и Зара осталась наедине с Джамалом.

— Я думала, ты на охоте, — пролепетала она.

— Моя лошадь потеряла подкову, так что нам пришлось вернуться. У ворот замка я увидел запряженную карету и сразу понял: что-то не так. Мать обычно пользуется другим экипажем, а этот держат про запас. Кучер не стал долго ломаться и все рассказал. Мы с Гаруном действительно решили, что не станем мешать Сахе, и я пришел сюда, чтобы сказать ей об этом, но, поверь, мне и в голову не могло прийти, что ты решила бежать вместе с ней. Это я узнал только из вашего разговора.

— Ты стоял и слушал за дверью?

— Да, и мне совершенно не стыдно. Напротив, я благодарен своему здравому смыслу, надоумившему меня сначала послушать, а уж потом войти... Неужели ты могла подумать, что я позволю тебя уехать? Ты же мать моего будущего ребенка!

— Так, значит, дело только в ребенке? — вспыхнула Зара. — А я? Я для тебя уже ничего не значу?

— О Аллах, ты же знаешь, что это не так!

— Нет, не знаю! Мне кажется, что я здесь лишняя и что мой отъезд всех устроит. Так по крайней мере я бы перестала мучиться оттого, что стою между тобой и твоей матерью, и бояться, что рано или поздно ты меня за это возненавидишь.

— Позволь мне самому решать, что меня устраивает, а что нет, — топнул ногой Джамал. — Кроме того, как ты могла поверить Сахе? Вся ее история от начала до конца — чистая ложь.

— Так ты слышал?

— Разумеется, иначе бы не говорил. Если хочешь знать правду, я купил ее вовсе не на невольничьем рынке, потому что она никогда не была рабыней и никогда не знала нужды. Понятия не имею, откуда она выкопала торговца верблюдами, потому что ко дворцу ее отца

эту публику на пушечный выстрел не подпускали. Саха выросла в роскоши и лени, не зная ни в чем отказа, но уже в двенадцать лет ее случайно застукали за тем, что она пыталась соблазнить молодого евнуха. Тогда она еще не понимала, что это бесполезно, но очень быстро сообразила, что к чему. Слуги, стража, гости, купцы вне зависимости от возраста и цвета кожи... Ее не интересовало, кто — лишь как и желательно побольше. Ее отец не знал, что делать, единственным способом хоть как-то образумить не в меру сладострастную дочь было запереть ее в чьем-либо гареме как наложницу, поскольку о браке и речи быть не могло.

Вот тогда-то я и взял ее к себе. Не стану кривить душой, она была красива и уже многое умела. Наверное, какое-то время я был даже увлечен ею, но это быстро прошло. Ты мне веришь?

— Да, — задумчиво кивнула Зара: рассказ Джамала многое объяснял. — Но зачем ей было мне врать?

— А она врала вовсе не тебе, а Зейнаб. Сахе позарез надо было перетащить ее на свою сторону, чтобы девушка молчала, когда она вернется.

— Вернется?! — ахнула Зара. — Как это вернется? Ты, наверное, не понял ее. Она собиралась в Лондон, капитан Брахим хотел взять ее в свой гарем и...

— Вот теперь мы подходим к самому главному. Капитан Брахим действительно обратил на нее внимание, но он никогда бы не посмел предложить женщине моего друга стать его наложницей! Саха и не думала ехать в Лондон. Она хотела вернуться и снова попытаться занять твое место. Кучер сказал мне, что она просила довести ее только до Мейдстоуна.

План был продуман до мелочей. Саха внимательно наблюдала за тобой и видела, что тебе здесь плохо. Выбрав момент, когда мы с Гаруном отправились на охоту, а леди Элоиза уехала в гости, она договорилась с кучером о «прогулке», на которую рассчитывала взять тебя, никому, разумеется, об этом не сказав. Войдя же сюда и: увидев твои сборы, она сразу поняла, что сама судьба отдает тебя в ее руки, и мгновенно придумала жалостливую историю о своей жизни и желании вернуться на горячо любимую родину. Ты поверила, и одному Аллаху ведомо, чем бы все это кончилось, не окажись я за дверью. Не знаю, как именно Саха планировала избавиться от тебя и кучера по дороге в Мейдстоун, с помощью яда или кинжала, но ей не составило бы труда потом разорвать платье, украсить себя несколькими синяками и безопасными, но впечатляющими порезами и, размазывая слезы по щекам, представить все как нападение бандитов. Самое страшное заключается в том, что ей вполне могли поверить... Все, кроме меня, разумеется, но даже я не смог бы ничего доказать, ведь здесь не Марокко.

Зара была потрясена.

— То, что ты рассказал, ужасно... Как она могла? Разве я сделала ей что-нибудь плохое? Ведь она могла убить нашего ребенка... Нет, Джамал, я не верю, что Саха способна на такое!

— Способна, дорогая. Она могла бы убить и не только ребенка, но и тебя. Тебя, любовь моя, самая дорогая моя женщина на свете! Если бы это случилось, моя жизнь тоже была бы кончена, поскольку в ней не осталось бы никакого смысла. Но, слава Аллаху, все позади. Мне надо еще раз поговорить с матерью, сказать ей о будущем внуке...

— Ответь мне честно, тебе нравится леди Каролина?

Джамал посмотрел на жену с изумлением.

— Конечно, нет! Как только ты могла такое подумать? — возмущенным тоном ответил

он. — Она всего лишь охотник, стремящийся заполучить мое богатство. Ее приданое — миф. Лорд Уэлшли банкрот, скрывающийся от кредиторов. Но дело вовсе не в этом. Пойми, наконец, я не люблю ее!

— Но твоя мать никогда не примет меня в семью.

— Ну и что? Ведь это я женат на тебе, а не она! У меня несколько имений, и, покуда позволяет твоя беременность, мы можем объехать их все по очереди, пока ты не предпочтешь то, где тебе хотелось бы жить. Мне всегда больше нравился Лендфорд, но выбор за тобой.

— Спасибо, дорогой... — Зара была искренне тронута его заботой, но все-таки не удержалась от давно уже мучившего ее вопроса: — Скажи, ты когда-нибудь раскаивался в том, что женился на мне?

— Никогда!

— Это хорошо... Ответь мне теперь еще на один вопрос: как мы можем сделать так, чтобы леди Элоиза оставила нас в покое?

— Прежде всего надо сообщить ей о нашем ребенке, — очень серьезно ответил Джамал, — а затем... обвенчаться по христианскому обряду.

Зара нахмурилась; она до сих пор почти ничего не знала о вере этой страны.

— Ты тоже этого хочешь? Если мы снова поженимся, ты будешь счастливее, чем сейчас?

— Конечно, нет! Прости, дорогая, я не имею права настаивать, но мы с тобой оказались в другом мире. Здесь свои законы и обычаи...

— Я понимаю, — перебила его Зара. — Что ж, попробуем примирить Аллаха и Иисуса... ведь, кажется, так зовут христианского Бога?

— Именно так, — рассмеялся Джамал.

Я рад твоему решению. А теперь давай спустимся и скажем моей матери, что скоро она станет бабушкой?

— Чуть позже, дорогой, — соблазнительно улыбнулась ему Зара. — У нас есть еще время для менее важных дел...

В тот вечер леди Элоиза принимала гостей. Зара и Джамал были немало удивлены, увидев среди них красивого худощавого мужчину лет сорока, который не оставлял леди Элоизу своим вниманием, ревниво оберегая ее от прочих представителей своего пола. Мать Джамала смущенно улыбалась и вообще вела себя так, словно впервые вышла в свет.

Когда все сели за стол, оказалось, что их места напротив. Леди Лендфорд не оставалось ничего иного, как представить своего друга:

— Джамал и... м-м... Зара, познакомьтесь, пожалуйста, с лордом Робертом Камминсом, графом Дурбином. Роберт, это мой сын, лорд Лендфорд.

Джамал протянул руку, и граф тепло пожал ее.

— Искренне рад нашему знакомству, — улыбнулся он.

— Вы живете где-нибудь неподалеку? — улыбкой на улыбку ответил Джамал. — Не помню, чтобы мы раньше встречались.

— О, ничего странного! Я купил имение Хинкли всего несколько месяцев назад и, таким образом, лишь недавно стал вашим соседом. А потом, на приеме у леди и лорда Фримонт, данном в мою честь, я имел счастье быть представленным вашей очаровательной... обворожительной матушке! — С этими словами он послал леди Элоизе столь выразительную улыбку, что даже Джамал почувствовал, что краснеет.

— А это, как я понимаю, ваша супруга? — продолжил лорд Дурбин, склоняясь над ручкой Зары.

— О да, — довольно холодно ответила за Джамала леди Лендфорд. — Это леди Зара. Мой сын женился на ней в Марокко...

— Матушка!.. — скрипнул зубами Джамал, едва не сломав серебряную вилку. — Нам надо поговорить... Наедине! Надеюсь, лорд Дурбан нас извинит.

— Ну разумеется! — великодушно откликнулся тот. — Пока вы будете беседовать, я с удовольствием поболтаю с вашей женой.

— Благодарю вас, вы очень любезны, — натянуто улыбнулся Джамал, вставая. Леди Элоиза тоже, хотя и с явной неохотой, поднялась со своего стула и последовала за сыном.

— Давай пройдем в библиотеку, мама, — сквозь зубы процедил он.

До библиотеки они шли молча, лишь когда Джамал открыл массивную дубовую дверь и пропустил леди Элоизу вперед, она недовольно спросила:

— Неужели это не могло подождать? У меня гости, и я...

— Во-первых, — почти грубо перебил ее он, прекрати унижать Зару и обращаться ней, как с какой-нибудь простолюдинкой. Она моя Жена, и забывать об этом я тебе не советую. Во-вторых, я не хочу больше видеть здесь леди Каролину. Я отлично понимаю, чего ты добиваешься, но это бесполезно. И вообще, не заставляй меня сожалеть о том, что я приехал в Англию!

— Ты не можешь понять меня, сын! — ломая руки, воскликнула леди Элоиза. — Всякий раз, как я вижу твою берб... прости, твою жену, я вспоминаю Ахаба и того, кто его убил.

— Всякий раз, как я смотрю на Зару, я вижу женщину, которую люблю, и мать моих будущих детей, — ледяным тоном ответил Джамал. — Кстати, имею честь сообщить тебе, что она беременна. Скоро я стану отцом, а ты — бабушкой.

— Ч... что ты сказал? — растерялась леди Элоиза. — У нее будет ребенок?

— Именно так, матушка. Но тебя это не должно волновать. Я намерен вскоре увезти Зару отсюда. Ты слишком холодна с ней, а я хочу дать своей семье тепло и любовь.

— Ребенок... — не слыша его, повторила леди Элоиза, и ее лицо смягчилось. — Как это прекрасно! Ребенок вновь даст жизнь древним стенам нашего замка!

— Ты что, не поняла, матушка? Мы с Зарой не останемся в Лендфорда!

Леди Элоиза словно очнулась от дурного сна, и Джамал вдруг вновь увидел перед собой ту добрую и любящую мать, которую знал всегда.

— Ох, сын, прости меня, — с искренним раскаянием в голосе произнесла она. — Я не знаю, что на меня нашло... Наверное, я просто старая дура. Молю тебя, не отбирайте у меня моего внука! Я готова на колених молить тебя и Зару о прощении. Признаю, я была несправедлива и жестока к ней. Я готова признать что угодно, только не лишайте меня внука!

— Перестань, матушка, — смутился Джамал. — Конечно, я прощаю тебя, но за Зару говорить не могу. Она едва не сбежала отсюда, полагая, что стоит между нами... Было бы лучше, мама, если бы ты сама извинилась перед ней.

— Я постараюсь полюбить ее, сын... — тихо ответила она. — Очень постараюсь.

* * *

Они вернулись к гостям, и леди Элоиза, отозвав Зару в сторону, сказала ей несколько слов, после чего девушка, сияя счастливой улыбкой, снова заняла свое место за столом рядом

с Джамалом.

Лорд Дурбин встал и поднял свой бокал.

— Я хочу предложить тост за любовь, — торжественно произнес он. — За любовь молодых, связавшую леди Зару и лорда Джамала, а также за любовь... уже не очень молодых, связавшую вашего покорного слугу и леди Элоизу.

КОНЕЦ!!

Больше книг на сайте - Knigolub.net